Адмирал Г И Бутаков

А Лурье
А Маринин

SHOUT
SHARE
IT

- Лурье А & Маринин А

Лурье А & Маринин А
Адмирал Г И Бутаков

Лурье А., Маринин А.

Адмирал Г. И. Бутаков

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Goodwrench: Настоящая книга - биография адмирала Г.И.Бутакова (1820-1882 гг.), на годы службы которого в российском флоте пришлись два важных события - Крымская война и переход от парусных к паровым военным судам. Книга создана в годы правления И.С.Сталина, чему обязана своим своеобразным стилем. Тем не менее все, интересующиеся историей российского военно-морского флота, найдут здесь много интересного и любопытного.

Содержание

Введение
Детство. Морской корпус
Офицер флота
Начало командирского пути
Крымская война
Главный командир Черноморского флота
Начальник практической эскадры
"Новые основания пароходной тактики"
Начальник первой русской броненосной эскадры
Последние годы жизни
Заключение
Основные даты жизни и деятельности Г.И. Бутакова
Примечания

Введение

Середина XIX столетия ознаменовалась событием, сыгравшим огромную роль в развитии военно-морского искусства: на смену деревянным парусным кораблям окончательно пришли железные паровые. Этим переходом флоты всего мира в значительной мере обязаны русским людям - талантливым самоучкам-умельцам, изобретателям, конструкторам. Это они в конце XVIII века создали паровую машину. Это ими в 1815 году в Петербурге был построен первый колесный пароход "Елисавета" с машиной мощностью в 16 л.с., а в 1836 году пароходо-фрегат{1} "Богатырь" водоизмещением в 1340 тонн с машиной мощностью в 240 л.с.

Русская конструкторская мысль часто опережала заграницу. Однако техническая отсталость царской России, низкий уровень

производства и реакционная политика правящих классов в области развития производительных сил страны ограничивали широкое практическое применение русских изобретений. Поражение в Крымской войне 1853-1856 годов со всей наглядностью показало общую экономическую отсталость России и как следствие плохое техническое оснащение армии и флота. После этой войны царское правительство было вынуждено приступить к перевооружению флота, и в России началась систематическая постройка железных паровых военных кораблей. Новый паровой флот требовал новой тактики, новых приемов ведения боя в море, принципиально отличных от приемов парусного флота. Эта тактика раньше, чем в других странах, была разработана в России. Передовые русские морские офицеры своевременно и правильно поняли необходимость изменения приемов морского боя. Наиболее значительный вклад в развитие тактики парового флота внес известный русский флотоводец адмирал Григорий Иванович Бутаков.

В основе военно-морского образования, полученного Бутаковым, лежала тактика современного ему парусного флота; но, изучив боевые свойства паровых кораблей, он понял, что появление железного парового флота открыло новую эпоху в истории военно-морского искусства, и выступил как теоретик парового военно-морского флота. Иностранные теоретики считали, что в условиях боевых действий паровой флот может использовать тактику парусного флота. Бутаков же, выступив как подлинный новатор, решительно поставил вопрос о создании новой тактики, основанной на специфических свойствах паровых кораблей.

Заслуги Григория Ивановича Бутакова в деле создания тактики парового флота огромны. Многие положения, выдвинутые в его трудах, не потеряли своего значения и в наши дни. А между тем, по причине недостаточного исследования истории развития русского военно-морского искусства эпохи парового флота труды этого выдающегося деятеля русского флота изучены мало.

Русское военно-морское искусство (а следовательно, и тактика, являющаяся его составной частью) развивалось в непрерывной борьбе передовых взглядов прогрессивной части русского морского офицерства с реакционными взглядами высшего руководства морского министерства. Передовые адмиралы и офицеры русского флота с первых дней его основания направляли развитие отечественного военно-морского искусства по самостоятельному пути. Официальные же военно-морские теоретики царской России, в трудах которых отражалось

преклонение правящих классов перед иностранщиной, умаляли значение русского военно-морского искусства. Не признавая передового характера отечественного военно-морского искусства, его самобытности, он" утверждали, что русские флотоводцы в разработке тактических приемов ведения боевых действий на море были всего лишь слепыми последователями иностранных адмиралов. Подобные представления о духовной неполноценности русского народа, о том, что русские всему должны учиться у западноевропейских авторитетов, насаждали в России в своих интересах иностранные капиталисты, а чуждые народу правящие классы царской России, не веря в творческие силы русского народа, охотно поддерживали их.

Выразителями таких взглядов в области истории военно-морского искусства были Жерве, Кладо и Петров. Не сумев в силу классовой ограниченности правильно понять состояние военно-морского искусства в России во второй половине XIX века, т.е. в период перехода страны от феодально-крепостнической формации к капиталистической, они не только неверно определяли роль передовых русских флотоводцев в развитии военно-морского искусства, но и вообще отрицали самостоятельность передового русского военно-морского искусства и его влияние на западноевропейское.

Так, например, Петров в своей книге "Трафальгар, Цусима, Ютландский бой", говоря о заслугах адмирала Бутакова в развитии тактики парового флота, сводил их к разработке правил эволюции (перестроения кораблей из одного строя в другой). Тактические взгляды Бутакова он объявил чисто формальными, узко догматическими и вредными.

Петров умалял значение известного труда вице-адмирала С. О. Макарова "Рассуждения по вопросам морской тактики", хотя, как известно, в этом труде была развита дальше тактика парового флота, основы которой были заложены Бутаковым. Признавая энциклопедизм труда Макарова и ценность приведенных в нем сведений, Петров вместе с тем утверждал, что в этом труде основная идея тактики морского боя изложена неясно. Преднамеренно подчеркивая отдельные недоработанные или спорные положения, Петров преуменьшал то новое, прогрессивное, что внес Макаров в тактику парового флота.

Передовым взглядам Бутакова и Макарова Петров противопоставлял реакционную теорию американского контр-адмирала Мэхэна и английского вице-адмирала Коломба, основанную на антинаучном принципе "вечных законов". Согласно этому принципу законы ведения боевых действий на море остаются неизменными, как бы с течением времени ни

менялись оружие и боевая техника флота. Явную ошибочность такого воззрения понимал еще Бутаков. А Макаров, говоря о трудах Мэхэна и Коломба, советовал "не считать, что выводы их, основанные на примерах парусной эпохи, безусловно верны в наш век машин и электричества"{2}.

Согласно теории Мэхэна и Коломба главной задачей флота во время войны являлось достижение господства на море - так называемое "командование морем". Теория эта была создана в период, когда между капиталистическими странами началась борьба за передел уже поделенного мира. В основе ее лежало стремление оправдать необходимость колониальных захватов империалистическими странами, в первую очередь Америкой и Англией. Условием успешных захватов являлось, согласно этой теории, "морское могущество".

Для трудов Петрова, Жерве, Кладо и подобных им теоретиков характерно не только искажение исторического процесса развития отечественного военно-морского искусства, принижение роли русских флотоводцев и пропаганда преклонения перед иностранными авторитетами, но и то, что в них делалась попытка оправдать политику царского правительства в отношении отечественного флота.

Творческое решение проблем советской военно-морской науки и ее дальнейшее развитие требуют освоения наследства передовых теоретиков русского военно-морского флота и решительного разоблачения реакционной военной буржуазно-дворянской идеологии на основе марксистско-ленинского учения о войне и армии.

Военно-морской флот России в начале XIX столетия находился в состоянии упадка. Созданный в 1802 г. "Комитет образования флота" не способствовал усилению военно-морских сил страны. Стоявший во главе комитета граф А.Р. Воронцов не понимал роли флота в системе вооруженных сил страны. Он считал, что "России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках..."{3} Взгляды Воронцова разделял и военно-морской министр России контр-адмирал П.В. Чичагов, "англичанин до презрения всего русского", как его метко характеризовали современники.

Период, в который морским министерством управляли Чичагов (1802-1809) и его преемник маркиз де-Траверсе (1809-1825), является наиболее мрачным периодом в истории русского военно-морского флота. В результате их деятельности флот России был значительно ослаблен.

Хотя в списках флота значилось большое число кораблей, фактически годных к дальним плаваниям к 1824 году на Балтийском флоте было только пять кораблей, а на Черноморском - десять. Дело в том, что срок службы боевого корабля равнялся тогда в среднем девяти годам? и три корабля ежегодно в силу старости приходили в негодность, а восполнять эти потери не представлялось возможным, так как из-за экономической отсталости России три корабля строились обычно в течение двух лет. Поэтому старые корабли ремонтировались в оставались в составе флота как "годные к службе", хотя плавать в открытом море они не могли.

В 1825 году был вновь создан "Комитет образования флота". На этот раз в его состав вошли опытные моряки - Д. Н. Сенявин, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинсгаузен и другие. В результате деятельности этого комитета были проведены реформы по управлению флотом, основан главный морской штаб и организован морской ученый комитет, который начал издавать записки по различным вопросам строительства флота, а с 1848 г. - журнал "Морской сборник".

Несколько "временных" комиссий, в которых участвовали И. Ф. Крузенштерн, М. П. Лазарев и известные русские кораблестроители - А. А. Попов, И. А. Амосов и другие, занимались решением научных и технических вопросов, связанных со строительством флота. Материальная часть кораблей была значительно улучшена. Улучшилась и организация строительства кораблей.

Средиземноморская кампания 1827-1829 годов прервала деятельность комитета. В ходе этой кампании русская эскадра, руководимая прогрессивными офицерами, представителями передового отечественного военно-морского искусства контр-адмиралом Л. П. Гейденом и капитаном 1 ранга М. П. Лазаревым, своими отважными действиями у Наварина (18 октября 1827 года) обеспечила соединенному англо-франко-русскому флоту блестящую победу над турецко-египетским флотом.

После заключения в 1829 году мира с Турцией строительство русского флота возобновилось. Его численность стала возрастать, но боеспособность по-прежнему оставалась низкой.

Причиной этого был разлагающийся феодально-крепостнический строй России. Введенная Николаем I система воспитания и подготовки армии и флота преследовала в основном военно-полицейские цели. Эта система полностью поддерживалась консервативным руководством флота и в первую очередь морским министром князем А.С. Меншиковым. От флота требовалась прежде всего парадность. Методом обучения моряков

была жестокая в бессмысленная муштра. Соединения кораблей проходили подготовку по николаевским сухопутным уставам. Дело доходило до того, что канонерские лодки должны были, например, согласно уставу "батальонного учения", под бой барабанов проделывать построения и перестроения полувзводных и взводных колонн и т.п. К боевым действиям флот не готовился. В море корабли почти не выходили. Учения, как правило, проводились с целью подготовки к царским смотрам. Так обстояло дело на Балтийском флоте.

Иную картину представлял Черноморский, флот. Находясь вдали от Петербурга, он испытывал на себе меньшее влияние царского двора. На Черноморском флоте, во главе которого стоял адмирал М.П. Лазарев, служило немало прогрессивных офицеров (В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, В.И. Истомин и другие). Этот флот чаще, чем Балтийский, вел боевые действия, а потому и чаще находился в состоянии боевой готовности. Вследствие этого Черноморский флот представлял более организованную боевую силу.

Таково было положение в царском флоте в первой половине XIX века, когда начинал свою деятельность Григорий Иванович Бутаков.

Детство. Морской корпус

Григорий Иванович Бутаков родился в Риге 27 сентября 1820 года. С детства он полюбил море. Несмотря на слабое здоровье, он мечтал о морских подвигах. В семье Бутаковых службана флоте была традицией. Примером для мальчика был его отец Иван Николаевич Бутаков - храбрый морской офицер. Двенадцатилетним гардемарином он участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях со шведами (в войне 1788-1790 годов). В русско-турецкой войне 1828-1829 годов Иван Бутаков командовал линейным кораблем и за подвиги был произведен в контрадмиралы, а позже - в 1848 году - получил чин вице-адмирала.

Гриша мечтал быть похожим на отца.

6 мая 1831 года он был принят в Морской кадетский корпус.

В те годы, вскоре после разгрома восстания декабристов, в пору жестокого николаевского режима, беспощадно подавлялось всякое проявление свободной мысли. Господствующие классы во главе с царем, первым помещиком империи, стремились во что бы то "и стало сохранить крепостной строй. Окружив себя чиновниками из прибалтийских немцев и наиболее видных русских реакционеров-крепостников, Николай I стал насаждать в России прусские порядки, в основе которых лежал грубый полицейский произвол.

Стремясь укрепить самодержавие, усилить централизацию управления государством, Николай I создал "Собственную его императорского величества канцелярию", которая фактически и была верховным органом страны, поставленным над высшими государственными учреждениями - министерствами, Комитетом министров, Государственным советом, Сенатом и Синодом. Борьба с революционным движением возлагалась на III отделение канцелярии. Это отделение, возглавлявшееся жестоким крепостником, аракчеевским генералом Бенкендорфом, должно было "вникать в направление умов", находить и карать революционно настроенных людей, осуществлять цензуру и контроль над просвещением.

Военно-полицейский режим в стране, полное бесправие широких народных масс, реакционная внешняя политика - все это обеспечивало русскому самодержавию поддержку со стороны реакционных правительств ряда стран Европы, видевших в нем силу, способную в случае необходимости подавить революционное движение в их странах.

Николаевская реакция губительно отразилась на состоянии русской армии и флота. В основу подготовки войск и экипажей кораблей Николай I положил прусскую систему, превращавшую солдат и матросов в бессловесные автоматы. Именно такое войско нужно было царю, И чтобы сделать его таким, он ввел в армии и на флоте невиданно жестокую палочную дисциплину.

Реакционная политика Николая I определяла также и методы подготовки офицерских кадров. Образование считалось злом. В армии и на флоте ценились не образованные, мыслящие офицеры, а служаки, равнодушные ко всему, кроме строя. "Без науки побеждать можно, но без дисциплины - никогда", - писал директор императорской военной академии генерал Сухозанет (впоследствии военный министр) в приказе по академии от 14 февраля 1847 года. Это мнение было господствующим в военных кругах России и определяло направление деятельности всех военно-учебных заведений, которым Николай I поставил цель - готовить не столько командиров, сколько "хранителей" монархического строя. Лучшие просветительские традиции не находили поддержки в официальных кругах и предавались забвению. О том, каким, по мнению царя, должен был быть идеальный воспитанник военного училища, мы узнаем из воспоминаний историка С.М. Соловьева: "Посещает император одно военное училище; директор представляет ему воспитанника, оказывающего необыкновенные способности, следящего за современной войной, по своим соображениям верно предсказывающего исход событий. Что же отвечает император?

Радуется, осыпает ласками даровитого молодого человека, будущего слугу отечества? Нисколько. Нахмурившись, отвечает Николай: "Мне таких не нужно, без него есть кому думать и заниматься этим; мне нужны вот какие!" - С этими словами он берет за руку и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кус мяса, без всякой жизни и мысли в лице, и последнего по успехам"{4}.

Морской кадетский корпус, куда поступил учиться Григорий Бутаков, не избежал участи всех царских военно-учебных заведений. Новая инструкция для воспитателей и воспитанников, полученная корпусом в апреле 1826 года, предписывала прежде всего дать воспитанникам "бодрую осанку и молодецкий взгляд", для, чего особое внимание обращалось на строевые занятия.

Боясь науки, боясь пробуждения живой мысли и инициативы, царь требовал, чтобы кадетские корпуса готовили вымуштрованных, не думающих офицеров-автоматов. Отношения между воспитателями и кадетами основывались на грубом произволе и принуждении. Кадет наказывали за малейшие проступки: за неуспех в учебе, за "нерадение" на строевых занятиях, за неопрятность в одежде и за многое другое. Главной, если не единственной, мерой наказания была розга. Кадетские корпуса превратились в своего рода исправительные заведения.

Воспитание, основанное на постоянном страхе наказания, не могло дать хороших результатов. Боязнь наказания заставляла учащихся изощряться во лжи и изворотливости. Почти в каждом воспитателе кадеты видели своего врага.

В преподавании господствовал формализм. Почти все преподаватели читали свои предметы по книге, слово в слово. Воспитанников заставляли наизусть заучивать целые параграфы учебников. "Воспитание, о котором он (Николай I. Авт.) мечтал, сложилось... - писал Герцен, - и это избиение душ младенческих продолжалось тридцать лет! Отраженный в каждом инспекторе, директоре, ректоре, дядьке - стоял Николай перед мальчиком в школе, на улице, в церкви, даже до некоторой степени в родительском доме, стоял и смотрел на него оловянными глазами без любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась, не заметят ли глаза какой-нибудь росток свободной мысли, какое-нибудь человеческое чувство"{5}.

* * *

Петербург, начало лета 1831 года. В огромной столовой Морского корпуса, застыл по команде "смирно" фронт кадет. Началось строевое, учение. Взоры всех устремились на дверь, где появился контр-адмирал Качалов, помощник директора Морского корпуса. Он медленно прошел вдоль фронта. Гриша Бутаков,

бледный, невзрачный мальчик, затаив дыхание, вытянулся в струнку, Он знал, что за малейший недочет в одежде или выправке будет сурово наказан.

Бегающие, рысьи глаза Качалова на мгновенье остановились на Грише и равнодушно скользнули по фронту дальше. У Гриши отлегло от сердца. Он не был трусом; но он не забыл еще недавней "генеральной экзекуции", которой распоряжался сам Качалов.

Затрещал барабан, и строй двинулся к задней стене зала, возле которой стояла огромная, в натуральную величину, модель парусного корабля, клотиками своих мачт упиравшаяся в потолок. Гриша четко маршировал, высоко поднимая ноги.

...Левой! Привой! Левой! Правой!.. Гриша Бутаков проходил - в который уже раз! - мимо укрепленного на стене трофейного турецкого флага, взятого в Наваринском сражении кораблем "Александр Невский". Флаг этот напоминал о победах русского флота в Средиземном море. Всякий раз, когда Гриша смотрел на этот флаг, сердце его невольно наполнялось гордостью: хотя его отец в Наваринском сражении не участвовал, но был награжден за такое же славное дело.

Грубый окрик унтер-офицера вернул мальчика к унылой действительности. Гриша поспешно переменил ногу. Автоматически, как заводные игрушки, маршировали колонны кадет. Оглушительно трещал барабан. Качалов и его помощники бранились, раздавая направо и налево пинки и подзатыльники. Качалов до самозабвения увлекался "шагистикой". За малейшую ошибку он грозил "спустить шкуру".

Директор корпуса адмирал Иван Федорович Крузенштерн был человеком добрым и гуманным. Он пригласил в корпус лучших преподавателей. Грубое обращение с воспитанниками он запрещал. Телесные наказания разрешалось применять только в "чрезвычайных случаях". Но Качалов и ему подобные нарушали приказ директора. Высмеивая директора за "мягкотелость", они старались доказать, что его методы воспитания "обессилят флот приливом никуда негодных офицеров-белоручек".

* * *

Воскресные дни Гриша Бутаков проводил в доме своего дяди, капитана 1 ранга Александра Николаевича Бутакова, служившего в столичном департаменте. Дядя был скупым, неприветливым человеком, и дни, проведенные у него, доставляли мальчику мало радости. Вот почему, несмотря на обстановку суровой муштры, царившую в корпусе, Гриша нередко с чувством облегчения возвращался туда после воскресного отдыха.

Однако пребывание в доме дяди оказало на Гришу и

положительное влияние. Дядя привил ему научную любознательность, трудолюбие, интерес к технике, стремление к изобретательству.

Уже тогда, в годы отрочества, в характере Бутакова проявились как положительные черты - твердость и целеустремленность, принципиальная правдивость и честность, так и отрицательные - скрытность и чрезмерная обидчивость. В этом отношении интересно письмо Бутакова отцу, где он вспоминает эпизод детства, особенно запечатлевшийся в его памяти. Однажды Гриша и его двоюродные братья нашли на чердаке дядиного дома никому не нужный, всеми забытый ящик раковин. Продавая изредка раковины богатый одноклассникам, они получали таким образом возможность покупать лакомства. Дядя узнал, что у мальчика появились деньги. Сильно разгневанный, он обвинил его в краже денег из кабинета. "Это было мне сильным ударом, - с глубоким волнением вспоминает Бутаков. - Слово "воровать" поразило меня, и чтобы доказать, что я не воровал, я рассказал, что гривенник, на который Ванюшка побежал купить леденцов, я не украл, а получил за раковину, которую взял на чердаке... как заброшенную вещь. Что же касается до того, чтобы брать из кабинета деньги, то поверьте мне, милый тятинъка, что я не только никогда не был способен на это, но помню хорошо, что и в корпусе был всегда честным; потеряв платок, никогда не "сводил" у другого; даже за потерянную пуговицу готов был всегда отдать несколько булок, а сам не есть, нежели потихоньку "отвинтить" у другого..."{6}.

Большую радость доставляли кадету Бутакову ежегодные учебные плавания между Петербургом и Кронштадтом. Его неудержимо влекли море и морская служба. Здесь не было удушливой атмосферы корпуса с бесконечной маршировкой и розгами.

Учился Гриша хорошо. Особенные способности проявил он в изучении математики и иностранных языков. К последним он относился весьма серьезно, понимая, насколько важно для морского офицера знание языков. Впоследствии, отправляясь впервые в заграничное плавание, Григорий Бутаков с гордостью писал своему отцу: "Если меня пошлют на шхуне заграницу, у меня есть талисман, которым немногие обладают: я буду нужен своему командиру, как драгоман (переводчик. - Авт.), если он сам не силен в языках (в чем я почти не сомневаюсь), и вообще, как офицер, знающий языки"{7}.

9 января 1836 года шестнадцатилетний гардемарин Бутаков успешно окончил Морской корпус и летом ушел в первое практическое плавание по портам Балтийского моря на фрегате

"Венус", а летом следующего года плавал на фрегате "Александр Невский". На этом практическая учеба Бутакова закончилась.

Офицер флота

23 декабря 1837 года Григорий Бутаков был произведен в мичмана и послан на Черноморский флот.

Здесь его зачислили в 3-й флотский экипаж и назначили на линейный корабль "Силистрия" флаг-офицером к адмиралу М.П. Лазареву. Деятельность выдающегося русского мореплавателя и флотоводца М.П. Лазарева занимает видное место в истории отечественного флота. Воспитывая моряков в духе лучших передовых традиций русского военно-морского искусства, адмирал Лазарев добился того, что Черноморский флот по организации и боевой подготовке превзошел лучшие иностранные флоты.

За время своего командования флотом (1834-1851 годы) он фактически заново создал флот. В Севастополе, Николаеве и Херсоне было построено около 125 различных судов, в том числе 16 линейных кораблей, 9 фрегатов, 7 корветов, 11 бригов в 25 канонерских лодок. Качество построенных кораблей было исключительно высоким. Впервые на Черноморском флоте появились 120-пушечные линейные корабли. Правильно оценив значение бомбических пушек, стрелявших разрывными снарядами (бомбами), Лазарев вооружил ими линейные корабли и пароходо-фрегаты.

Строя Черноморский флот, Лазарев одновременно создавал для него в Севастополе главную базу. Он лично руководил разработкой проекта нового Адмиралтейства и сам возил проект в Петербург, где добился его утверждения.

Лазарев предвидел, что будущее принадлежит железному паровому флоту. Поэтому он стремился ввести в состав Черноморского флота не только деревянные, но и железные пароходы. При нем Черноморский флот пополнился шестью пароходо-фрегатами и 28 пароходами.

На Черноморском флоте постоянно проводилась усиленная боевая подготовка, почти непрерывно морякам-черноморцам приходилось участвовать в боевых действиях у кавказского побережья. Только с 1833 по 1841 год на восточном берегу Черного моря было занято одиннадцать населенных пунктов. Здесь были построены укрепления, в том числе Новороссийск, Геленджик, форт Вельяминовский (Туапсе) и форт Навагинский (Сочи).

Боевые действия в восточной, части Черного моря Лазарев сумел использовать для повышения уровня боевой подготовки флота. Он строго следил за тем, чтобы все офицеры

Черноморского флота прошли через эту школу боевой практики.

Целью боевой подготовки было детальное изучение морского дела экипажами всех кораблей, начиная с матросов и кончая командирами. Лазарев требовал от офицеров, чтобы они учили подчиненных исполнять свои обязанности не механически, а отчетливо представляя значение своих действий в боевой обстановке. Естественно, что таким воспитателем мог быть только офицер, в совершенстве знающий военно-морское дело. "Морское дело наше, - говорил Лазарев, - требует постоянных занятий в оном... Морской офицер, не зная дела своего во всех подробностях, никуда не годится"{8}. Сам Лазарев в этом был непревзойденным образцом.

Главными принципами, которые Лазарев положил в основу подготовки личного состава флота, были организованность и железная дисциплина. Сами по себе эти принципы были не новы. Новое заключалось в том, что их осуществление основывалось не на страхе наказания, а на твердом знании каждым своих обязанностей на корабле. Такой подход к делу давал прекрасные результаты.

Лазарев был одним из немногих передовых русских адмиралов, веривших в высокие моральные качества и способности русского матроса. Он требовал, чтобы начальники относились к подчиненным с уважением. Он был противником побоев и розг. В таких взаимоотношениях Лазарев видел единственный путь к укреплению авторитета начальников и к созданию на кораблях сплоченного боевого коллектива.

Мероприятия, проводимые Лазаревым по укреплению Черноморского флота, требовали воспитания в офицерах чувства нового, нетерпимости к рутине. Подбору, подготовке и выдвижению таких кадров Лазарев уделял самое серьезное внимание. Судить о человеке по его делам - таков был критерий Лазарева. "Всякое положение человека, - говорил он, - прежде всего возлагает на него обязанности, с точным, безукоризненным выполнением которых связана не только служебная, но и личная честь". Особенно внимательно Лазарев относился к тем офицерам, которые проявляли живой интерес к морской службе. Таких он нередко приглашал к себе на чашку чая, отечески беседовал на самые разнообразные темы и давал поручения, подчас довольно ответственные. Зато нерадивые к службе не могли ожидать от него снисхождения! Их, как правило, Лазарев назначал на службу к командирам, отличавшимся исключительной строгостью и требовательностью.

Обо всем этом мичман Григорий Бутаков неоднократно слышал еще до прибытия на Черноморский флот. В конце декабря

1837 года он явился к адмиралу Лазареву, Адмирал взглянул на мичмана, стоявшего перед ним навытяжку. Бутаков ему понравился, но он не любил "баловать" новичков.

- Бутаков? - с напускной холодностью заметил он: - Да... еще в молодые годы я знавал вашего отца... Иван Николаевич отважный моряк. Надеюсь, вы оправдаете его надежды. Пока вы останетесь при мне. Вскоре я дам вам случай проявить себя и понюхать пороху.

Такой случай вскоре представился.

* * *

Русско-турецкая война 1828-1829 годов явилась, как и предшествовавшие ей русско-турецкие войны, результатом острейших международных противоречий на Ближнем Востоке, вошедших в историю под названием "восточного вопроса". Противоречия эти возникли еще в XVII столетии, когда могущественная до того времени Турецкая империя стала приходить в упадок. Национально-освободительная борьба порабощенных турками народов Балканского полуострова, Передней Азии, Северной и Северо-Восточной Африки ускорила распад огромной империи.

К этому времени Ближний Восток уже привлекал внимание западноевропейских держав - Франции, Австрии, Пруссии и особенно Англии, искавших здесь рынки сбыта и кратчайшие пути в страны Средней и Южной Азии. Упадок внешнеполитического могущества Турецкой империи способствовал усилению борьбы между этими странами за захват важнейших экономических и политических позиций как в самой Турции, так и на Балканах.

Австрия захватила северо-западные области Балканского полуострова, Франция устремилась в Египет и Переднюю Азию, а Англия ставила своей целью безраздельное господство во Внутренней Азии, в проливах и на Черном море.

В начале XVIII века активизировала свою политику на Ближнем Востоке и Россия. Она стремилась освободить от турецкого владычества черноморское побережье, чтобы получить доступ к южным морским торговым путям, отсутствие которых тормозило развитие экономики страны.

В результате ряда русско-турецких войн, происходивших во второй половине XVIII и в начале XIX столетия, к России отошло северное и часть восточного побережья Черного моря, для плавания русских торговых судов открывались проливы Босфор и Дарданеллы. Крым сначала был объявлен независимым, а затем присоединен к России. Быстро росло русское влияние и среди балканских народов, видевших в России защитницу их интересов,

так как войны России против Турции вели к освобождению балканских народов от турецкого ига. Так, в результате войны 1828-1829 годов была закреплена автономия Молдавии, Валахии и Сербского княжества, а Греция стала независимой.

Усиление России на Черном море и рост ее политического влияния на Балканском полуострове мешали западноевропейским державам, и в особенности Англии, реализовать их экспансионистские планы в этих районах. Наиболее острыми противоречиями в "восточном вопросе" в начале XIX века становятся англо-русские.

Стремясь вытеснить Россию из бассейнов Средиземного и Черного морей, Англия пыталась подчинить своему влиянию Турцию. С этой целью она навязывала Турции кабальные займы, прибирала к рукам экономическую и политическую жизнь страны. Подстрекаемая Англией, Турция непрестанно угрожала России военной интервенцией.

Но экспансионистские устремления Англии не ограничивались этим. Англия хотела отторгнуть от России Кавказ и тем ослабить ее позиции на Черном море. Для этого она с помощью турецкого правительства и непосредственно своими силами поддерживала мюридизм - воинствующее религиозное течение в исламе, проповедывавшее идею "священной войны" против "неверных". Англичане рассчитывали, используя мюридизм, поднять кавказских горцев против России, отторгнуть от нее Кавказ и присоединить его к Турции.

Англичане и турки засылали на Кавказ своих агентов, которые призывали горцев к войне против "неверных" - русских. К черноморскому побережью Кавказа тайно приходили английские шхуны и бриги, привозившие горцам порох и оружие.

Активность английских агентов на Кавказе особенно возросла в 30-х годах XIX века. Весьма оживленную переписку в это время вызвал эпизод с английской вооруженной шхуной "Виксен". Обнаруженная у Черноморского побережья русским бригом "Аякс", она была захвачена им как приз. Однако экипаж шхуны до задержания успел передать горцам груз, состоявший из пушек, пороха и соли. Несмотря на бурю протестов, поднятую в Англии, твердая позиция русского правительства вынудила британское правительство Пальмерстона признать законность захвата шхуны русским бригом.

Обо всех антирусских провокационных действиях английской агентуры рассказал в своей книге, изданной в 1840 году, один из крупных английских агентов Джордж Белл, организатор экспедиции шхуны "Виксен". Он открыто заявил, что "черкесы сражаются за наше (т. е. британское.- Авт.) дело"{9}.

Намерения англичан в отношении Кавказа, равно как и цели, которые преследовал мюридизм, были крайне реакционны. Присоединение Кавказа к России было явлением прогрессивным, так как благодаря ему Кавказ приобщался к передовой русской культуре, включался в сферу более передовой, чем на Кавказе или в Турции, экономики. "Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности - остаток старинной патриархальной замкнутости..."{10}.

Чтобы прервать связь английских и турецких агентов с племенами горцев, русское правительство решило выделить из состава Черноморского флота два отряда для крейсирования вдоль кавказского побережья (от Анапы до Поти). В 1837 году между Анапой и постом св.Николая (за Поти) была создана Черноморская береговая линия, представлявшая собой непрерывную цепь укреплений; в начале 1838 года русское правительство отдало приказ о занятии черноморского побережья Кавказа десантами.

* * *

В ночь на 12 мая 1838 года эскадра адмирала Лазарева с десантным отрядом генерал-майора Раевского{11} приближалась к месту высадки близ Туапсе. В состав эскадры входили флагманский корабль "Силистрия", военные пароходы "Язон" и "Колхида", бриг{12} "Фемистокл", тендеры{13} "Луч" в "Скорый" и много других судов.

Как и многие офицеры эскадры, мичман Григорий Бутаков бодрствовал в эту ночь. Стоя на мостике "Силистрии", он вглядывался в расплывчатые контуры берега, где мерцали огоньки: видимо, горцы ожидали высадки русских войск. В подзорную трубу можно было отчетливо различить костры, пылавшие вдоль берега. Огоньки, вспыхивавшие там и сям в горах, были, очевидно, сигнальными.

В пятом часу утра пароходы "Язон" и "Колхида" начали поочередно вводить на буксире корабли в боевую линию. Заняв свои места, корабли бросали якоря и немедленно спускали гребные суда, для высадки первого броска десанта. Вся флотилия гребных судов была вооружена четырьмя "единорогами"{14}.

Наконец, был подан сигнал "Начать бой". В ту же минуту одновременно со всех судов грянул залп. Гребцы налегли на весла, и через несколько минут шлюпки врезались в прибрежную отмель. Десантники спрыгнули в воду и вскоре вышли на берег левее устья реки Туапсе.

После ожесточенного боя сопротивление горцев было сломлено. Захватив береговые окопы, русские цепями вступили в

лес. К вечеру отряд Раевского расположился лагерем, а утром 13 мая большая часть судов ушла в море. Лазарев удовлетворил просьбу мичмана Бутакова, пожелавшего остаться в районе боевых действий, откомандировав его с "Силистрии" на тендер "Луч".

На третий день после того, как район Туапсе был взят, русские приступили к постройке форта Вельяминовского. Сравнительное затишье на море продолжалось до конца мая, когда неожиданно разыгравшаяся буря чуть было не сорвала все планы русского командования.

Утром 30 мая погода была отличная. Хотя чувствовалась необычайная духота, ветра почти не было. На рейде Туапсе находились военный пароход "Язон", бриг "Фемистокл", тендеры "Луч" и "Скорый", транспорт "Ланжерон" и восемь торговых судов, доставивших разные грузы для войск. В полдень задул неблагоприятный юго-западный ветер, на море поднялось большое волнение. С каждым часом прибой усиливался. Судам угрожала опасность разбиться о камни. Стремясь уйти в море, пароходы отклепывали якоря, разводили пары, но было уже поздно - шторм принял неслыханные размеры. Суда влекло на берег с такой силой, что якоря уже не могли удерживать их на месте. Первым из русских судов был выброшен на берег близ устья Туапсе тендер "Скорый". Вслед за ним на берег вынесло тендер "Луч". Сначала это судно дрейфовало к песчаному пляжу у Туапсе, но затем направление дрейфа изменилось, и "Луч" вынесло на берег далеко за Туапсе, почти к самому подножью покрытой лесом горы, в ста пятидесяти саженях от русских аванпостов, от которых тендер отделяла бурная река Туапсе. Рядом с "Лучом" выбросило и бриг "Фемистокл".

Ночью шторм усилился. Шум, точнее рев шторма, заглушал все остальные звуки. Непрерывно лил дождь. Утром 31 мая выяснилось, что все тринадцать судов выброшены на берег{15}. К полудню шторм стал утихать, но волнение и прибой были по-прежнему сильные.

Положение команд "Луча" и "Фемистокла" было крайне опасное. Тендер и. бриг лежали на борту, сильно поврежденные и залитые водой, так что спасти оружие и имущество не представлялось возможным. С рассветом горцы, видя тяжелое положение команд, начали стрелять по русским матросам и офицерам. Переправиться через реку к аванпостам было невозможно. Горцы подступали все ближе и ближе. Матросы были безоружны. Вскоре один матрос из команды "Луча" был убит, трое ранено. Схватив весло, мичман Бутаков смело кинулся на горцев. За ним последовали остальные матросы и офицеры,

вооружившиеся всем, что попалось под руку. Отражая удары горцев, моряки постепенно отступали вдоль морского берега к устью Туапсе.

Тем временем в русском лагере старались наладить переправу через реку и помочь горстке храбрецов, находившихся в отчаянном положении. Однако организовать переправу было очень трудно. Река Туапсе, которую в обычное время в любом месте можно перейти вброд, разлилась и разбушевалась. Она мчалась с необыкновенной быстротой, унося в море деревья.

Выход из положения нашли солдаты Навагинского полка. Выстрелом из "кегорновой" мортирки{16} они перебросили на другой берег реки тонкую веревку, к которой привязали канат. Затем, перебравшись туда на шлюпке, прикрепили канат к деревьям. Держась за этот канат, через реку переправились две роты Тенгинского полка. Под их натиском горцы вынуждены были отступить.

За участие в высадке десанта 12-14 мая мичман Бутаков был награжден орденом Анны 4 степени, а за находчивость и храбрость, проявленные в бою с горцами 31 мая 1838 года, - орденом Станислава 4 степени.

* * *

Осенью после окончания боевых действий в районе Туапсе - 21 сентября 1838 года - Бутаков получил назначение на шхуну "Ласточка", уходившую в плавание к Архипелагу. На этом судне Бутаков плавал до августа 1840 года. Затем около двух лет он служил на фрегате "Флора" под командованием В.И. Истомина.

Убедившись в том, что молодые офицеры приобрели необходимую сноровку и морские навыки, Лазарев предоставил им возможность вновь пойти в заграничное плавание. В числе посланных в такое плавание был и Григорий Бутаков. Осенью 1842 года его назначили на шхуну "Вестник", которая готовилась к походу в Средиземное море. Этому назначению 22-летний мичман был очень рад, что видно из его письма к брату Ивану Бутакову, написанного в октябре 1842 года: "Я на "Вестнике" старшим офицером. Корпус нашей шхуны можно сравнить с любой красавицей! Внутренняя отделка - роскошь!"{17}.

К этому времени относятся первые изобретения Бутакова. В ноябре 1842 года он предложил применять на кораблях усовершенствованный брашпиль{18}. Обычно в брашпиле вымбовки - рычаги для вращения брашпиля вручную вставлялись в специальные гнезда каждый раз, когда надо было поднимать якорь. Это отнимало много времени. Бутаков предложил закрепить вымбовки в гнездах, что упростило бы пользование брашпилем. Адмирал Лазарев дал высокую оценку этому

усовершенствованию.

Бутаков предложил также новый способ сигнализации в тумане - "способ, которым можно сигнализировать, когда только видна одна брамстеньга судна, и, следовательно, полезный в военное время для опознавательных сигналов". Способ заключался в том, что каждая цифра передаваемого номера сигнала (а все сигналы в своде сигналов были пронумерованы) обозначалась количеством склянок, отбитых в промежутках между выстрелами из пушки. При этом цифры передавались по порядку, слева направо, продолжительность одной склянки была установлена равной 15 секундам. Так, для передачи числа 123, обозначавшего номер соответствующего сигнала, делался предупредительный выстрел из пушки, затем в течение 15 секунд били одну склянку и давали второй выстрел. После него били подряд две склянки, продолжительностью 30 секунд, снова стреляли из пушки и снова били склянки, на этот раз три в течение 45 секунд.

11 апреля 1843 года Бутаков был произведен в лейтенанты.

В июне 1844 года "Вестник" после почти двухлетней подготовки вышел из Севастополя и взял курс на Босфор. За четыре с половиной месяца плавания Бутаков побывал в Неаполе, Ливорно, на Мальте, в Риме.

Плавание обогатило Бутакова новыми знаниями морского дела. Он познакомился с условиями плавания в новых для него морях, увидел иностранные порты и базы, познакомился с организацией службы на базировавшихся там кораблях.

Много впечатлений у него оставило посещение средиземноморских городов. В письмах родителям он с восхищением рассказывает о виденном: о наклонной башне в Пизе, о Флоренции с ее картинными галереями, о Неаполе, о дымящемся кратере Везувия, о Геркулануме и Помпее и о других достопримечательностях.

Но несмотря на любознательность, Григорий Бутаков тоскует по родине, по родным местам, которые кажутся ему прекраснее самых прославленных городов Европы, а русская природа - лучше природы любой чужой страны. "Поверьте, пишет он, - что память о родном круге... была для меня всегда теплой мыслью среди холода обыкновенной жизни. Эта безотчетная, безрасчетная привязанность, которую можно найти только между самыми близкими родными, всегда была и будет одним из высших наслаждений, данных в удел смертным!"{19}.

Начало командирского пути

В сороковых годах XIX века в Николаеве рядом с огромным домом Адмиралтейства стоял небольшой домишко - "серый

павильон", как называли его отдыхавшие здесь после трудового дня молодые морские офицеры.

В один из знойных летних вечеров 1846 года в этом домике встретились после долгой разлуки старые товарищи по Морскому корпусу Григорий Бутаков и Иван Шестаков.

Им было о чем рассказать друг другу. За годы дальнего плавания они приобрели большой опыт, оба отлично знали свое дело, обладали незаурядными способностями, оба были известны прекрасными переводами на русский язык иностранных книг по морскому делу.

К осени 1846 года друзья оказались в числе первых молодых офицеров Черноморского флота, которым было доверено самостоятельное командование судами. Бутакова назначили командиром тендера "Поспешный", а Шестакова командиром тендера "Скорый".

Плавание началось неудачно. Тендер Шестакова сел на мель в Днепровском лимане, при шести градусах мороза и противном ветре. Запасы продовольствия были невелики. По прошествии недели Шестакову и его команде пришлось оставить тендер и пешком по льду идти в Кинбурн за помощью-. Через двое суток "Скорый", доведенный до Севастополя пароходом "Бессарабия", уже стоял на ремонте в Адмиралтействе.

Командование тендером было делом нелегким. "Такой "куттер", а по нашему тендер, - писал в своей первой статье, напечатанной в "Морском сборнике", Бута-ков, - должен быть боек, ловок и легок, как мысль: вечно готовый пуститься к указанной цели, обреченный на всегдашнюю деятельность, даже в минуты отдыха в море он обязан быть настороже и по первому знаку вспорхнуть, как птица! Разделавшись с портом, тендер выходит на рейд, но не для того, чтобы красоваться, как яхта, или ожидать посетителей, не стоять ради эффекта (его могут даже и не заметить), - а для того, чтобы быть готовым ежеминутно сорваться с цепи и лететь, куда толкнет его воля начальника.

Едва успела команда тендера оправиться, как уже зловещие вымпелы летят к клотику флагмана. Подвижный командир тендера несется к кораблю начальника - я неожиданно получает приказание: перебросить пару слов на какие-нибудь сотню миль!

Вот что такое - плавание на тендере"{20}.

К осени 1846 года "Поспешный" был приведен в полную готовность к плаванию, однако выход в море задерживался из-за проверки корабельной отчетности и расчетов с Адмиралтейством. Была и другая причина задержки.

Лазарев давно задумал создать лоцию Черного моря, ввиду полной непригодности для практических целей из-за неточности

содержащихся в ней сведений роскошно изданной "Описи" известного в то время гидрографа адмирала Манганари. Пытаясь улучшить "Опись", Манганари составил в качестве дополнения к ней "Практические наставления к плаванию по Черному морю", но этот труд по своему качеству оказался значительно ниже самой "Описи" и получил резко отрицательную оценку моряков. Лазарев решил создать специальную экспедицию для описи портов Черного моря.

Составление новой описи было поручено Бутакову и Шестакову. Друзья стали готовиться к большой и ответственной работе, предполагая приступить к ней этой же осенью. Однако с началом описи пришлось несколько повременить. На осмотр и описание иностранных портов требовалось особое разрешение, и без утверждения плана и задач экспедиции в Петербурге приступать к описным работам было нельзя. Завязалась длительная переписка и дипломатические переговоры с посольствами, а потому было решено с наступлением весны 1847 года начать пока опись отечественных берегов.

Выйдя из Одессы, "Поспешный" и "Скорый" начали медленно продвигаться вдоль побережья в сторону Крыма. Бутаков и Шеетаков тщательно изучали линию берега, нанося ее на карту. Это был очень тяжелый труд, требовавший огромного напряжения сил, так как тендеры - маленькие суда - не имели необходимого для выполнения описных работ оборудования.

В течение трех лет, которые ушли на производство описи русского побережья Черного моря, Бутаков в совершенстве изучил все особенности своего судна, В сентябрьском номере "Морского сборника" за 1849 год в статье "Несколько слов о тендерах и управлении ими" Бутаков решает ряд весьма важных практических вопросов, касающихся устройства корабля и его маневренных качеств, организации службы и быта личного состава. Он подробно рассказывает о том, как можно добиться постановки парусов в 3-31/2 минуты, т. е. в рекордно минимальный срок, как делать на тендере повороты в любую погоду, и о других своих наблюдениях. При этом Бутаков опровергает существовавшее у некоторых офицеров мнение о влиянии разных "случайностей" на управление тендером. "Уверяют, - писал Бутаков, - будто съемка с тендером на желаемый галс - дело удачи. Не допуская нашего русского авось ни в каких случаях на море, я смело утверждаю, что съемка на тендере при постоянном ветре... так же верна, как и на других судах"{21}.

Но самым ценным в статье является изложение принципиальных взглядов Бутакова на военно-морскую службу,

выработанных им на основе опыта командования тендером. Так, он решительно выступает против показной стороны службы, призывает быть в постоянной готовности сняться с якоря и "лететь, куда толкнет вас воля начальника; следовательно, всякая чопорность, всякое лишнее щегольство на тендере не у места... щегольство допускается только в управлении, и все, что не ведет прямо к делу, лишнее"{22}.

Порицая парадность, щегольство, Бутаков считал необходимым заботиться о здоровье своих подчиненных, о создании для них нормальных условий жизни.

Бутаков знал, как тяжело служить на тендере. Тендер - суденышко маленькое, даже небольшой команде его жить на нем тесно, а работать приходится много, в критические минуты - с крайним напряжением сил. В длительном плавании, а особенно во время штормов, когда волны заливают подчас все судно, на нем сыро. Заботясь о сохранении здоровья матросов, Бутаков приказывал команде использовать свободное время для просушки и проветривания личных вещей, парусов, лежащих в трюме грузов. Бутаков заботился об отдыхе команды, стремясь предоставить матросам возможность в свободные часы "вволю насладиться всем тем комфортом, какой могут они иметь, живя в скорлупе над бездной".

Во время плавания на тендере Бутаков окончательно убедился в том, что море является лучшей школой для моряка: именно здесь, в суровой обстановке труда и борьбы со стихией, лучше всего закаляется воля, вырабатываются самообладание, отвага, чувство товарищества.

В начале лета 1850 года было получено долгожданное разрешение на обследование берегов Малой Азии и Румелии.

Румелийское побережье интересно в гидрографическом отношении тем, что при господствующих на Черном море западных ветрах оно является подветренным и имеет места, могущие служить надежным убежищем для судов во время штормов. Таким пунктом является, например, Калиакрия, расположенный к северо-востоку от Варны. Южнее этого пункта, у Бургасского залива, экспедиция нанесла на карту еще несколько удобных якорных стоянок - Сизополь, Чингане-Искелеси, Ахиолло, Мессемврия и другие.

В конце августа 1850 года "Поспешный", "Скорый" и сопутствующие им турецкие бриги "Неир Зефер" и "Ахтер" направились из устьев Дуная в Босфор. Опись берегов Черного моря была завершена. 10 сентября 1850 года тендеры благополучно возвратились в Севастополь. За отличное выполнение описных работ их командиры были произведены в

капитан-лейтенанты и награждены орденами Анны 3 степени, а по завершении составления лоции - бриллиантовыми перстнями. Составленная Бутаковым и Шестаковым "Лоция Черного моря с 36-ю литографированными планами портов" вышла в свет в 1851 году и стала единственным пособием для плавания по Черному морю.

В первой половине XIX столетия в России и других странах совершалось знаменательное событие: зарождалось паровое железное судостроение.

Использование в технике изобретенного в XVIII веке парового двигателя показало явное преимущество силы пара перед мускульной силой и силой ветра. Паровой двигатель стал применяться во всех отраслях техники и на транспорте. В начале XIX века началось строительство колесных паровых судов. Это было значительным достижением в развитии мореплавания, так как корабль с паровым двигателем мог двигаться в любом направлении независимо от ветра.

Строительство паровых судов в России началось рано. Первый колесный пароход "Елисавета" с машиной мощностью в 16 л. с. был построен в 1815 году в Петербурге. Несколько лет спустя русские начали строить и вооруженные пароходы. Так, в 1825 году на Черном море был спущен на воду пароход "Метеор", вооруженный четырнадцатью пушками. Однако развитие парового флота в России шло медленно. Царское Правительство и помещики тормозили развитие промышленности, стремясь сохранить и упрочить в стране феодально-крепостнические порядки.

В середине сороковых годов XIX века в России было принято решение в виде опыта применить впервые на военных судах в качестве движителя гребной винт, устроенный так, что его можно было поднимать в специальное отверстие в кормовой части. Это нововведение явилось новой ступенью в развитии парового судостроения.

В 1846 году на Охтенской верфи был заложен 52-пушечный винтовой фрегат "Архимед" с машиной мощностью в 300 л. с. - первый русский корабль с гребным винтом.

Бутаков внимательно следил за всем новым в морском деле. Ему было совершенно ясно, что парусный флот уходит в прошлое. Было ясно и другое: новая техника принесет с собой и новые приемы морского боя, новую тактику. Но по каким принципам должна строиться тактика парового флота? На этот вопрос Бутаков упорно искал ответ.

Однажды его внимание привлекла статья капитана французского флота Дю-Парка "Опыт изложения некоторых начал

пароходной тактики". Внимательно ознакомившись со статьей, Бутаков пришел к выводу, что содержащиеся в ней рассуждения автора легковесны и поверхностны.

"Боевой порядок... отдельного флота должен походить на подобное же расположение армии..."{23} - писал Дю-Парк. Эти слова показывали, что автор статьи не понимал тактических свойств паровых судов, а следовательно, не видел и той основы, на которой должна была строиться тактика парового флота. Переносить боевой порядок сухопутных армий на флот значило не учитывать специфики флота, не учитывать основного тактического свойства паровых судов - их высокой маневренности. Поэтому все дальнейшие суждения Дю-Парка о походных ордерах, способах перестроения и т.п. являлись по сути дела измышлениями.

Бели, действительно, в недалеком будущем будут созданы паровые эскадры, то какими должны быть у них походные и боевые строи? Каким математическим и механическим законам должны подчиняться совместные движения пароходов? Необходимо было точно ответить на все эти вопросы, а у Дю-Парка они разрешались крайне общо и неясно, "с ветвей, а не с корня". Бутаков понимал, что решать их следует не общими рассуждениями, как это делал Дю-Парк, а на основе точных выводов математики и механики.

* * *

27 марта 1851 года Бутаков был командирован в Англию для приемки и перевода в Россию строящегося там буксирного парохода "Дунай", командиром которого он был назначен{24}.

По пути в Англию Бутаков заехал в Вену навестить находившегося там на лечении адмирала Лазарева. Но повидать Лазарева Бутакову уже не удалось: 11 апреля 1851 года выдающийся русский мореплаватель и флотоводец скончался. Опечаленный тяжелой утратой Григорий Иванович задержался в Вене, чтобы принять участие в отправлении на родину праха своего учителя...

Прибыв в Англию, Бутаков с присущей ему энергией занялся порученным делом. Возмущенный медлительностью и проволочкой в строительстве "Дуная", он решительно потребовал от английских судостроителей выполнения подписанного ими контракта. 17 августа 1851 года он доносил В. А. Корнилову{25} о причинах задержки постройки. "Компания Миллер и Ревенгилл, - писал он, переводит свой завод строения железных судов в Ньюкэстль, и потому опоздает против контрактного срока. Пенн же, строящий машину для этого судна, имеет так много других заказов, что также затянул изготовление нашей машины... В

первой половине сентября н.ст. я надеюсь выйти из Лондона..."{26}

Однако истинная причина была другая. Политическая обстановка на Ближнем Востоке была настолько напряженной, что в любую минуту можно, было ожидать начала войны между Россией и Англией, поэтому английские судостроители намеренно задерживали выполнение русских заказов.

Только к 17 сентября ему удалось провести на Темзе первое испытание "Дуная". Средний ход "Дуная" был удовлетворительным - 10,5 узла, но Бутакова сильно беспокоило то обстоятельство, что судно имело большую осадку. "Меня весьма затрудняет, - жаловался он в письме к Корнилову, - что он ("Дунай". Авт.) должен по контракту сидеть в воде 6 фут, а сегодня, когда для пробы наполнили котлы водой и погрузили в него всего 9 тонов (тонн. - Авт.) угля, т.е. на 15 часов, - без цепей и якорей... без команды, припасов, парусов, станков, орудий, - он углубился форштевнем на 5,10, ахтер-штевнем на 6,2 среднее 6. Хотя то углубление, до которого он погрузится, приняв все принадлежности, не помешает ему проходить Сулинским гирлом, он будет совершенно неспособен (даже если снять с него орудия с их принадлежностями) проходить в Килийском и никак не будет в состоянии следовать всюду, где канонерские лодки могут нуждаться в нем"{27}.

Но несмотря на обнаруженные недостатки, главный командир Черноморского флота адмирал Берх приказал немедленно принять "Дунай" и возвращаться на родину. О том же писал Бутаиову и Корнилов.

Перед самым выходом из Англии, 12 октября 1851 года, Бутаков получил письмо из Николаева от своего брата Владимира, который сообщал об отзывах на изобретенный Григорием Ивановичем компас с наклонной стрелкой.

Компас с наклонной стрелкой был оригинальным изобретением Бутакова. Замысел его необычайно прост.

Компасы, применявшиеся в то время на кораблях, отличались от компаса Бутакова тем, что в них к магнитным стрелкам прикреплялись специальные грузики, препятствовавшие наклонению стрелки под воздействием сил земного магнетизма. Считалось, что горизонтальное положение магнитной стрелки должно облегчить пользование компасом, так как она жестко связана с картушкой компаса - диском, на котором нанесены делении от 0 до 360°; наблюдать же за наклонной картушкой, особенно рулевому, трудно. Однако на самом деле колебания стрелки под воздействием грузика при качке резко усиливались. Так, если судно на волнении рыскало на один румб{28}, то

магнитная стрелка компаса рыскала на два и более румба. Удерживать корабль на заданном курсе по такому компасу было очень трудно.

Компас, предложенный Бутаковьм, не имел этого недостатка. Магнитная стрелка его занимала "положение, свойственное ей по законам природы". Особенность устройства компаса Бутакова состояла в том, что в нем картушка в любых условиях сохраняла горизонтальное положение, а магнитная стрелка, связанная с ней, могла под воздействием сил земного магнетизма наклоняться. У такого компаса магнитная стрелка рыскала значительно меньше, а следовательно, пользоваться им было гораздо удобнее.

Изобретение компаса с наклонной стрелкой вызвало одобрительные отклики. Так, в "Русском инвалиде", в статье, подписанной псевдонимом "З-ый" и принадлежавшей, видимо, перу известного русского ученого-гидрографа С.И. Зеленого, утверждалось, что выгоды от применения компаса Бутакова "очевидны и несомненны".

22 ноября 1851 года Бутаков привел "Дунай" в Николаев. Спустя год - 3 декабря 1852 года - он был назначен командиром пароходо-фрегата "Владимир" лучшего парового корабля Черноморского флота.

* * *

Прекрасно понимая, что будущее принадлежит флоту паровому, В.А. Корнилов в начале 1852 года добился у правительства разрешения на переоборудование кораблей Черноморского флота. В докладных записках и письмах к князю Меншикову Корнилов писал о том, что он хочет установить на кораблях флота винтовые двигатели, но вынужден отложить связанные с этим работы до окончания строительства доков в Севастополе, так как вследствие мелководья Днепровского лимана сделать это в Николаеве не представляется возможным.

18 сентября 1852 года Корнилов представил через Меншикова докладную записку царю о необходимости полного переоборудования кораблей русского флота в винтовые в связи с тем, что Англия, Франция и другие страны ускоренными темпами строят винтовые корабли. "...При таком стремлении морских держав к введению винта, - писал Корнилов, - невозможно Черноморскому флоту, составляющему передовой строй империи на востоке, избежать этого расходного нововведения"{29}.

Предложение Корнилова было принято. Для реализации его правительство предложило вице-адмиралу Е.В. Путятину составить проект переоборудования кораблей, а до утверждения проекта было решено приступить к постройке на отечественных верфях двух винтовых кораблей и переоборудованию трех

парусных кораблей в винтовые, заказав для них машины в Англии, так как русские заводы не были подготовлены к выполнению подобных заказов.

26 октября 1852 года в Николаеве был заложен 120-пушечный корабль "Босфор"{30} с машиной мощностью в 800 л. с., а в мае следующего года корабль такого же типа "Цесаревич".

Однако все эти мероприятия были проведены слишком поздно. Международная обстановка усложнялась, и надеяться на успешное окончание строительства заложенных кораблей было трудно.

* * *

В середине XIX столетия борьба между основными западноевропейскими державами за усиление влияния на Ближнем Востоке и на Балканах достигла наивысшего напряжения. Интересы бурно развившейся английской и французской промышленности и рост австрийской и прусской промышленности требовали расширения рынков в странах Ближнего и Среднего Востока и на Балканах. Однако усилению влияния западноевропейского капитала в районе Средиземного и Черного морей препятствовало политическое влияние России среди народов Балканского полуострова и Ближнего Востока. Преследуя экономические цели, Россия стремилась укрепиться в районе проливов, чтобы обеспечить выход своим товарам на внешний рынок. Стало быть, интересы России находились в противоречии с интересами Австрии, Пруссии и особенно Англии и Франции.

Всей этой сложной политической ситуации не мог понять Николай I - эта, по меткому определению Энгельса, самодовольная посредственность с кругозором ротного командира. Русский царь решил договориться с английским правительством о разделе Турецкой империи между Англией и Россией, при этом Францию он в расчет не принимал, считая ее слишком слабой для борьбы с Россией. Не видел Николай I соперника в "восточном вопросе" и в лице монархической Австрии, "обязанной" ему за беспощадное подавление революции 1848-1849 годов, которая угрожала существованию "лоскутной" Австрийской империи. Не принималась также в расчет к дружественная, по мнению Николая I, Пруссия.

В беседах с английским послом в Петербурге Сеймуром, состоявшихся в начале 1853 года, Николай I прямо заявил о том, что "больной человек", как он называл Турцию, может внезапно умереть, а потому он предложил план ее раздела. Английское правительство отклонило предложения русского царя. Тогда Николай I, считая, что Англия без союзников не сможет воевать с

Россией, решил предъявить Турции ряд требований, выполнение которых обеспечило бы ему свободу действий в Турции.

В качестве повода для конфликта Николай I использовал давнишний спор о "святых местах", потребовав от Турции признания русского царя законным защитником православных подданных султана. Иначе говоря, Николай I требовал для себя права постоянно вмешиваться во внутренние дела Турции. Но на подобное посягательство на свой суверенитет турецкий султан не согласился.

Тогда в конце февраля 1853 года Николай I отправил", в Константинополь для переговоров с турецким правительством в качестве чрезвычайного посла морского министра князя А.С. Меншикова. Русский посол прибыл в столицу Турции на военном пароходе "Громоносец" с огромной свитой, в состав которой входили вице-адмирал В.А. Корнилов и командир пароходо-фрегата "Владимир" капитан-лейтенант Г.И. Бутаков. Посольство было встречено с необычайным почетом.

Меншиков держал себя в Константинополе высокомерно, нарочито вызывающе. Хотя турецкое правительство шло на некоторые уступки, Меншиков потребовал от него подписания в пятидневный срок договора, гарантирующего покровительство России над всем православным населением Турецкой империи. Получив отказ, продиктованный турецкому правительству английскими и французскими послами, Меншиков заявил, что отныне для императорского правительства России "создается необходимость искать гарантий в собственной силе".

21 мая Меншиков покинул Константинополь, а месяц спустя русские войска перешли реку Прут и заняли дунайские княжества Молдавию и Валахию. Николай I заявил, что он занимает их "в залог" до тех пор, пока Турция не удовлетворит его "законных требований". В ответ на это английское и французское правительства приказали своим эскадрам войти в Дарданеллы.

Международная обстановка накалялась. В начале сентября командованию Черноморским флотом стало известно, что турецкое правительство приказало своим кораблям атаковывать русские корабли при встречах с ними. На случай начала военных действий русское командование приняло решение усилить Кавказскую армию; с этой целью во второй половине сентября из Севастополя в Анакрию, Сухум-кале и Редут-кале эскадрой вице-адмирала Нахимова, состоявшей из 12 линейных кораблей, двух фрегатов, двух корветов, четырех пароходо-фрегатов, трех пароходов и 11 парусных транспортов, была доставлена 13-я пехотная дивизия с двумя батареями полевой артиллерии (свыше 16 тысяч солдат и офицеров, 827 лошадей и 16 орудий).

27 сентября под нажимом Англии турецкое правительство предъявило России ультиматум, потребовав вывести к 12 октября войска из дунайских княжеств. В это время английские газеты уже не скрывали, что часть стоящего в Босфоре турецкого флота предназначена для перевозки десанта на кавказское побережье.

Зная это, Корнилов, чтобы иметь наготове морские силы у берегов Турции, 11 октября предписал вице-адмиралу Нахимову отправиться с эскадрой, состоявшей из четырех линейных кораблей, фрегата и брига, в крейсерство у анатолийского побережья.

В этот же день на Дунае грянули первые неприятельские выстрелы. Шедший из Измаила в Галац отряд русской Дунайской флотилии (восемь канонерских лодок, буксируемых пароходами "Прут" и "Ординарец") был внезапно обстрелян батареями турецкой крепости Исакчи. Бой длился полтора часа.

Известия об этих событиях застали Корнилова в Одессе. Он немедленно вернулся в Николаев, а оттуда в Севастополь, чтобы ознакомить начальников эскадр со сложившейся обстановкой и произвести рекогносцировку турецких берегов. Придя в Севастополь, Корнилов написал письмо Нахимову, в котором сообщал, что главнокомандующий вооруженными силами на юге России князь Меншиков разрешил "при встрече с турецкими судами - военные разрушать или брать военно-пленными, отсылая в Севастополь; купеческие же осматривать и отпускать..."{31}.

Это письмо должен был доставить Нахимову фрегат "Коварна". Но не успел фрегат выйти в море, как прибыл новый курьер от Меншикова с приказом "выжидать первый выстрел турок (очевидно на море. - Авт.) и до времени быть в оборонительном положении"{32}. Последний приказ был вызван, видимо, тем, что поступили сведения об обсуждении турецким правительством исакчинского нападения и наказания им виновных. На самом же деле это было не так. Еще 17 сентября в Мраморное море вошла соединенная англо-французская эскадра в составе 16 линейных кораблей, 12 фрегатов и нескольких пароходов. Опираясь на вооруженную поддержку Англии и Франции, турецкий султан 15 октября 1853 года объявил войну России. 20 октября Николай I подписал манифест о начале военных действий против Турции. Так началась Крымская война.

Крымская война

К началу войны русский Черноморский флот имел в своем составе 14 линейных кораблей, шесть фрегатов, четыре корвета, 12 бригов, 32 транспорта, семь пароходо-фрегатов и 24 малых парохода. Боевая подготовка флота, проводившаяся под руководством лучших учеников адмирала М.П. Лазарева - В.А.

Корнилова, П.С. Нахимова и В.И. Истомина, находилась на высоком уровне. Русский флот был значительно лучше подготовлен к ведению боевых действий, чем турецкий, подготовкой которого руководили английские инструкторы.

Несмотря на талантливое руководство и отличную подготовку. Черноморский флот не мог противостоять соединенным англо-франко-турецким силам из-за отсутствия в его составе крупных паровых кораблей.

Экономическая отсталость России наиболее ярко проявлялась в технической отсталости русского флота. То, что флот был технически плохо оснащен и имел очень мало паровых кораблей, понимали передовые русские морские офицеры, однако преодолеть консерватизм правительственных органов они не могли.

В личном архиве Бутакова обнаружено чрезвычайно интересное письмо-памфлет без заголовка и даты. Написанное в крайне резкой, язвительно-сатирической форме, письмо это, судя по содержанию, относится к 50-м годам XIX века. Оно говорит о том, что наступил конец иллюзиям Бутакова, зародившимся ранее, в период расцвета парусного флота. Иронически восхваляя "наши кораблики красавцы и ходоки, где блестит артиллерия, а работы парусами производятся с примерной живостью", Бутаков высмеивает техническую отсталость русского флота, состоявшего из парусных кораблей. "Полюбуйтесь, - восклицает в этом письме Бутаков, - как по сигналу прислать вооруженные гребные суда они слетятся к борту флагманского корабля! Как мало им нужно времени на вооружение, как быстро по спуске они готовы сделать выстрел!.. Зачем вам знать, что эти корабли выстроены не из дерева, а из репы, хотя за них заплачено, как будто они были деревянные? Зато ядро неприятельское, пробивая репу, не губит людей осколками и щепами!

...Какое вам дело, что у корабля, едва прослужившего десяток лет, при пальбе (конечно, весьма умеренной) вылезают пушечные рамы из репового дерева, в которое они закреплены!.. Знаете ли вы, что мы собираемся на войну, не имея ни на одном судне порядочного абордажного оружия, не имея на всем флоте ни одного пистолета, едва на одном корабле абордажные палаши! Как же командиры-то... молча смотрят на все ужасы своего положения, скажут мне?.. Я отвечу на это: свяжите человека по рукам и ногам и требуйте, чтобы он бегал. Заставьте его заниматься целый день фронтовым учением (солдатским делом), пригонкой обмундировки... амуниции, продовольствием... огромной перепиской о пустяках (бюрократиею) и сверх всего пусть он бегает и канючит о каждом гвозде и каждой каболке для

его судна, а во время похода велите ему ежедневно пересматривать... отчеты о лотах и золотниках провизии, сала, смолы... да не давайте ему на все это людей знающих... да грозите ему строжайшей ответственностью за каждый золотник!.."{33}.

Это письмо - поразительный по смелости документ, свидетельствующий о честности, правдивости и прогрессивности взглядов Бутакова.

Понимая, что вооружение, оснащение и снабжение кораблей имеет огромные недочеты, Бутаков делал все, что было в его силах, для усиления боевой готовности флота. Каждый свободный час он использовал для обучения вверенного ему личного состава пароходо-фрегата "Владимир". Особенное внимание Бутаков обращал на воспитание в матросах стойкости и самообладания, необходимых в бою.

Так, однажды жители Николаева были свидетелями любопытного события. В один из теплых июньских вечеров на реке Ингул загрохотали артиллерийские выстрелы. Это команда пароходо-фрегата "Владимир" начала учебную стрельбу. Мишенью, как обычно, служил щит, установленный на некотором расстоянии от корабля. Внезапно стрельба прекратилась, и к щиту устремились шлюпки. Но как только шлюпки отошли далеко от пароходо-фрегата, вновь раздались выстрелы. В толпе на берегу началось волнение, нет ли тут какой-нибудь ошибки? Над мечущимися шлюпками летели одно за другим ядра. Шлюпки кинулись вправо вправо сместилось и направление выстрелов, шлюпки рванулись влево переместились влево и залпы. Можно было подумать, что шлюпки обстреливает неприятельский корабль.

Жертв на шлюпках не было, да и не могло быть. Как выяснилось вскоре, обстрел был преднамеренным и проводился с соблюдением всех правил предосторожности. Оказалось, что Бутаков стремился создать в мирное время обстановку, близкую к боевой. В шханечном журнале "Владимира" об этом событии записано следующее: "...Лишь только они удалились от парохода на несколько кабельтовых, пальбу в щит возобновили через головы гребцов для укрепления их нервов перед войною. Не быв предуведомлены об этом, шлюпки после второго ядра бросились вправо. Тогда... пустили туда через головы ядро. Они бросились влево. Пальба повторилась влево. Тогда они взяли прежнее направление к щиту и уже не уклонялись от летевших еще несколько времени через головы их ядер"{34}.

Цель учения была достигнута.

* * *

В те дни, когда Корнилов, возвратившись в Севастополь,

готовил эскадру к выходу на рекогносцировку турецкого побережья, пароходо-фрегат "Владимир" находился у Алупки, в районе мыса Киркинеиз, где его команда снимала с мели пароход "Еиикале", наскочивший на каменную гряду. Григорий Иванович Бутаков торопился с работами, опасаясь, что эскадра уйдет в море без "Владимира". Корнилов и в самом деле решил было не дожидаться окончания спасательных работ, но возвратившийся вечером 18 октября Бутаков доложил ему, что рабочие заделывают пробоину, после чего пароход можно будет поднять и откачать. Адмирал отложил ненадолго выход эскадры.

Утром 23 октября, после того как, окончив работу, "Владимир" возвратился в Севастополь, Корнилов вышел с эскадрой в море.

Курс эскадры вел к Сулину. Строго выполняя инструкцию Меншикова, Корнилов стремился "узнать о выходе турецкого флота из Босфора - и лишь в этом случае начать военные действия".

От Сулина эскадра пошла вдоль румелийского побережья. На пароходо-фрегат "Владимир" были возложены задачи разведки. С этой целью он время от времени отделялся от эскадры и подходит к турецкому берегу Иногда он подходил к берегу так близко, что, например, у Варны, Бутаков смог сосчитать количество орудий на бастионах (их оказалось 21) и даже посмотреть на происходивший на берегу смотр турецких войск.

26 октября 1853 года русская эскадра подошла к Босфору. Кроме множества купеческих судов, она обнаружила там турецкую эскадру из пяти фрегатов, одного корвета и одного парохода. Так как северо-восточный ветер к ночи усилился, предвещая бурную погоду, Корнилов решил возвратиться в Севастополь.

Спустя три дня эскадра снова вышла к турецким берегам для отыскания обнаруженной в Босфоре эскадры противника. Погода была бурная, часто налетали шквалы і с дождем, но корабли шли ровно, не теряя своего места в строю. В ночь на 31 октября начался сильный шторм, который продолжался четверо суток.

Когда шторм стих, "Владимир" получил приказание отправиться на разведку турецких рейдов Коварны, Бальчика и Варны.

Предстояло решить сложную задачу: войти на неприятельский рейд и определять число стоявших там военных судов. Сделать это можно было только искусно замаскировав корабль. Так как "Владимир" имел две трубы и был окрашен сплошь в черный цвет, а турецкие пароходы были все однотрубные, с белой полосой на бортах, Бутаков приказал

сделать на бортах "Владимира" белые полосы, а одну из труб замаскировать парусиной.

Без огней, с заряженными орудиями, "Владимир" медленно двигался вдоль северного берега Варнского залива. Все люди были на местах по боевому расписанию.

Бутаков подвел пароходо-фрегат к стоящим на якоре турецким судам на такое близкое расстояние, что простым глазом можно было увидеть движение на их палубах, а затем остановил машину. Турки, приняв "Владимира" за свой пароход, не обратили на него никакого внимания.

Убедившись, что в Варне турецких военных судов нет, Бутаков приказал дать полный ход. Из Варны корабль направился в Бальчик, и уже в полночь Бутаков докладывал Корнилову, что турецкого флота на осмотренных им рейдах нет. Направив эскадру к Сизополю, Корнилов, перешел на "Владимир" и отправился к порту Амастро.

На рассвете 5 ноября "Владимир" находился в районе Пендерекли. В северной части горизонта виднелся дымок парохода, в северо-западной - с трудом можно было различить верхние паруса эскадры, которую Корнилов и Бутаков приняли за эскадру Нахимова. Будучи вполне в этом уверен, Корнилов приказал идти на сближение с неизвестным пароходом. Через полчаса стали отчетливо видны труба, мачты и реи парохода, который оказался турецким.

Пароход шел, невидимому, к Севастополю, и на нем еще не заметили русское судно, так как трубы последнего, несмотря на форсирование машины, не дымили. Около 9 часов турки заметили, что их преследуют. Тогда они повернули вправо, потом влево, а затем к берегу. "Владимир" открыл артиллерийский огонь и пошел на пересечку курса турецкого парохода. Последний открыл ответный огонь. Заметив, что у неприятельского парохода на корме нет орудий, Бутаков, используя превосходство в скорости хода, намеренно избегал бортового огня противника.

С 10 часов до 12 часов 30 минут "Владимир" шел почти в кильватер турецкому пароходу, ведя по нему огонь из носовых орудий. Противник несколько раз пытался заставить русский пароходо-фрегат вести бой на параллельных курсах, чтобы полностью использовать свою бортовую артиллерию. Однако попытки эти были безуспешны. Ответив залпом всего борта, Бутаков немедленно уводил "Владимира" под корму турецкого парохода. После двух с половиной часов боя турецкий пароход имел значительные повреждения, часть его личного состава вышла из строя. В 12 час. 30 мин., подойдя на картечный выстрел, "Владимир" дал несколько залпов из всех орудий. Меткий огонь

русских комендоров произвел огромные разрушения на турецком корабле, и он в 13 часов спустил флаг.

Застопорил ход и "Владимир". Увидев осторожно выглядывавших из фор-люка{35} турок, Бутаков потребовал, чтобы на борт "Владимира" приехал командир их корабля. Но один из турок, оказавшийся лоцманом, ответил, что командир убит и что шлюпок на их судне нет. Тогда Бутаков приказал спустить катер и отправить на сдавшийся корабль нескольких матросов во главе с офицером. "Посланные овладеть призом, - писал Григорий Иванович в своих "Записках" об этом событии, - нашли на нем страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвала, компасов, люков, перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, ранеными, кровью, каменным углем... Ни одной переборки, которая была бы цела. Бока, кожухи, будки избитые. Паровая и дымовая трубы, как решето!.. Не забуду никогда момента, когда на пленном пароходе подняли наш флаг: я закричал команде, указывая в ту сторону: "Ребята! Там поднимают русский флаг". Нужно было слышать, каким единодушным ура мне ответили. "Поздравляю!" - новое ура. "Спасибо!" Взятый пароход с командой в 159 чел. носил название "Перваз-Бахри"{36}.

Турки были сильно напуганы, ожидая жестокого наказания за свое упорное сопротивление. Но русские моряки доказали, что они не знают пощады к сопротивляющемуся врагу, а с пленными - гуманны. Барятинский, флаг-офицер Корнилова, писал по этому поводу: "Первый турок, поднявшийся к нам на "Владимир", кажется, полагал, что ему тотчас отрубят голову. Лицо его выражало смертельный испуг и покорность судьбе. Наш командир Бутаков, хорошо знающий турок, их успокаивает, отводит отдельную каюту офицерам, которых было около двенадцати, а остальную турецкую команду посылает на бак. Судовой врач делает свое дело, одинаково относясь к христианам и мусульманам. Затем наступает время обеда, и Корнилов приглашает пленных офицеров, среди которых был мулла, отобедать с нами"{37}.

Действия экипажа "Владимира" и его командира Бутакова были высоко оценены Корниловым. "Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался как на маневрах, - писал он в своем донесении, - действия артиллерии были быстры и метки..."{38}.

В этом, первом в истории бою между двумя паровыми кораблями Бутаков показал, как надо сочетать маневр с артиллерийским огнем. То был превосходный образец умелого использования тактических свойств парового корабля (и прежде всего его высокой маневренности) в целях достижения

наибольшей эффективности огня корабельной артиллерии.

Этот бой с предельной наглядностью выявил также преимущества паровых кораблей перед парусными. Турецкая и две русские эскадры, находившиеся неподалеку от района боя, не могли принять участия в нем из-за безветрия.

Приведя в порядок "Владимира" и приняв меры для сохранения на плаву плененного парохода, положение; которого было крайне опасным из-за множества пробоин, Бутаков взял его на буксир и пошел на запад по направлению к неизвестной эскадре, которую он принял за турецкую. Вскоре выяснилось, что это была эскадра контр-адмирала Новосильского. "Владимир" направился прямо к адмиральскому кораблю "Три Святителя". В одно мгновенье на этом корабле, а также на всех кораблях эскадры, люди взбежали по вантам и реям. Воздух огласился криками "ура" в честь победителей.

7 ноября 1853 года пароходо-фрегат "Владимир" вошел на Севастопольский рейд, ведя на буксире "Перваз-Бахри", на мачте которого под клотиком, выше турецкого, развевался русский флаг. Позади него шел другой турецкий пароход - "Медари Тиджарет", взятый в плен пароходом "Бессарабия" из нахимовской эскадры.

За эту блестящую победу Бутаков был произведен в капитаны 2 ранга, награжден орденом Георгия 4 степени и 38 тысячами рублей призовых денег. "Перваз-Бахри" был поставлен на ремонт и переименован в "Корнилов", его гюйс был подарен Морскому корпусу. Нахимов сердечно поздравил Бутакова с наградами и, до получения из Петербурга ордена, собственноручно надел на Бутакова свой орден, полученный в Наваринском сражении.

Вице-адмирал Корнилов высоко ценил Бутакова, считался с его мнением. Пригласил он Бутакова на свой флагманский пароходо-фрегат "Одесса" и утром накануне памятного дня 18 ноября, когда вместе с пароходами "Крым" и "Херсонес" вышел на помощь эскадре Нахимова. Пароходы пришли, когда жестокий бой, продолжавшийся три часа, подходил уже к концу. Турецкий флот был почти полностью уничтожен, в городе пылали пожары. Выбросившиеся на берег неприятельские суда находились в самом плачевном состоянии.

В Синопском бою было взято в плен много турецких матросов и офицеров. Попал в плен и тяжело раненый начальник турецкой эскадры Осман-паша. Он был найден в полузатопленной каюте своего фрегата. Прибывшему русскому офицеру турецкий адмирал стал горячо жаловаться на своих подчиненных, которые обокрали его, сняв с плеч шубу, и покинули. Когда Осман-пашу пересадили на русский пароход и оказали ему помощь, он

удивлялся великодушию победителей, видя, как русские матросы отдавали пленным свои куртки.

Неожиданное прибытие отряда Корнилова вызвало ликование на судах нахимовской эскадры. Встреченный криками "ура", Корнилов на катере направился на флагманский корабль Нахимова "Императрица Мария". Адмиралы горячо обнялись.

Команды прибывших пароходов сразу же включились в работу. Они получили приказание отвести подальше от берега поврежденные русские корабли, чтобы на них не перекинулся огонь с горевших турецких судов, а затем сжечь вдали от города уцелевшие корабли турок. Так как командир линейного корабля "Императрица Мария" был контужен и заменен командиром "Одессы", Бутакову поручили временно командовать этим пароходом. К 20 часам он отбуксировал от берега за предел дальности огня неприятельских батарей поврежденные линейные корабли "Императрица Мария", "Ростислав" и "Три Святителя". Заметив, что один из турецких фрегатов - "Несими Зефер" - прижат ветром к берегу и не горит, Корнилов послал "Одессу" взять фрегат на буксир и, если возможно, спасти. На фрегате находилось около 150 человек, которые сдались в плен. "Одесса" с большим трудом стащила фрегат с мели и взяла его на буксир, чтобы вывести на рейд. Однако "Несими Зефер" был настолько разрушен, что не представлялось никакой возможности его спасти. Пришлось его сжечь.

На долю экипажа "Одессы" выпала честь буксировать в Севастополь линейный корабль "Вел. кн. Константин", на который перенес свой флаг герой Синопа вице-адмирал Павел Степанович Нахимов.

* * *

Весть об уничтожении турецкого флота, которую принес в Константинополь бежавший из Синопа на турецком пароходо-фрегате "Таиф" главный английский советник командующего турецким флотом Слэд, вызвала переполох среди английских и французских политиков. И это понятно - русский флот истребил флот турок почти под жерлами пушек англо-французской эскадры, - стоявшей в Константинополе.

4 января 1854 года англо-французский флот вошел из Босфора в Черное море с целью воспрепятствовать плаванию по нему русских судов. С формальной точки зрения вход англо-французского флота в Черное море еще не являлся объявлением войны России. Но фактически это был враждебный акт. Стало очевидным, что вступление Англии и Франции в войну с Россией - дело ближайшего будущего. Дальнейшие события подтвердили это.

29 января 1854 года Наполеон III направил Николаю I письмо, в котором заявил, что "пушечные выстрелы при Синопе болезненно отозвались в сердцах всех тех, кто в Англии и во Франции обладает живым чувством национального достоинства", что Англия и Франция выведут свои флоты из Черного моря только в том случае, если Николай I уберет свои войска из Молдавии и Валахии. Русский царь отклонил это предложение.

В это же время русский посол в Париже получил ответ на свой запрос о цели введения англо-французского флота в Черное море. В ответе сообщалось, что целью введения флота является запрет плавания по Черному морю русских судов. Согласно полученной инструкции русский посол объявил французскому правительству о разрыве дипломатических отношений между Россией и Францией и покинул Париж. Выехал русский посол и из Лондона.

28 февраля Англия и Франция заключили договор с Турцией, по которому обязывались оказать ей вооруженную помощь в войне с Россией. 16 марта Англия и Франция объявили России войну, а 10 апреля англо-французский флот в составе 19 линейных кораблей и 10 пароходо-фрегатов обстрелял Одессу и предпринял попытку высадить десант для ее захвата. Нападение было отражено береговыми батареями.

Появление неприятельского флота возле Одессы позволяло ожидать его в любой момент и у Севастополя. Поэтому командованием флота были приняты необходимые меры для усиления обороны города с моря. Пароходо-фрегаты "Владимир", "Громоносец", "Херсонес", "Крым" и "Одесса" заняли позицию в первой линии обороны между Павловским мысом и батареей № 4.

В 13 часов 15 апреля с "Владимира", крейсировавшего в районе Севастополя, Бутаков увидел вдали медленно приближавшиеся к главной базе флота неприятельские суда; их было около двадцати пяти. Спустя двое суток с наиболее удобного наблюдательного пункта в Севастополе - вышки Морской библиотеки - уже можно было отчетливо видеть корабли неприятельского флота, медленно двигавшегося к Севастополю. В половине пятого часа дня 17 апреля от неприятельского флота отделился большой двухдечный винтовой корабль и довольно близко подошел к рейду. Это был "Агамемнон" - одно из лучших винтовых военных судов Англии.

Трудно было предугадать намерения неприятеля; поэтому Корнилов в своем приказе по эскадре от 18 апреля требовал от команд кораблей "особой бдительности и совершенной готовности в самое короткое время сняться с якоря и следовать для атаки неприятеля". В 15 часов 18 апреля "Владимир" был

послан для наблюдения за неприятельским флотом. Взяв курс на северо-запад, Бутаков увидел к югу от себя неприятельский трехмачтовый пароход, который шел к своему флоту, показавшемуся на горизонте. Предварительно обследовав район от Херсонесского мыса до мыса Айя и убедившись, что там нет других неприятельских судов, которые могли бы отрезать ему отход в базу, Бутаков попытался догнать вражеский пароход. Он преследовал его в течение двух часов, пока неожиданно не увидел довольно близко от себя всю неприятельскую эскадру. Только тогда Бутаков повернул назад; но было уже поздно: за "Владимиром" погнались два быстроходных пароходо-фрегата - английский и французский.

С крыши Морской библиотеки Корнилов наблюдал за смелыми действиями Бутакова. Заметив гнавшиеся за "Владимиром" суда, он тотчас же приказал поднять сигнал: "Возвратиться из погони", пароходам - развести пары, а фрегатам - приготовиться к съемке с якоря. Бутаков не разглядел сигнала, но он и сам понял, что ему грозит опасность быть отрезанным от Севастополя, а потому повернул пароходо-фрегат в базу.

В городе с волнением следили за дальнейшим ходом событий. Всем казалось, что бой "Владимира" в сложившихся обстоятельствах неизбежен. Однако едва командир английского пароходо-фрегата увидел на рейде дымы русских пароходов, разводивших пары, он переменил курс и убрал паруса. То же самое сделал и французский пароход. "Владимир" благополучно прошел мимо них на рейд.

До конца апреля англо-французский флот ни разу не подходил к Севастополю ближе чем на двадцать пять миль. Из-за густого тумана, стоявшего на море целый месяц, рассмотреть неприятельские корабли не удавалось. Временами они совсем скрывались из поля зрения. 8 мая Корнилов приказал "Владимиру" выйти в разведку, чтобы выяснить, ушел ли неприятельский флот от крымских берегов. Обогнув Херсонесский маяк, "Владимир" прошел двадцать пять миль к юго-западу и не встретил ни одного судна.

С рассветом 26 мая "Владимир" вновь отправился в крейсерство по Черному морю. Подойдя к Синопу, где, по слухам, должен был находиться турецкий флот, он не обнаружил неприятеля ни там, ни на обратном пути.

Неделю спустя у Севастополя появились три неприятельских трехмачтовых парохода. Утром 3 июня шести пароходам, в том числе и "Владимиру", было приказано взять с парусных кораблей на борт по полувзводу специальных абордажных войск и выйти навстречу неприятелю. Флаг командира этого отряда пароходов

контр-адмирала Панфилова был поднят на "Владимире".

С приближением русских пароходов неприятельские корабли стали удаляться от Севастополя. Это были английские пароходо-фрегаты "Террибл" (самый большой военный пароход британского флота) и "Фюреос" и французский пароход "Декарт".

Когда "Владимир" находился от парохода "Террибл" на расстоянии шестнадцати кабельтовов, противник сделал первый выстрел, но ядро не долетело до русских кораблей. Несколько уменьшив дистанцию, "Владимир" открыл ответный огонь. Его первое ядро упало правее "Террибл". Завязалась перестрелка. Бутаков стремился сблизиться с противником, однако подойти к нему ближе чем на тринадцать кабельтов он не мог, чтобы не оторваться от отряда и не остаться одному против превосходящих сил врага. Но все же "Владимир" оказался ближе всех к неприятелю, и на нем сосредоточился весь огонь; на корабле появились повреждения и жертвы.

Видя, что неприятель продолжает, удаляться и уже находится примерно в тридцати милях от Севастополя, командир отряда приказал прекратить погоню и возвратиться в базу.

14 июля англо-французский флот снова попытался приблизиться к Севастополю. Более двадцати кораблей противника подошли к городу, но огонь береговых батарей заставил их отойти к мысу Лукулл.

Угроза вражеского нападения на крымское побережье нарастала с каждым днем. 1 сентября 1854 года около 10 часов утра севастопольцы увидели на горизонте пароходы, а около полудня телеграф мыса Лукулл сообщил, что с юга тремя колоннами идет огромный неприятельский флот. Поднявшись на вышку библиотеки, Корнилов и Нахимов долго следили за вражескими судами - их было не менее 360. Вся эта грозная масса двигалась по направлению к Евпатории,

Корнилов приказал, чтобы все корабли русской эскадры были приведены в боевую готовность. К несчастью, из-за противного ветра русские парусные корабли не могли немедленно двинуться навстречу врагу, а к вечеру ветер и вовсе стих. Мощный паровой флот противника беспрепятственно стал на якорь у Евпатории.

Оставалось надеяться лишь на то, что избранная главнокомандующим Меншиковым позиция на реке Альме окажется чрезвычайно сильной и десант противника будет разгромлен тотчас после высадки. Но эти надежды не оправдались. Меншиков не верил в возможность неприятельского десанта в Крыму. За два дня до высадки вражеских войск он уверял генерал-адъютанта Анненкова, что "неприятель никогда не мог осмелиться сделать высадку, а по настоящему позднему

времени высадка невозможна"{39}.

Меншиков ничего не сделал для того, чтобы альминскую позицию превратить в непреодолимый для противника рубеж. Больше того, он проявил преступную халатность и во время высадки на крымское побережье огромной неприятельской армии (62 тысячи человек при 134 орудиях), продолжавшейся с 1 по 7 сентября. Ничего не предпринял Меншиков и после того, как армия противника высадилась. У него вообще не было какого-либо определенного плана боевых действий.

Русские войска на Альме сражались храбро и стойко. Очевидец рассказывал: "Артиллерия наша дивно громила неприятеля, - ряды их редели приметно, и что же? Недостало "нарядов... Стыд и позор!.. Прекрасно распорядились!.. И артиллерийское дело, так блестяще начатое, должно было прекратиться в самом разгаре!.. Пошли в штыки, но картечи неприятельские целыми рядами клали наших. Несмотря на это, не только поработали вдоволь штыки, но и приклады русские"{40}.

Меншиков даже не позаботился на случай отступления своей армии сделать высоты, находящиеся в ее тылу, недоступными, а ведущие к ним тропы непроходимыми. Не лучше вели себя и другие генералы. Находившийся на левом фланге генерал Кирьяков покинул свои позиции, оставив высоты, господствующие над дорогой к Севастополю. Первые же французские батареи, беспрепятственно занявшие эти высоты, открыли ураганный огонь по тылу правого крыла русских войск. Несмотря на тяжелые условия, в которых очутились русские войска, они отошли только после того, как факт обхода их противником стал очевидным.

Распорядившись об оставлении в Севастополе восьми резервных батальонов, Меншиков отходил со своей армией к Бельбеку.

Утром 9 сентября Корнилов собрал на совет флагманов и командиров кораблей. Он высказал перед собравшимися свою мысль о том, что если англо-французская армия овладеет северными укреплениями, то даже самое геройское сопротивление не спасет Черноморский флот от гибели. Поэтому Корнилов предлагал выйти в море и атаковать соединенный англо-французский флот, стоявший у мыса Лукулл. "Когда я вошёл, - вспоминал впоследствии Бутаков, - Корнилов стоял в глубине комнаты на каком-то возвышении, и Вукотич только что говорил, что лучше выйти в море и сразиться. Тотчас за этим последовало заявление капитана 1-го ранга Зарина, что выгоднее затопить вход старыми кораблями и командами подкрепить гарнизон... Споры кончились словами Истомина к Корнилову: "Что вы прикажете, то мы и будем делать"{41}.

Предложение Зарина совпадало с директивой русского командования о заграждении входа на Севастопольский рейд путем затопления старых кораблей и об усилении обороны города за счет освободившихся команд и корабельных орудий. Выполнение этого решения сыграло огромную роль в защите Севастополя. Об этом лучше всего свидетельствует донесение французского адмирала Гамелена, отправленное им в те дни в Париж. "Если бы русские, - писал Гамелен, - не заградили входа в Севастопольскую гавань, затопив пять своих кораблей и два фрегата, я не сомневаюсь, что союзный флот после первого выдержанного огня проник бы туда с успехом и вступил бы из глубины бухты в сообщение со своими армиями"{42}.

Однако затопление кораблей, произведенное 11 сентября, еще не устраняло угрозы захвата Севастополя противником. Главная база Черноморского флота со стороны суши была практически беззащитна: Северная сторона имела одно укрепление, а семиверстная оборонительная линия Южной стороны вообще укреплений не имела, она прикрывалась 134 орудиями малого калибра, причем промежутки между батареями не были защищены.

При создавшихся условиях задача обороны города как с моря, так и с суши легла на плечи моряков и малочисленного сухопутного гарнизона. Из команд затопленных кораблей, а также из части личного состава, снятого с действовавших кораблей, были сформированы батальоны. На берег свозились орудия, строились бастионы, рылись траншеи. К 15 сентября усилиями защитников города число орудий на Южной стороне было

доведено до 172, а еще через две недели - до 341.

Большую роль в системе обороны главной базы играли пароходо-фрегаты, на которые возлагалась задача артиллерийской поддержки приморских флангов оборонительной линий. Так, охрана с моря 1-го и 2-го бастионов и Малахова кургана, находящихся на левом фланге оборонительной линии Южной стороны на берегу Севастопольского рейда, была возложена приказом Корнилова от 21 сентября на пароходо-фрегаты "Владимир" и "Крым". Артиллерия этих судов, стоявших в Киленбалочной бухте, должна была обстреливать находившиеся в пределах ее досягаемости высоты, занятые противником. Район Ушаковой балки прикрывала артиллерия парохода "Эльборус", обстрел Инкерманской долины вели комендоры парохода "Херсонес".

Наиболее важным для обороны Севастополя участком был район Малахова кургана и соседних с ним 3-го и 4-го бастионов. Именно к ним англичане методически приближали свои параллели - траншеи, охватывающие непрерывной линией осажденные укрепления и располагаемые обычно в пределах досягаемости ружейного огня осажденных. Здесь же англичане возводили батареи для штурма русских позиций. Так, ночами 25 и 26 сентября они начали строить, примерно в трех километрах от Малахова кургана, две батареи, рассчитывая установить на них дальнобойные ланкастерские орудия для обстрела Малаховой башни и кораблей, стоявших в Южной бухте. Ночами 28 и 29 сентября англичане отрыли траншеи на Воронцовой высоте и Зеленой горе, расположенных в полутора километрах от 3-го бастиона.

Таким образом, на экипажи пароходо-фрегатов, стоявших в Киленбалочной бухте, возлагалась задача исключительной важности. Они должны были эффективно противодействовать осадным работам неприятеля. "Владимир" и "Крым", действовавшие под общим руководством Григория Ивановича Бутакова, с утра до вечера обстреливали вражеские траншеи, причиняя им значительные разрушения, уничтожая орудия, выводя из строя живую силу. 27 сентября Корнилов с удовлетворением отметил в письме: "Ночью было заметно движение от 1-го лагеря к Киленбалке, но бомбы "Владимира" его остановили"{43}.

Меткий огонь "Владимира" мешал неприятелю сооружать на горе против Киленбалочной бухты так называемую "пятиглавую" (состоявшую из пяти амбразур) батарею для действий против Малахова кургана, А когда батарея противником была сооружена, на нее обрушили огонь своих орудий не только артиллеристы

"Владимира", но и артиллеристы пароходо-фрегата "Крым" и парусного линейного корабля "Гавриил". Это заставило вражеское командование перенести стрельбу ряда орудий "пятиглазки" с Малахова кургана на рейд, что значительно облегчило положение защитников Малахова кургана. Важно и то, что корабли успешно стреляли на расстоянии 4,5-5 верст, хотя стрельба на такую дистанцию велась впервые.

Тяжелые испытания выпали на долю защитников Севастополя 5 октября 1854 года, в день первой бомбардировки города. Только из орудий береговых укреплений неприятель выпустил 8727 снарядов, а с кораблей - 50 тысяч снарядов. В шханечных журналах русских пароходов отмечалось в этот день, что вокруг кораблей "все было мрачно", "стоял густой дым от выстрелов, из-за которого не было видно решительно ничего далее 50 саж.". В борьбу с батареями противника вступили приморские батареи Севастополя, батареи бастионов и орудия пароходо-фрегатов "Владимир", "Бессарабия", "Одесса", "Крым". Русская береговая и корабельная артиллерия обрушила на врага больше 36 000 снарядов.

Особенно энергично действовали комендоры пароходо-фрегатов "Владимир" и "Крым". Своим интенсивным и метким огнем они сковали действия батарей противника в районе Малахова кургана, что дало возможность защитникам последнего удержаться на своих позициях. О том, с каким напряжением работали комендоры пароходо-фрегатов, говорит тот факт, что в течение 5 октября только с "Владимира" было выпущено 186 бомб и 72 ядра из общего числа 600 снарядов, выпущенных четырьмя пароходо-фрегатами. На следующий день артиллерийским огнем с "Владимира" была повреждена "пятиглазка". Матросы пароходо-фрегата шутили: "пятиглазка" окривела и превратилась в одноглазого "циклопа".

Расчеты англо-французского командования подавить мощным артиллерийским огнем сопротивление защитников Севастополя, а затем захватить город, провалились. Севастопольцы защищали свой город геройски. Вскоре русский отряд под командованием генерала Липранди перерезал дорогу между Балаклавой и неприятельскими позициями под Севастополем и уничтожил в бою под Балаклавой почти всю кавалерию англичан. Правда, по вине Меншикова удержать занятые позиции русскому отряду не удалось, однако успех был несомненным, и он поднял боевой дух защитников Севастополя. Именно об этом говорит письмо к матери, написанное 18 октября 1854 года командиром пароходо-фрегата "Владимир" Григорием Ивановичем Бутаковым. "Вот и 14 дней прошло благополучно!.. Кто поверит, что город держится,

несмотря на то, что его 14 дней бомбардируют! Конечно, теперь не та бомбардировка, что 5 октября, но все-таки хорошо! Сильнее прочих были дни: 10-е окт. и сегодняшний, но далеко от 5. Войска больше ничего не предпринимают после дела Липранди, который истребил 3 кавал. полка и взял 4 редута и 11 орудий... Насчет штурма мы очень сомневаемся; мы не смеем даже думать об такой их милости. Это не бомбардировка. Отведают тогда они и русской картечи и штыков!.. Намерений их и наших мы вовсе не знаем и конца покамест не видим, по крайней мере срока, хотя и уверены в результате, тем, что им придется просить пардону. Держаться мы там можем хоть 14 лет"{44}.

На рассвете 24 октября началось внезапное наступление русских войск под Инкерманом. Русские части застали англичан врасплох, атаковали их с неслыханной отвагой и энергией и сломили сопротивление. Обладая отличным по тому времени стрелковым оружием - карабинами системы Минье, англичане производили огромные опустошения в рядах русских, двигавшихся сомкнутым строем, но это не останавливало наступавших. Русские, захватив четыре орудия, прорвались к палаткам англичан. Только пришедшие на помощь своим союзникам французские части сумели сдержать натиск сильно поредевших боевых порядков русских войск.

Однако Меншиков не смог довести столь блестяще начатое сражение до победного конца. Он не сумел организовать взаимодействие между наступавшими отрядами на главном и вспомогательных направлениях, не использовал в сражении большой резерв русских войск. В результате доблестно сражавшиеся войска были вынуждены отходить по разбухшим от дождя дорогам, под градом французской картечи...

В этот критический момент, когда отступавшие русские войска едва не потеряли весь свой артиллерийский парк с лошадьми, повозками и орудиями, "Владимир", "Херсонес" и другие пароходо-фрегаты под общим командованием Бутакова спасли отступавшие русские батареи, которые при переходе через Инкерманский мост попали под огонь французских пушек. Меткая и интенсивная стрельба корабельной артиллерии вынудила французского генерала Боске снять свою артиллерию с высоты, на которой она расположилась для обстрела русских частей.

Однако роль паровых судов не ограничилась в этом сражении взаимодействием с сухопутными частями и артиллерией. Вице-адмирал Нахимов поручил Бутакову организовать переправу с Южной стороны на Северную семи тысяч контуженных и раненых. Для обеспечения выполнения этой задачи Нахимов приказал

командирам кораблей эскадры отправить в распоряжение Бутакова все гребные суда для перевозки раненых.

Безотрадно для защитников Севастополя кончился 1854 год: холод и голод нехватка пороха и боеприпасов, недостаток лекарств, корпии и перевязочных средств, почти полное отсутствие штуцеров, развал и дезорганизация снабжения и управления армией, плохое питание и плохое обмундирование. Несмотря на всю тяжесть положения, защитники Севастополя героически дрались с врагом, показывая образцы мужества и самоотвержения. Исключительную храбрость и отвагу проявили команды пароходо-фрегатов "Владимир" и "Херсонес", совершившие 24 ноября 1854 года смелую морскую вылазку.

В шести милях от Севастополя в районе реки Качи стояли на якоре два винтовых, два парусных судна и два трехмачтовых парохода противника, в Камышевой и Казачьей бухтах, расположенных в четырех-пяти милях от рейда, 23 судна разных размеров, против Песочной бухты (три с половиной мили от рейда) - французский двухмачтовый сторожевой пароход "Мегара", с которого вели наблюдение за тем, что происходит на рейде, а в глубине Стрелецкой бухты стояли на швартовах два французских колесных парохода ("Каит" и "Коттон"), обстреливавших город.

Днем 24 ноября Нахимов приказал Бутакову атаковать "Мегару".

В условиях базирования в небольшом районе моря значительного числа боевых кораблей противника выполнение поставленной задачи требовало мастерства и точности расчета. Бутаков решил отвлечь внимание неприятеля от Песочной бухты. Для этого он приказал командиру пароходо-фрегата "Херсонее" выйти вслед за "Владимиром" и обстрелять пароходы противника, стоявшие в Стрелецкой бухте, к неприятельский лагерь, расположенный в восточной части этой бухты.

Около 13 часов "Владимир" вышел из узкости у Константиновской батареи и полным ходом направился к "Мегаре", дав по пути несколько метких залпов по неприятельскому лагерю в Стрелецкой бухте.

Смелая атака до такой степени ошеломила французов, что первое время на палубе "Мегары" не заметно было никакого движения. Наконец, французы ответила выстрелом, однако ядро упало в воду, не долетев до "Владимира". Сделав еще два выстрела, "Мегара" поспешила укрыться под защиту эскадры винтовых кораблей и больших фрегатов в Камышевой и Казачьей бухтах. "Владимир" некоторое время преследовал его за Песочной бухтой, обстреливая из двух носовых орудий, затем повернул к

Стрелецкой бухте и присоединится к "Херсонесу".

Совместный артиллерийский обстрел неприятельского лагеря двумя русскими пароходами вызвал там большое смятение; французские солдаты бросились из лагеря врассыпную на ближайшие высоты, но здесь их обстреляли орудия 6-го бастиона.

Едва "Владимир" и "Херсоне" легли на обратный курс, два больших английских парохода, перешедших в Камышевую бухту, и один большой французский под вице-адмиральским флагом направились к Севастополю, причем последний полным ходом двинулся наперерез пароходам Бутакова. Головной английский пароход "Валороз" в несколько минут оказался на расстоянии пушечного выстрела от "Владимира" и открыл по нему огонь.

"Владимир" отвечал неприятелю огнем из двух кормовых орудий. Однако вскоре английский пароход, увлекшийся погоней, сам попал под выстрелы русских батарей и, получив повреждения, поспешил возвратиться.

В результате этого боя на русских пароходах не оказалось ни убитых, ни раненых; было лишь перебито несколько снастей, а на "Владимире" очень легко повреждена фок-мачта. Зато на винтовом французском вице-адмиральском пароходе, уходившем от "Владимира", усердно качали помпы, а на одном судне в Стрелецкой бухте из-под палубы показался пар, - невидимому, там был пробит паровой котел.

По возвращении "Владимира" и "Херсонеса" на рейд на флагманском корабле Нахимова "Двенадцать Апостолов" был поднят сигнал: "Изъявляю особенное удовольствие". "Молодецкая вылазка наших пароходов, - писал по этому поводу адмирал Нахимов, - напомнила неприятелю, что суда наши хотя разоружены, но по первому приказу закипят жизнью, что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке; что мы ждем только случая показать, как твердо мы помним уроки покойного адмирала Лазарева"{45}.

В тяжелых условиях осады команды русских пароходо-фрегатов доказали возможность исправления судов в ходе боевых действий. Так, во время бомбардировки Севастополя противником 5 октября пароходо-фрегат "Владимир" получил подводную пробоину, через которую в корабль стала поступать вода. Этот тяжелый случай не заставил командира корабля капитана 2 ранга Бутакова прекратить обстрел неприятельских позиций. Невзирая на артиллерийский обстрел корабля противником, за борт были опущены водолазы, которые заделали пробоину. Аналогичные работы велись и на пароходе "Эльборус".

Паровые суда широко использовались командованием во время обороны города: они обстреливали неприятельские

позиции и батареи, перевозили войска и раненых, буксировали баржи, доставляли в город и на Корабельную сторону фашины и туры, необходимые для возведения новых укреплений и для исправления старых, и т. д. Не случайно некоторые историки отмечали, что пароходо-фрегаты "не только научили нас своими подвигами при обороне Севастополя, как и чем должны и могут суда парового флота оказывать содействие военно-сухопутным силам при совместных их действиях, - но также указали нам, чего можно достигнуть при взаимной духовной связи этих двух сил... доказали, что этот дух единения сухопутных и морских сил может совершать чудеса"{46}.

О том, насколько действенной была помощь пароходо-фрегатов, говорит тот факт, что многие руководящие офицеры Севастопольской обороны часто обращались к Бутакову с просьбами безотлагательно помочь им огнем корабельной артиллерии. В январе 1855 года к нему обратился контр-адмирал В.И. Истомин. "...Прошу опять Вашего огненного содействия, - писал он. Французы начали строить редут недалеко от той пятипушечной, оставленной неприятелем, батареи, которая так часто отведывала вашего чугуна и у коменданта которой вы беспрестанно портили обеденный суп: попробуйте дальность ваших сокрушительных бомб на этот редут"{47}.

В мае к Бутакову обратился начальник штаба Севастопольского гарнизона князь Васильчиков с просьбой оказать содействие артиллерийским огнем пароходо-фре-гатов частям генерала Хрулева, которые предприняли попытку возвратить потерянные русскими Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет - укрепления, имевшие важное значение в общей системе обороны Севастополя. Все эти просьбы удовлетворялись немедленно. "26 мая 1855 года, - записано об этом случае в шканечном журнале пароходо-фрегата "Одесса", - в 10 часов (вечера) по словесному приказанию капитана 1-го ранга Бутакова (этот чин был присвоен ему 30 марта. - Авт.) снялись с якоря и следовали обстреливать неприятельский берег и Селенгинский и Волынский редуты, где мы и все пароходы держались под парами под выстрелами неприятельских батарей"{48}. Об этом же случае в шканечном журнале "Громоносца" отмечено: "В продолжение ночи бросали бомбы на занятые неприятелем редуты..."{49}.

На рассвете 27 мая все пароходы стали на позиции для обстрела левого фланга противника ("Владимир" и "Херсонес" стал" у бухты Голландия, а "Громоносец", "Бессарабия" и "Крым" - против Килен-балки) и с 3 до 5 часов утра усиленно бомбардировали неприятельские батареи. Однако эта последняя

попытка отстоять важнейшие передовые укрепления осталась безрезультатной. С потерей Селенгинского и Волынского редутов и Камчатского люнета удерживать одно из передовых укреплений - Забалканскую батарею - было бессмысленно, и в ночь на 28 мая батарея была покинута.

5 июня 1855 года англичане и французы предприняли четвертую бомбардировку осажденного города. Они обрушили на защитников Севастополя град 36-фунтовых ядер, пятипудовых бомб и картечи. Казалось, не было просвета между тысячами вспышек рвущихся в воздухе снарядов. Бомбардировка продолжалась и ночью.

Главный огонь неприятеля был сосредоточен на Малаховом кургане. Следовало ожидать, что именно сюда он направит свой главный удар в случае штурма. Поэтому решено было установить здесь четыре новых барбета{50}, за которыми можно было бы поставить орудия для усиления картечного огня на случай наступления неприятеля. Работа эта проводилась ночью под градом бомб,

Особенно тяжело приходилось защитникам Малахова кургана. Две тысячи человек под непрерывным обстрелом неутомимо работали на крохотной площадке, заделывая повреждения в стенах бастиона, полученные во время бомбардировки.

Вечером этого дня на одном из участков Малахова кургана работами руководил капитан-лейтенант Лесли. Увидев в полумраке знакомую фигуру Бутакова, он дружески приветствовал его. Бутаков сообщил, что хочет повидаться с адмиралом Нахимовым.

- Да вот, кстати, и он сам, - сказал, оглянувшись, Лесли.

Появившийся Нахимов поздоровался с Бутаковым. Как всегда, он был спокоен и не обращал ни малейшего внимания на свист пуль и осколков.

- Славно работаете на "Владимире", славно-с! - сказал он Бутакову. Французам солоно приходится от ваших орудий...

Несмотря на похвалу Нахимова, Бутаков заявил ему, что в такой критический для обороны города момент он не может оставаться на пароходе, "менее опасном и менее трудном физически", а потому просит перевести его на какую-нибудь батарею.

Эту просьбу Нахимов категорически отказался удовлетворить.

- Нельзя-с, - ответил он Бутакову. - Вас нужно сохранить для будущего флота! - и перевел разговор на тему о возможности неприятельского штурма.

За день до того было обнаружено движение через Черную речку большого отряда неприятельской пехоты, кавалерии и артиллерии, численностью не менее 20 000 человек. Жестокая стрельба, которую с утра вел противник, подтвердила предположения русского командования о подготовке противником штурма. Весь день 5 июня и особенно в ночь на 6-е стрельба с обеих сторон велась с невиданной интенсивностью.

И действительно, в эту ночь начался штурм 1-го и 2-го бастионов и Малахова кургана. Первой ринулась на приступ французская бригада, которой командовал генерал Мэйран, решивший опередить прочих участников штурма и провести свою бригаду по местности, обстреливаемой русской корабельной артиллерией, раньше, чем командиры русских пароходов узнают о начале штурма.

Однако расчеты Мэйрана оказались ложными. Едва его бригада подошла к 1-му и 2-му бастионам, как она была встречена с фронта картечью русской пехоты, а с правого фланга (т.е. со стороны Киленбалочной бухты) - меткими бомбовыми ударами пароходо-фрегата "Владимир" и других пароходов. В какие-нибудь десять минут бригада подверглась такому разгрому, что вынуждена была отойти, оставив сотни убитых и раненых...

В 2 часа 50 минут на штурм левого фланга русской оборонительной линии двинулись остальные французские части. Против Малахова кургана были брошены громадные силы - до 13500 человек, в том числе лучшие батальоны зуавов. Но защитники Малахова кургана отразили штурм, нанеся врагу огромный урон.

За активную помощь корабельной артиллерией защитникам Малахова кургана Григорий Иванович Бутаков 27 июля 1855 года был награжден золотой саблей с надписью "За храбрость".

* * *

Новый царь Александр II, взошедший на престол в феврале 1855 года, был решительно против обороны Севастополя "до последней капли крови". Упорно продолжавшиеся противником бомбардировки Севастополя в мае и июне 1855 года, гибель Нахимова - все это настраивало царя крайне пессимистически. Убежденный, что сдать Севастополь все равно придется, он считал, что надо сделать для очистки совести последнюю отчаянную попытку дать решительный бой, и чем раньше, тем лучше. Главнокомандующий вооруженными силами России в Крыму М.Д. Горчаков (назначенный на этот пост взамен смещенного А.С. Меншикова) считал такую попытку при крайне неблагоприятных условиях чистейшим безумием, но возражать царю не осмеливался. "Более, чем когда либо, - писал Александр

II главнокомандующему, - я убежден в необходимости предпринять с нашей стороны наступление (подчеркнуто Александром П. - Авт.), ибо иначе все подкрепления, вновь к Вам прибывающие, по примеру прежних, будут частями поглощены Севастополем, как бездонною бочкою"{51}.

На военном совете, созванном Горчаковым, было решено совершить нападение на неприятеля в ночь на 4 августа 1855 года. Людей посылали на верную смерть, заставив их атаковать отвесные и заведомо неприступные Федюнинские высоты, которые защищались неприятельской армией в полтора раза более сильной, чем русская армия. Уже в самом начале атаки выяснилось, что артиллерию нельзя переправить через Черную речку. Русские батальоны один за другим переходили через перекидные мосты, и неприятель косил их убийственным огнем. Горчаков вводил в бой полки постепенно без всякой между ними связи, и этот метод был убийственным для русских. Русские потерями в этот злополучный день до 10 тысяч человек.

* * *

На другой день после неудачного для русских сражения у Черной речки противник начал бомбардировку Севастополя, которую не прекращал вплоть до последнего, решающего штурма. Основным объектом бомбардировки являлся Малахов курган как важнейший пункт обороны города.

К этому времени севастопольские укрепления были почти разрушены; подступы (апроши{52}) французов перед Малаховым курганом находились уже в шестидесяти шагах от его контр-эскарпов{53}, и в те редкие минуты, когда смолкал гром орудий, с Малахова кургана можно было слышать говор неприятельских солдат. Начиная с 24 августа неприятельская бомбардировка приняла особенно ожесточенный характер. Только за одни сутки 27 августа англичане и французы выпустили до 70 тысяч ядер и до 16 тысяч бомб и гранат{54}. Защитники Севастополя теряли ежедневно до 1500 человек. Город горел. Финального штурма ждали каждую минуту.

На рассвете 27 августа разведчики донесли, что в неприятельских траншеях замечено необычное оживление и что вражеские солдаты одеты в полную форму.

В этот день Бутаков находился на "Владимире", который, как и "Херсонес" и "Одесса", стоял на якоре у южного берега рейда, между Аполлоновой балкой и Павловской батареей. В случае штурма пароходе-фрегаты должны были защищать левый фланг русских укреплений.

В 12 часов неприятельские войска начали штурм. Тотчас же "Херсонес" и "Одесса" ушли к бухте Голландия, а "Владимир" - к

северному краю Рейдовой батареи. По нему открыли огонь, он изредка отвечал. Но лишь, только пароходо-фрегат подошел к Килен-балке, комендоры открыли интенсивный огонь бомбами и картечью по наступающим французским частям. Обстрел оказался для врага неожиданным и, понеся большие потери, французы отхлынули к своим траншеям. Вскоре они возобновили штурм. Но "Владимир" не мог продолжать обстрел наступавших колонн, так как возведенные французами незадолго до штурма батареи простреливали весь участок моря против Килен-балки и оставаться здесь значило подвергать и команду и корабль безрассудному риску. Тогда Бутаков решил выполнить такой маневр: подойти к восточному берегу Килен-балки так близко, чтобы сам берег служил "Владимиру" укрытием от французской батареи, ядра которой в этих условиях должны были перелетать через "Владимир" выше его труб. Чтобы защитить команду от штуцерного огня из неприятельских траншей, Бутаков закрыл борта изнутри мешками с землей, орудия - высокими тросовыми щитами, а руль - специальной будкой из толстых железных листов. Фок- и грот-мачту Бутаков снял, чтобы щепой от них и обрывками цепных вантин при попадании вражеских пуль и осколков снарядов не поранить людей на палубе.

С большим хладнокровием и знанием дела провел Бутаков этот остроумный и смелый маневр. Французы никак не ожидали, что "Владимир" пройдет так близко от входа в бухту. Они открыли по нему интенсивный, но беспорядочный огонь. И здесь Григорий Иванович Бутаков проявил высокое искусство маневрирования, применив новый тактический прием, имевший целью не дать противнику вести прицельный огонь по "Владимиру". Прием этот был основан на высоких маневренных качествах парового корабля. По команде. Бутакова "Владимир" резко менял направление движения, скорость хода, делал резкие повороты, останавливался на месте. Вражеские снаряды то не долетали до "Владимира", то перелетали через него. Такое маневрирование требовало особого внимания еще и потому, что ширина Севастопольского рейда в этом районе равнялась всего лишь четырем с половиною кабельтовам.

Маневрируя в непосредственной близости от неприятельских траншей в укреплений и ведя по ним артиллерийский огонь, Бутаков рассчитывал на то, что сухопутные батареи противника не будут успевать наводить свои орудия по пароходо-фрегату. Эти расчеты оправдались вполне. Беспрерывное движение "Владимира" мешало неприятельским батареям вести по нему прицельную стрельбу. В то же время залпы "Владимира" вырывали из рядов наступавших французов сотни людей.

Действия "Владимира" вызвали восхищение защитников Севастополя. "Чудное зрелище представляло это прекрасное судно! - писал артиллерийский офицер И. С. - Идет величественно вдоль бухт от Павловского мыска, изредка пуская гранату из носового орудия, отбиваясь, как будто от назойливой мухи, от французской батареи... Поравнявшись с Килен-балкой, выстрелит из орудий целого борта и медленно поворачивается другим бортом... опять сделает залп и тихо отходит, заряжая свои орудия и отстреливаясь. И этот маневр он повторял беспрестанно в течение целого штурма. Это не покажется мудреным, если прибавить, что командир "Владимира", капитан Бутаков, первый подавал экипажу пример редкого хладнокровия и неустрашимости. Все приходили в восторг, глядя на него, стоявшего на площадке над колесами и спокойно распоряжавшегося, как будто около него не летали ядра и не было вероятности быть убитым каждое мгновенье. Хвала тебе, храбрый! Хвала и тебе, наш славный "Владимир"{55}.

Несмотря на героизм защитников, удержать Малахов курган не удалось. Вечером 27 августа начался общий отход русских войск. Пароходы и все имевшиеся в наличии шлюпки беспрерывно перевозили на Северную сторону войска и различные грузы.

"Владимир" в эту ночь перевез в два рейса 2490 человек Во время высадки людей на берег неприятель с Рейдовой батареи открыл по нему огонь. Ответный огонь Бутаков разрешил открыть лишь после того, как все люда переправились на берег.

В ночь на 28 августа были затоплены последние парусные суда Черноморского флота (линейные корабли "Париж", "Храбрый", "Константин", "Мария", "Чесма", "Иегудиил", фрегат "Кулевчи").

В ночь на 31 августа Бутаков получил приказ затопить все пароходы. В час ночи команды пароходов свезли на берег, а в 3 часа по условному сигналу все пароходы ("Владимир, "Крым", "Херсонес", "Одесса", "Бессарабия", "Эльборус", "Дунай", "Турок", "Грозный") подожгли, открыв предварительно кингстоны{56}.

Надолго осталась в памяти очевидцев эта страшная картина: морская поверхность, озаренная багровыми отблесками горящих кораблей, погружающихся в водную пучину. Подожженный в нескольких местах "Владимир" взлетел на воздух под грохот выстрелов: это в последний раз выстрелили заряженные и наведенные ни неприятеля орудия "Владимира", которые не удалось свезти на берег!

За отличие и мужество, проявленные при обороне Севастополя, Григорий Иванович Бутаков был произведен во

флигель-адъютанты и награжден орденом Владимира 4 степени с бантом.

* * *

Несмотря на неподготовленность России к Крымской войне, отечественное военно-морское искусство благодаря плодотворной деятельности передовой части русских морских офицеров в ходе этой войны получило дальнейшее развитие.

В начале Крымской войны произошел первый в истории бой в открытом море между паровыми кораблями, .который окончился блистательной победой русских моряков.

Во время героической обороны Севастополя перед экипажами русских пароходо-фрегатов встала совершенно новая тактическая задача систематически поддерживать артиллерийским огнем упиравшиеся в море фланги сухопутных войск. И эта задача была успешно решена русским флотом.

Григорий Иванович Бутаков был одним из первых, кто правильно оценил значение нового парового флота. Блестяще проведенный им бой с "Перваз-Бахри", во время которого три мощные парусные эскадры вынуждены были оставаться пассивными из-за безветрия, показал, насколько новая паровая техника изменила условия боя на море.

Но если большая подвижность и скорость хода пароходо-фрегатов делала их независимыми от ветра и свободными в действиях, то введение бомбических орудий большого калибра (вместо 36-фунтовых и 60-фунтовых) позволяло вести бой на значительных дистанциях. Этот факт Бутаков оценивал как большое техническое достижение. Такое усовершенствование орудий позволяло вести бой на огромной по тому времени дистанции - 21 кабельтов, при этом бой мог не только начинаться на таком большом расстоянии, но и кончаться без сближения сражающихся кораблей. А ведь совсем незадолго до этого обычным расстоянием в бою считался пистолетный выстрел! "Да, это поистине замечательно, - писал Бутаков. - Теперь, с введением на судах громадных орудий и с начатием опытов для определения возвышений, которые нужно давать этим орудиям при самых больших расстояниях, стало понятным, что в теории морской войны происходит переворот..."{57}.

Большой заслугой Бутакова было то, что он не только умело применял новые приемы ведения морского боя, но и сам работал над усовершенствованием материальной части артиллерии.

Чтобы успешно обстреливать с кораблей вражеские батареи, расположенные на высотах, окружающих Севастополь, надо было увеличить угол возвышения орудий. Бутаков предложил кренить корабль на борт, противоположный тому, с которого должна

вестись стрельба. Об одной из таких стрельб он впоследствии писал: "В числе других батарей, которыми неприятель окружал Севастополь, хвастливо грозя испепелить его в самое короткое время, в сентябре 1854 года он начал воздвигать одну батарею на горе против Киленбалочной бухты, в расстоянии 23-х кабельтов от рейда, для действия по бастиону Корнилова (Малахову кургану. - Авт.). Пароход "Владимир" стал мешать его работам бомбами из 68-фунтовой пушки, и вскоре осаждающие увидели необходимость поставить на этой батарее и против него хоть одно орудие. Для действия по неприятелю из упомянутой пушки "Владимиру" приходилось давать около 3° крену; но когда захотели достигать туда из 10-ти дюймовых, пришлось кренить его до 7°, чтобы последние орудия могли составлять с горизонтом угол в 22°. Когда, таким образом, оказалось возможным вредить неприятелю и 10-ти дюймовыми орудиями, к "Владимиру" присоединили пароход "Крым", у которого были два таких орудия, и корабль "Гавриил" со своими 36-ти фунтовыми пушками, из которых ему приходилось действовать только ядрами"{58}.

Увеличение угла возвышения орудий и как следствие этого дальности стрельбы позволило применить новый тактический прием - стрельбу то невидимой береговой цели. Впервые такая стрельба была осуществлена комендорами пароходо-фрегата "Владимир" в октябре 1854 года. Стреляли из бакового орудия по 22-пушечной английской батарее, действовавшей против Малахова кургана и 3-го бастиона. "Так как ее с парохода нельзя было видеть, - записано об этом факте в шканечном журнале, - то за выстрелами, наблюдали с горы над Голландией, а на пароходе замечали по между лежащей горе направление и возвышение орудия посредством прицела"{59}.

Бутаков придумал также приспособления, предотвращавшие разрывы скоб "брюк" (т.е. тросов, удерживающих пушку при откате) и ослаблявших вредное действие отката на станок орудия.

Поощряемый своим командиром, личный состав пароходо-фрегата "Владимир" стремился улучшить материальную часть оружия. Все изобретения членов экипажа судна лично проверялись Бутаковым и, если заслуживали внимания, немедленно осуществлялись практически. Так, кондуктор Константинов предложил простое приспособление для придания орудиям большего угла возвышения. Оно представляло собой два продольных клина, которые подводились под переднюю часть станка орудия, отчего его цапфы поднимались, а казенная часть опускалась. Приспособление Константинова позволяло доводить

угол возвышения орудия до 24, не креня корабль, что не только увеличивало дальность стрельбы, но и позволяло вести огонь на ходу. Бутаков с большим успехом применил приспособление Константинова во время обороны Севастополя 6 июня 1855 года, а затем сообщил о нем в Морской ученый комитет.

* * *

Падение Севастополя даже в наиболее умеренных либеральных кругах русского общества расценивалось как катастрофа реакционной политики царского самодержавия. Поражение в Крымской войне обнаружило "гнилость и бессилие крепостной России"{60}.

Крымская война явилась генеральной проверкой всей организации вооруженных сил России. Она показала, что русская военная система, созданная существовавшим государственным строем, неспособна обеспечить оборону границ России. "То, что было силой России при обороне, - огромное протяжение ее редко населенной, бездорожной, бедной источниками снабжения территории, обернулось против самой же России, как только Николай сосредоточил вес свои военные силы в одной точке периферии - в Севастополе, - писал о Крымской войне 1853-1856 годов Энгельс. - Южно-русские степи, которые должны были стать могилой для неприятеля, стали могилой для русских армий, которые Николай, со свойственной ему свирепой и глупой беспощадностью, одну за другой гнал в Крым, под конец даже в разгар зимы"{61}.

Крымская война вскрыла порочность прусской системы обучения и воспитания русской армии. Даже консервативные круги России вынуждены были признать необходимость отказа от старого взгляда на армию как на полицейскую силу. Крымская война показала также, что назрела необходимость преобразования феодально-крепостнической армии в массовую армию буржуазного типа, основанную на всеобщей воинской повинности.

Еще более острой, чем в сухопутной армии, была необходимость преобразований в русском флоте. Если армия, понесшая в этой войне громадные потери, все же осталась значительной количественно, то Черноморский флот был уничтожен в Севастополе полностью. Балтийский же флот к концу Крымской войны имел в своем составе всего лишь один винтовой линейный корабль, один винтовой фрегат и 40 канонерских лодок, а остальные - парусные корабли потеряли всякую боевую ценность. Таким образом, морские границы России фактически оказались беззащитными. Необходимо было создать мощный броненосный паровой флот. Но для этого у

дореформенной России не было ни экономической, ни технической базы, хотя и были талантливые люди, способные осуществить это строительство.

Главный командир Черноморского флота

26 августа 1856 года Григорий Иванович Бутаков был назначен главным командиром Черноморского флота и военным губернатором Николаева и Севастополя. В это же время он был произведен в контр-адмиралы.

Черноморский флот находился в самом жалком состоянии. Необходимо было его срочно восстанавливать. Предполагалось создать большую флотилию из 27 паровых судов, для чего построить близ Николаева специальный завод паровых машин. Но эти планы не были осуществлены. Согласно условиям Парижского мирного договора 1856 года Черное море было объявлено нейтральным, и ни Россия, ни Турция не могли иметь на нем военно-морских баз и военных кораблей. Следовательно, Бутакову надлежало заботиться не о строительстве нового флота, а о сокращении остатков старого флота. В этих условиях деятельность главного командира сводилась к чисто административным обязанностям, к докучной и утомительной канцелярской переписке. Он должен был решать вопросы по сокращению разных береговых морских учреждений, увольнять в отставку множество морских офицеров, ходатайствовать об установлении пенсий, раздаче медалей, проводить освидетельствование раненых офицеров и нижних чинов и вести бесконечную переписку по многим другим делам. Словом, вороха бумаг, тысячи отношений, справок, запросов, рапортов, отчетов, донесений!

В своей работе Бутаков столкнулся с канцелярским крючкотворством, взяточничеством, казнокрадством. Будучи человеком честным, он никогда не мог примириться с этими общественными пороками, на которые многие его начальники и сослуживцы смотрели сквозь пальцы как на "неизбежное зло".

Григорий Иванович не мог сдержать негодования, когда узнал, что его помощник по интендантской части контр-адмирал Швенднер замешан в спекуляциях, связанных с поставкой военно-морскому ведомству 13 тысяч четвертей гнилой муки. Оказалось, что купец-спекулянт Киреевский был агентом и подставным лицом контр-адмирала Швенднера, который с помощью других чинов управления тайно вел крупные коммерческие операции.

Комиссия, назначенная Бутаковым, изобличила виновников. Спекулянт Киреевский был арестован, его склад опечатан. По требованию Бутакова в Николаев выехала из Петербурга "высочайше учрежденная комиссия" под председательством князя

Оболенского. Казалось, справедливость торжествовала.

Но напрасны были надежды. Хотя князь Оболенский на словах и возмущался низостью преступников и обещал, что они будут сурово наказаны, но в то же время, неофициально, советовал Бутаков у "...оставить совсем в стороне произведенное уже следствие о фабрикации муки казенным поставщиком". К изумлению Бутакова, новая "высочайшая" комиссия допустила к присяге в качестве экспертов тех самых торговцев, которые принимали деятельное участие в продаже испорченной муки, т.е. людей скомпрометированных и явно пристрастных. Напротив, с членами комиссии, назначенной Бутаковым и обнаружившей воров, обошлись нарочито резко и грубо, требуя от них взять свое заключение обратно. "Просили меня о том же, - сообщал Бутаков в своем рапорте генерал-адмиралу, - намекая даже на антагонизм, в случае несоглашения моего действовать совокупно с Высочайше учрежденной Комиссией, - это раскрыло мне, к горькому сожалению, ход, который дан делу"{62}.

Комиссия постаралась прекратить разбор дела, компрометирующего некоторых высокопоставленных лиц (таких, как обер-интендант, а затем управляющий морским министерством адмирал Н. Ф. Метлин) и даже целые ведомства.

Такой исход дела Григорий Иванович воспринял с глубокой болью. "Зная, что бедное мое отечество подрываемо страшным червем взяточничества, этой повсеместной гангреной нашею, - я выбрал удобный случай, чтобы нанести, в пределах вверенного мне управления, удар всеобщему врагу..." - писал Бутаков генерал-адмиралу{63}.

Видя свое бессилие в борьбе с беззаконием и несправедливостью, Григорий Иванович просил генерал-адмирала об отставке, но просьба его была отклонена. Однако и поддержки у высшего начальства Бутаков не имел, преследования и интриги продолжались. Однажды, в связи со своей твердой принципиальной линией в деле о разборке севастопольских развалин (он и здесь боролся с бюрократами и взяточниками), Бутаков неожиданно получил от генерал-адмирала выговор за "неприличную придирчивость и за неисполнение его воли". Тем не менее Григорий Иванович продолжал решительно и смело отстаивать свои взгляды. Его письма к генерал-адмиралу, написанные с предельной откровенностью и прямотой, раскрывают истинное положение вещей в Управлении Черноморским флотом в этот период. "Прошу Вас, - писал Бутаков, - хоть на один момент заставить себя вообразить, что я действительно честный и благородный человек и составляю странное в XIX веке явление лица, не ищущего себе возвышения, с

еще более странным энтузиазмом к своим обязанностям, вопреки личным интересам и не солгавшего ни слова в этих письме и записке"{64}. Он просит сообщить, нужен ли он флоту, если в нем не убывает желание бороться с мерзостью, не идя ни на какие компромиссы, и если нужен защитить его "от бюрократических (самых опасных и сильных в России) гонений"{65}.

Бутаков был убежден, что высшее начальство поймет и поддержит его в борьбе с казнокрадством и взяточничеством, наносящим огромный вред государству. Бутаков не понимал того, что шеф флота генерал-адмирал великий князь Константин лицемерил, когда обещал ему поддержку в борьбе с управляющим морским министерством Н. Ф. Метлиным.

В 1859 году Бутаков представил генерал-адмиралу "Секретную записку о положении в Черноморском Управлении", в которой дал обстоятельный анализ положения дел в морском министерстве в целом. По мнению Бутакова, министерство пришло в упадок из-за морального разложения его чиновников. Приведенные в записке факты подтверждали мысль ее автора. Бутаков понимал, что он один не в силах вести борьбу с этим злом, а обещанной реальной поддержки он не имел. "...Надо же было мне попасть на свою должность в такое время, - восклицает он, - когда все в России говорило: "Бросьте официальную ложь! Кто же после Севастопольской войны не знает, что у нас сверху блеск, в снизу гниль. Перестаньте молчать об этом..."{66}. Бутаков в конце записки просит генерал-адмирала освободить его от должности главного командира Черноморского флота и уволить в отставку, ибо "полумеры в этом отношении были бы непоследовательностью с моей стороны".

Последовавшее вскоре после этой записки решение генерал-адмирала больно ударило по самолюбию Григория Ивановича, надеявшегося, что его заботы о нуждах флота найдут поддержку у людей, стоявших у власти. Но этого не случилось. В начале 1860 года он был переведен для дальнейшей службы на Балтийский флот. "Меня хватили по лбу в январе 1860 года именно за то, что приобрел нерасположение сволочи, хотя был очень популярен между дельными и правдолюбивыми людьми"{67}, - писал позже Бутаков в письме жене.

* * *

В период пребывания на посту главного командира Черноморского флота Григорий Иванович Бутаков продолжал работать над созданием первой в мире тактики парового флота.

Еще в 1854 году по поручению Корнилова он составил для своего пароходного отряда краткое описание эволюции, т.е. наиболее выгодных поворотов и захождений кораблей для

изменения курсов, перестроений и т. п.

Изучая эволюции кораблей, совершающих совместное плавание, Бутаков нашел, что при различных перестроениях корабли переход от прямолинейного движения к повороту совершают по касательной к окружности, описываемой ими при циркуляции. Отсюда он сделал важный вывод: за основание пароходных эволюции непременно следует принять две простые геометрические линии; окружность и касательную к ней. Основываясь на этом выводе, Бутаков составил несколько таблиц, при помощи которых (пока только теоретически!) ему удалось решить ряд задач по тактическому маневрированию.

Важность исследований Бутакова была бесспорна. После Крымской войны будущее принадлежало не парусному флоту, а флоту паровому, железному. Бой "Владимира" с "Перваз-Бахри" наглядно показал тактическое превосходство паровых судов над парусными. Независимость паровых судов от ветра и большая маневренность, введение на них современных замковых, дальнобойных и скорострельных орудий - все это требовало разработки новой тактики морского боя и новых методов маневрирования.

Григорий Иванович Бутаков стремился сформулировать новые правила совместного плавания пароходов с математической точностью, чтобы, руководствуясь ими, соединения пароходов могли совершать перестроения быстро и четко.

* * *

Канун крестьянской реформы в России характеризовался непрерывным нарастанием прогрессивных, антикрепостнических настроений. Эти настроения проникли и на флот. Передовая часть морского офицерства все решительнее и настойчивее требовала уничтожения на флоте телесных наказаний. Подвергся публичному обсуждению вопрос о методах воспитания в военно-морских учебных заведениях. Все это было выражением протеста передовых слоев русского общества против духа аракчеевщины, царившего на флоте и в армии. Увлекательные рассказы, очерки и повести таких известных писателей, как И. А. Гончаров ("Фрегат "Паллада"), Д. В. Григорович ("Ретвизан"), силой художественного слова будили горячее сочувствие к матросам, осуждали и высмеивали деспотических адмиралов, командиров и боцманов старого покроя, принципиально не признававших иных методов воздействия на нижних чинов, кроме линьков и зуботычин. "Казалось бы, - писал Бутаков в своих "Замечаниях по поводу Устава (к пункту 201)" в октябре 1859 года,- пора отменить линьки совсем, как вредные по последствиям своим для здоровья,

и определительно ограничить меру исправительных наказаний, предоставленных командиру корабля..."{68} .

Прогрессивные настроения в русском флоте были настолько сильны, что еще до официальной отмены телесных наказаний многие командиры и офицеры перестали заниматься рукоприкладством. На страницах "Морского сборника" все чаще стали появляться статьи, посвященные проблеме улучшения быта матроса. Предлагалось, например, освободить солдатских и матросских детей от обязательного поступления на военную службу, упразднить звание кантониста, сократить срок службы матросов с 25 до 14 лет, улучшить условия их быта, учить матросов грамоте, для чего создать, в частности, матросскую библиотеку и постоянную матросскую школу в Кронштадте и т. д. Все эти преобразования должны были, по мнению авторов статей, составить "только начало того ряда реформ, который должен поставить нашего матроса на... степень благосостояния, материального и нравственного... что эти же реформы должны оградить личность матроса от излишних притязаний строптивого начальника"{69}.

Григорий Иванович Бутаков живо интересовался вопросами службы и жизни матросов, их просвещением. Однажды он послал в журнал "Морской сборник" дневник матроса Ивана Лыкова, рекомендуя его опубликовать. "Недавно мне попалась прилагаемая тетрадь, - писал Бутаков, - которой автор теперь в отставке... Если редакция сочтет ее занимательной для своих читателей и напечатает в "Морском сборнике", то желательно бы отослать автору положенное число оттисков и причитающуюся плату за статью. Адрес его легко узнать в экипажной канцелярии"{70}. "Путевые заметки русского матроса" были опубликованы в "Морском сборнике". Несмотря на свою наивность и малограмотность, они, несомненно, свидетельствовали о наблюдательности автора. Редакция снабдила "Путевые заметки" Лыкова следующим примечанием: "Жаль, что при такой любознательности автор заметок не имел возможности удовлетворять ей. Это указывает на необходимость некоторого знакомства наших матросов с картами морей, по которым они плавают, или с глобусом"{71}.

Широко обсуждался в те годы вопрос о радикальном изменении системы воспитания молодежи в морских учебных заведениях. В основном речь шла не столько о недостаточности практического морского образования, сколько о ложной системе воспитания, основанной на страхе наказания. Против этой системы энергично восставали и Г. И. Бутаков, и И. А. Шестаков, В. И. Даль и многие другие, учившиеся в николаевскую эпоху в

Морском корпусе. Все они хорошо помнили жестокий режим училища, бесчеловечные истязания кадет. Видимо, по этой причине Бутаков, несмотря на настойчивые просьбы двух сыновей (Александра и Алексея), не пожелал определить их в Морской корпус, а послал их по окончании гимназии в Петербургский университет. Только после этого он определил их на флот юнкерами.

Не приходится сомневаться, что Григорий Иванович Бутаков принадлежал к числу сторонников крестьянской реформы. Об этом свидетельствует уже тот факт, что он еще в 1858 году успешно осуществил освобождение черноморских адмиралтейских поселян{72} от крепостной зависимости, за что в 1862 году был награжден золотой медалью на Александровской ленте. Несомненно, эту награду можно рассматривать лишь как показной жест царского правительства, как игру в либерализм.

* * *

Сдав дела, Бутаков выехал из Севастополя к новому месту службы. Он отлично понимал, что назначен на Балтику не с целью продвижения по службе, а из-за своего нежелания прикрывать махинации, в которых были замешаны высшие круги морского министерства.

Назначение Григория Ивановича Бутакова начальником практической эскадры винтовых кораблей Балтийского флота сыграло огромную роль в развитии отечественного военно-морского искусства. Именно здесь он получил возможность проверить на практике разработанные им основания тактики паровых кораблей. Именно здесь им были разработаны и претворены в жизнь принципы боевой подготовки броненосного флота в мирное время.

Начальник практической эскадры

Практическая эскадра Балтийского флота состояла из девяти винтовых судов: кораблей "Орел", "Константин", "Выборг", "Вола" и "Ретвизан", винтового фрегата "Громобой", пароходо-фрегата "Камчатка" и корветов "Баян" и "Калевала". Задача эскадры состояла в подготовке личного состава для плавания на паровых кораблях.

За Бутаковым с первых дней его появления на эскадре прочно укрепилось прозвище "беспокойного адмирала". Он сразу предъявил ко всем офицерам, начиная от командиров кораблей и кончая младшими офицерами, ряд новых, непривычных для них требований. Он заставил каждого глубоко изучать свою специальность, вникая в такие мелочи, на какие они прежде не обращали внимания.

Адмирал часто переносил свой флаг с одного корабля на

другой, проводил на каждом корабле примерно неделю, знакомясь с личным составом и осматривая корабль. Некоторые побаивались этих посещений, так как вопросы Бутакова при нерадивом отношении к делу могли оказаться неожиданными и затруднительными, а отвечать на них надо было точно. "Лгать адмиралу или обманывать его было нельзя, - рассказывал один из служивших в то время па эскадре механиков, так как всем памятные слова Бутакова: "Будто бы?" или: "Так ли это?" - сразу останавливали говоруна и были равносильны выговору. Приходилось выбирать одно из двух: работать или уходить... Григорий Иванович не походил на других; он не любил много говорить и Вообще отличался молчаливостью; и если о чем говорит или писал, то все это было в высокой степени умно, ясно и просто... Будучи сам чрезвычайно трудоспособным... ближайших помощников и сослуживцев он выбирал очень осторожно. Новичкам по службе с таким трудолюбивым адмиралом на первых порах жилось очень тяжело, потому что являлась надобность переделаться и даже перевоспитаться на иной лад"{73}.

Предъявляя высокие требования к подчиненным, Григорий Иванович обладал редким даром находить нужных для дела людей и при этом не считался ни с чином, ни с протекцией. Так, например, многие старшие инженер-механики практической эскадры надеялись запять вакантную должность флагманского инженер-механика эскадры. Но неожиданно для всех Бутаков остановил свой выбор на молодом офицере. Последний сам был сильно смущен таким назначением и после долгих колебаний явился к Бутакову и напрямик заявил, что недостаточно опытен для работы на новой должности и что, кроме того, он моложе многих старших инженер-механиков эскадры по чину, а поэтому просил отменить назначение. Адмирал терпеливо выслушал молодого офицера, а затем спросил: "- Ну, а желание служить и заниматься делом - это есть или нет?

- Есть.

- Ну, в таком случае... прошу с божьей помощью приниматься за дело, а в трудных случаях приходить ко мне, будем обдумывать вместе"{74}.

Молодому офицеру не оставалось ничего иного, как приступить к работе. Его первые шаги проходили под неусыпным наблюдением Бутакова.

Григорий Иванович имел обыкновение накануне выхода эскадры в море принимать доклады офицеров штаба и командиров кораблей у себя на квартире. Докладывать приходилось в небольшом кабинете в присутствии всех

собравшихся. Выслушав докладывавшего, Бутаков обычно подавал ему маленький листок бумаги и карандаш и предлагал набросать вчерне высказанные им мысли. "Так случилось и с новичком Н., - рассказывает участник одного из таких совещаний. ...Первые минуты ему казалось предпочтительнее провалиться сквозь все полы и потолки квартиры адмирала, чем писать у всех на глазах, и притом тогда, как другие в это время говорят. Положение представлялось безнадежным: размер листочка бумаги был так мал, что на нем казалось невозможным написать даже часть того, что было надо; резины с собой у Н. не было, а просить ее у адмирала было неудобно; и вот, невообразимо мучаясь и вспоминая все наставления и примеры, как надо писать деловые бумаги, таковая, хотя и нескоро, была составлена, и своим писанием составитель далеко не был доволен.

Но вот со стороны адмирала слышен вопрос: "Что, кончили?"

Написанное подастся ему. Григорий Иванович прочитывает, берет от "писателя" карандаш, более половины из написанного зачеркивает и приписывает своей рукой два или три слова, а затем читает всем вслух. Новичок-автор не мог узнать своего произведения: оно так много изменилось к лучшему, что трудно и сказать!

Это был первый урок новичку. Последующие уроки были не менее поучительны..."{75}.

В любое дело Бутаков вникал глубоко и всесторонне. Он сам разбирался во всех чертежах, которые ему представляли, и раньше чем прийти к какому-либо решению, задавал докладывавшему ряд настойчивых вопросов: "Нельзя ли обойтись без этого? Нельзя ли сделать это попроще? А отчего бы, например, не сделать вот так?" и т. п. И если докладывавший умно и убедительно защищал свое предложение, оно принималось. Хвастунов и пустых говорунов Бутаков не переносил. Разобравшись, с кем имеет дело, он обрывал таких субъектов коротким вопросом, обращенным к свидетелям излагаемых им фактов: "Так ли это в действительности?"

Адмирал Бутаков учил подчиненных относиться к нелегким обязанностям, возлагаемым на них новейшей паровой машинной техникой, с чувством глубокой ответственности. Он часто напоминал им правило Петра I: - "Промедление времени невозвратной потере жизни подобно".

Бутаков добивался того, чтобы суда эскадры в случае повреждений не теряли способности нести боевую службу. Для этого на колесном пароходо-фрегате "Владимир" он оборудовал специальную "пловучую мастерскую" для исправления повреждений судов на ходу, во время учебного плавания. Если

повреждения оказывались настолько серьезными, что исправить их силами "пловучей мастерской" не удавалось, то в ремонте судна принимала участие вся эскадра. При этом сам Бутаков глубоко вникал в техническую суть аварии, упорно доискивался вызвавшей ее причины, искал способы предупреждения аналогичных аварий.

Особенное внимание Бутаков уделял морской подготовке личного состава эскадры, стремясь при этом превратить учения из тягостных занятий в увлекательные состязания. "Считая необходимым основать всякое совершенствование флота на соревновании, - писал Григорий Иванович в отчете о плавании эскадры летом 1860 года, - я ввел в отряде, чтобы из всякой работы выходила гонка и первым кораблям в каждой работе немедленно изъявлялось сигналом удовольствие. Если же работа была произведена быстрее предшествовавшего раза, - то особенное удовольствие"{76}.

На эскадре часто, особенно в воскресные дни, устраивались состязания по плаванию, по бросанию лота, шлюпочные гонки и т. п. Так, в один из воскресных летних дней 1860 года после подъема флага команды кораблей эскадры выстроились на палубах. Все взоры были устремлены на ванты, где ожидали сигнала о начале состязаний салинговые матросы. Наконец прогремел пушечный выстрел, и соревнующиеся заскользили по вантам к салингам{77}. Когда первый из салинговых - таким оказался матрос с "Выборга" - достиг своей цели, его приветствовало громовое "ура". Победитель состязаний достиг салинга за 50 секунд, тогда как обычно на это уходило больше минуты.

Затем соревновались пловцы, лотовые, команды шлюпок. Призы победителям соревнований вручал на флагманском корабле сам адмирал, справедливость которого была хорошо известна не только на эскадре, но и далеко за ее пределами.

Ничто не могло ускользнуть от внимательного взора "беспокойного адмирала". Малейшие упущения по службе замечались им сразу. И на эскадре знали, что если на флагманском корабле поднят сигнал: "Адмирал приглашает таких-то на вечернюю чашку чая", то это значит, что названным в сигнале лицам предстоит серьезный разговор с начальником эскадры. Когда приглашенные прибывали на флагманский корабль, их до начала чаепития Бутаков поодиночке вызывал к себе в каюту. О чем он с ними говорил, оставалось неизвестным, но по выражению и цвету лица тех, кто выходил от него, можно было догадаться, что головомойка была внушительной.

Но еще больше доставалось тем, чей промах обсуждался

публично после общего чаепития в адмиральской каюте. Фактически это был настоящий товарищеский суд, на котором обсуждались всякие ошибки офицеров, недобросовестное выполнение ими своих обязанностей, причем делалось это своевременно, под свежим впечатлением, когда нельзя было ничего скрыть или "спрятать концы в воду". Обвиняемым предоставлялась полная возможность защищаться, опровергать заключения экспертов. Допускалась полная свобода слова при обязательном условии: самому с уважением относиться к мнению других и никоим образом не употреблять резких и обидных выражений. Иногда такие импровизированные суды подытоживались приказами Бутакова.

Никогда еще боевая подготовка на практической эскадре не проводилась с таким напряжением, как во время летнего плавания 1860 года. Особое внимание Бутаков уделял артиллерийской стрельбе и маневрированию кораблей.

Чтобы метко стрелять по противнику, надо знать точное расстояние до него. В условиях морского боя это трудно, так как и свой корабль и корабль противника находятся в движении, отчего расстояние между ними непрерывно меняется. Чтобы избавить артиллеристов эскадры от возможных ошибок при стрельбе, Бутаков приказал установить на всех кораблях специальные измерительные приборы, а в боевое расписание ввести особую должность в офицера, который должен был беспрерывно измерять во время стрельбы расстояние до противника.

Для надежной и быстрой передачи с мостика корабля на батареи приказаний об установке прицела Бутаков изобрел и ввел простое и очень удобное приспособление. Оно состояло ив двух циферблатов со стрелками, разбитых на 12 делений, каждое из которых соответствовало одному кабельтову. Один циферблат, устанавливался на мостике, второй - на батарее. Стрелки соединялись между собой шнуром таким образом, что при повороте стрелки на циферблате мостика на какое-то число делений на такое же число делений отклонялась стрелка циферблата на батарее.

При совместном плавании нескольких кораблей командиру каждого судна важно своевременно узнавать о внезапном изменении скорости хода одним из соседних кораблей или всем соединением. Бутаков предложил ввести для этой цели сигнал - шары, поднимаемые на сигнальной мачте. Высота подъема шаров показывала, каким ходом движется судно. Этот сигнал сохранился на флоте до настоящего времени.

Много труда положил Бутаков на то, чтобы добиться четкого

совместного маневрирования судов практической эскадры. Задача эта была нелегкой, так как суда были разнотипны, имели различное водоизмещение, различную маневренность. Между тем в интересах наиболее эффективного использования артиллерийского оружия надо было добиться точных и быстрых перестроений судов из одного строй в другой, наиболее выгодный в данный момент для ведения огня.

Сложность задачи состояла в том, что надо было заставить разнотипные суда описывать при поворотах одинаковую циркуляцию{78}. А это было далеко не просто. "Вола", например, совершала поворот в течение восьми минут, описывая окружность длиной около 270 метров, а "Константин" совершал поворот за 12 минут, проходя по окружности почти вдвое большее расстояние.

Бутаков сделал все необходимые расчеты и каждому командиру корабля дал подробные указания, как поступать во время маневра и как управлять кораблем на время циркуляции: на сколько румбов повернуть вправо или влево, когда поставить руль прямо, когда застопорить или дать ход машине, когда снова положить руль на тот или иной борт. После этого началась отработка маневрирования кораблей поодиночке. Два торчащих из воды шеста - "створные вехи" - служили стартовым пунктом для движений. "Вола", "Выборг" и "Громобой", поочередно подходя к линии вех, клали руль на борт и начинали совершать заранее рассчитанную циркуляцию. Так продолжалось до тех пор, пока каждый корабль выполнил задачу. Затем начались учения по совместному маневрированию двух кораблей. Первыми начали упражнения корветы "Баян" и "Калевала".

"Баян", шедший впереди, должен был вступить в кильватер "Калевале". Вот он повернул на четыре румба влево, потом па восемь румбов вправо и снова на четыре румба влево и все-таки оказался впереди "Калевалы". Досадно! Бутаков приказал повторить маневр, но на этот раз "Баяну" повернуть на шесть румбов влево, на двенадцать румбов вправо и снова на шесть румбов влево.

Снова корвет "Калевала" идет по прямой. "Баян", стремясь стать ему в кильватер, описывает более крутые дуги, но опять оказывается впереди "Калевалы" на 40-50 саженей!

Упражнение повторяется. Бутаков указывает новые румбы для поворотов "Баяна" - восемь, шестнадцать и восемь румбов. Теперь, сделав крутую циркуляцию, корвет занимает свое место за "Калевалой". Задача выполнена.

Так, в непрерывных учениях проходило плавание 1860 года. Теория постепенно претворялась в практику. Корабли все смелей и уверенней совершали совместное маневрирование.

Большое значение для воспитания личного состава эскадры Бутаков придавал посещению исторических мест героических боев русского флота. Так, на эскадре была торжественно отмечена историческая дата - годовщина Гангутской битвы 1714 года. 27 июля, накануне традиционного праздника, вся эскадра вышла на Гангутский рейд, в район мызы Рилакс, где Петром I была одержана эта славная победа. Бутаков напомнил подчиненным подробности славной битвы русского флота, а затем был дан салют.

На следующий день, пригласив на борт "Калевалы" всех плававших на эскадре кадет, Бутаков отправился к Тверминне, чтобы показать им место, где Петр I предполагал вытащить на сушу русские суда для переволоки на другую сторону полуострова. Таким образом Бутаков не только отметил славную дату, но и познакомил будущих офицеров флота с районом Финского залива, важным в оборонном отношении.

Летнее плавание практической эскадры подходило к концу. 5 сентября 1860 года Григорий Иванович Бутаков за отличную службу был награжден орденом Станислава I степени с мечами. Вскоре он был послан в командировку в Англию и Францию для ознакомления с новейшими достижениями в области кораблестроения и с постановкой морского дела на флотах этих стран.

* * *

Прибыв во Францию, а затем в Англию, Бутаков прежде всего осмотрел строившийся там броненосные корабли "Нормандия", "Уорриор" и "Резистанс". Оценивая их, Григорий Иванович писал чиновнику морского министерства С. А. Грейгу, что "...это только первые шаги в верном направлении"{79}.

В Шербурге Бутаков встретился с французским адмиралом Буэ-Вильомезом, с работой которого о пароходной тактике, вышедшей в 1857 году, он был знаком по переводу, опубликованному в одном из номеров "Морского сборника" за 1858 год. Вот как описывает Бутаков эту встречу: "- Я в этом году командовал на Балтике практической эскадрой, - сказал я. Он не дал мне договорить и начал покровительственным тоном объяснять мне разные предметы.

- Я в этом году командовал на Балтике практической эскадрой и, так как я напал на совершенно новые идеи, я проделал несколько опытов, утвердивших меня в этих идеях, - перебил я хвастливого француза и дал ему легкую идею о моих эволюция и, следовательно, о том, что его эволюции не то, что нужно, и построены на соломенном фундаменте.

- А! Да, это совершенно ново, это совершенно ново!.. Однако

вот идея, которая принадлежит мне полностью: именно, - о зубчатом фронте.

Я объяснил ему, что это не боевой строй.

- А! Но я держусь того взгляда, что нет при паровых кораблях (специального) боевого строя, все построения эскадры хороши для боя, - и разговор перешел к блиндированным судам"{80}.

Находясь во Франции, Бутаков продолжал усиленно работать над созданием новых строев для совместного плавания паровых кораблей. Он с радостью констатировал, что "попал на идею обобщения многих выработанных прежде данных... открыл центробежные и центр склонные (центростремительные. - Авт.) круги и нашел законы вращения кораблей, а также величины координатов{81} для увеличения или уменьшения интервалов, идя строем фронта"{82}.

О всем, что он успел сделать в Англии и Франции, Бутаков писал в донесении генерал-адмиралу: "1) Узнал в подробности систему морских военных сигналов французского флота... 2) Списал все ночные и туманные сигналы этого флота. 3) Приобрел французские пароходные эволюции ("Tactique navale provisoire") и убедился... что со времени публикации сочинения по этой части адмирала Буэ-Вильомеза предмет этот, ежегодно изучаемый и пополняемый на французской эскадре Средиземного моря, двинулся вперед чрезвычайно мало. 4) Удостоверился, что на английском флоте не имеют по этой части ничего своего самостоятельного, а довольствуются доселе переводами с французского того сочинения, о котором я выше упоминал... и компиляцией штурмана Биддельком6а... из коих последняя ниже посредственности... 5) Что важный предмет точного измерения расстояния до неприятеля во французском флоте далеко впереди английского... 6) В Англии я заказал комплект сигнальных фонарей... 7} Узнал, что хотя французский флот сделался со временем независимым от Англии относительно машин для кораблей, офицеры французские вообще недовольны своими машинами, слишком часто повреждающимися... 8) Во всякой будущей войне французы, как я узнал от к-адм. Буэ-Вильомеза, ожидают, что абордаж должен вновь играть важную роль"{83}.

В заключение Григорий Иванович излагал содержание своей работы по теории пароходных эволюции. "Не желая уступить кому-либо за границей первенство изобретения этой теории, - писал он, - я очень мало ознакомил с нею иностранных адмиралов".

* * *

Результатами Крымской войны 1853-1856 годов русский царизм скомпрометировал себя не только перед всем миром, но и

перед своим народом. Если до этой войны русский царизм, непрерывно одерживая военные победы за рубежом, разжигал в своих подданных шовинистиче-ский угар, который способствовал поддержанию авторитета царской власти, то во время Крымской войны его внешняя политика потерпела полный крах. "Наступило небывалое отрезвление, - писал Энгельс.- Колоссальные жертвы войны слишком сильно встряхнули русский народ, царю пришлось слишком много взывать к его преданности, чтобы можно было сразу же вернуть его к пассивному, тупому повиновению. К тому же Россия постепенно развивалась и в экономическом и в умственном отношении; рядом с дворянством появились уже зачатки второго просвещенного класса, буржуазии. Словом, новый царь был вынужден разыгрывать из себя либерала, но на этот раз внутри страны."{84}

К 60-м годам XIX века противоречия в России между развивающимся капитализмом и крепостничеством достигли наибольшей остроты. К этому времени уже "...помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства... Крестьянские "бунты", возрастая с каждым десятилетием перед реформой 1861 г., заставили первого помещика, Александра II, поневоле признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу. В 1861 году последовал "высочайший" манифест об освобождении крестьян.

Однако эта реформа не уничтожила полностью феодально-крепостнические отношения. Крестьяне получили только около 13% всей земли. Кроме того, с 1863 года крестьяне были превращены во временнообязанных и продолжали оставаться ими до перевода помещиком, по своему усмотрению, на выкуп. Вследствие этого еще в 1881 году 15% крестьян состояли временнообязанными. Остатки же крепостничества фактически просуществовали до 1917 года.

После отмены крепостного права развитие капитализма в России пошло с исключительной быстротой. Общая сумма производства за 30 лет, с 1865 по 1895 годы, возросла примерно в четыре раза, выплавка чугуна - почти в семь раз, а добыча нефти - в 700 раз. Вместе с ростом основных отраслей промышленности происходила и усиленная ее концентрация.

Важные стратегические позиции в русском народном хозяйстве занимал иностранный капитал. Его приток в русскую промышленность непрерывно усиливался, а вместе с этим росла экономическая и политическая зависимость России от иностранцев, что тормозило индустриальный прогресс России, оказывалось на развитии ее оборонной промышленности, а

следовательно, и на ее обороноспособности.

Развитие металлургической и металлообрабатывающей промышленности создало в России производственно-техническую базу для более ускоренного, чем это было возможно раньше, развития новых видов оружия и боевой техники, для строительства парового флота.

Создание броненосного флота в России было начато постройкой в 1861 году броненосной лодки "Опыт". В 1863 году русские казенные и частные верфи приступили к постройке десяти однобашенных и одной двухбашенной броненосных лодок, предусмотренных специальной судостроительной программой. Лодки этого типа имели водоизмещение до 1500 тонн, были вооружены двумя 229-миллиметровыми орудиями, толщина броневого покрытия их составляла: на бортах - 127 мм, на башнях - 280 мм. Первая из таких лодок была спущена на воду 10 марта, последняя - 18 июня 1864 года. Кроме постройки военных кораблей на отечественных верфях, русское правительство разместило заказы на постройку кораблей за рубежом. Так, в 1861 году в Англии была заказана броненосная батарея "Первенец". В ее постройке принимали участие русские инженеры и мастера.

Проведенные в 60-х годах военные реформы свелись к упразднению военных поселений и к сокращению срока службы в армии и на флоте до 15 лет; была отменена сдача в солдаты по приговору суда. Хотя эти реформы и дали некоторые положительные результаты, но они не решили основного вопроса способа комплектования армии и флота, так как рекрутская система набора сохранялась. Это означало, что воинскую повинность отбывали только податные сословия{85} - в основном крестьяне и мещане-ремесленники. Военная реформа 60-х годов оказалась половинчатой и крайне неудовлетворительной.

* * *

После возвращения из-за границы весной 1861 года контр-адмирал Бутаков был назначен начальником практической эскадры винтовых канонерских лодок.

Как только ему стало известно о новом .назначении, он поспешил сдать в печать краткий вариант своего труда о совместных эволюциях паровых кораблей. Этот вариант назывался: "Несколько отрывков из опыта начальных оснований пароходной тактики". Как и рассчитывал Бутаков, эта книга вышла в свет до того, как эскадра отправилась в летнее плавание и командиры канонерских лодок успели ознакомиться с основными принципами пароходных эволюции, т. е. имели возможность "вникнуть в предмет прежде, чем действовать".

В состав практической эскадры входили 40 канонерских

лодок из 76, которыми располагал Балтийский флот по состоянию на 1 января 1861 года. Это были деревянные, плоскодонные суда водоизмещением по 176 тонн, вооруженные тремя орудиями каждое. 27 канонерских лодок зимовали в Петербурге, а остальные -в Гельсингфорсе.

Подготовка эскадры к летнему плаванию оказалась делом очень сложным, особенно подготовка судов петербургской группы, которые надо было доставить в Кронштадт, где осмотреть их корпуса в доке и провести необходимый ремонт.

Очень заботили Бутакова машинные команды канонерских лодок. К великому огорчению, он убедился, что механики, машинисты и кочегары эскадры - люди неопытные, незнакомые с работой паровых машин высокого давления. Многие кочегары, например, совершенно не умели поднимать пары и неудачные попытки в этом направлении приписывали несовершенству котлов, а в действительности оказалось, что они накачивали в котлы слишком много воды. Машины в руках механиков капризничали: не останавливались, когда это было нужно, не переключались для работы на задний ход. Немногим опытным механикам беспрестанно приходилось переходить с лодки на лодку, чтобы пустить в ход то одну, то другую машину. Словом, необходимо было буквально "начинать с азбуки".

По мере осмотра канонерских лодок петербургской группы и ремонта их в кронштадтских доках корабли эскадры отправлялись в Гельсингфорс. Ради экономии угля, которого было отпущено на всю эскадру очень мало - всего лишь 150 тысяч пудов, канонерские лодки сперва шли на буксире друг у друга, а затем - на буксире у большого парохода, который обычно ожидал их на Большом Кронштадтском рейде и отводил в шхеры через пролив Бьеркэ-зунд. Только в первых числах июля вся эскадра собралась на Гельсингфорсском рейде.

11 июля 1861 года Бутаков издал приказ, в котором излагались задачи боевой подготовки эскадры: "Нам нужно научиться, - писал он в этом приказе, - для будущей (вероятно железной) шхерной флотилии быть не стадом, наскоро согнанным, а стройною силою, толково, а потому и легко, передвигающейся с места на место на основании современной науки и внушающей к себе уважение порядком и быстротой своих действий. Насколько мы подвинемся в настоящую кампанию в этих древней и современной науках, настолько мы приблизимся к славным для флага нашего в этих водах временам Петра..."{86}

Таким образом, первой задачей летнего плавания Григорий Иванович считал подготовку кадров для нового винтового железного флота, который Россия должна была строить. При этом

подготовку кадров следовало проводить на основании современной науки, т. е. на совершенно новых началах.

Вторую, не менее важную и трудную задачу Бутаков видел в тщательном изучении шхер Финского залива как района, имеющего большое значение в оборонном отношении. Значимость этой задачи определялась еще и тем, что русские корабли, плававшие здесь, находились в зависимости от опытных финских лоцманов. Правда, некоторые районы финских шхер в то время изучались русскими "промерными партиями", измерявшими глубины, описывавшими берега, определявшими скорости и направления течений и ограждавшими фарватеры. Однако сделано было еще очень мало, и избавиться от услуг финских лоцманов не представлялось возможным.

Изучение шхер не являлось для Бутакова новым делом. Еще во время летнего плавания 1860 года была сделана первая попытка исследования шхерных фарватеров винтовыми кораблями. Командиры шести канонерских лодок, изучив подробно шхеры в районе Гельсингфорса - Ловиза, нанесли на свои карты множество новых фарватеров. Бутаков решил летом 1861 года продолжить исследование шхер.

Однако решение этой задачи встретило множество трудностей. Так плавание в районе к западу от мыса Гангэ-удд приходилось совершать, руководствуясь исключительно старой шведской картой мелкого масштаба, являвшейся копией карты издания 1813 года. В западной части, жаловался Бутаков, "мы были совершенно впотьмах и в полной зависимости от лоцмана по всему пространству до самого Або от Гангэ-удда, ибо почти нигде не означены на карте глубины; лоцманские знаки не на тех местах, где мы ожидали найти их, и даже станции лоцманов перенесены"{87}. Не легче было плавать и к востоку от Гангэ-удда. Хотя на русских картах этот район был нанесен более подробно, плавать в нем приходилось наугад, так как он был плохо оборудован в гидрографическом отношении. Например, на всем участке шхер от Экнеса до Барэ-зунда не было ни вех, ни шестов, а линия фарватера не была обозначена на карте, финские же лоцманы наотрез отказывались водить там русские корабли.

Именно этот малоизвестный район решил изучить Бутаков. Подойдя с восемью лодками к западному входу в Барэзундский фарватер, он приказал лоцману вести отряд другим фарватером, находившимся севернее Барэ-зундского. Тщетно убеждал лоцман, что ходить этим фарватером могут только самые малые суда. Бутаков заявил ему, что берет всю ответственность за последствия на себя. "С большим страхом, - рассказывал об этом случае Бутаков, - и беспрестанно бегая на бак, - напиться

холодной воды для успокоения своих нервов, - лоцман помогал мне следовать этим фарватером; но когда я увидел, что некоторых надводных камней на карте совсем нет и что лоцман все более и более делается нервозным, я освободил его от всякого участия в проводке лодки и распоряжался сам.

Положение мое, однако, становилось беспрестанно более и более затруднительным, потому что я видел островки и камни, которых на карте совсем нет, и не встречал тех, которые на нее нанесены! Наконец, там, где я правил, чтобы пройти между двумя подводными камнями, назначенными на карте по обе стороны фарватера, мне встретился в средине последнего надводный острый камень, о котором карта совсем не предупреждала меня"{88}.

В результате этого плавания район Экнес - Баре-зунд изучен настолько хорошо, что по промеренным и описанным фарватерам района могли плавать не только малые канонерские лодки, но и большие пароходы.

Если в кампании 1860 года Бутаков как бы присматривался к соединению винтовых кораблей и искал наиболее целесообразные методы боевой подготовки, то в кампании 1861 года он выступил уже как смелый новатор в подготовке кораблей и их личного состава. С этой точки зрении его известный приказ № 59 от 11 июля 1861 года является как бы программным документом, в котором, кроме задач на летнюю кампанию, излагались взгляды Бутакова на методику и основные принципы организации боевой подготовки. Этот приказ, как другие его приказы, своим образным языком, ясностью мысли напоминал суворовскую "Науку побеждать".

Бутаков приучал подчиненных ему командиров к бесстрашному управлению кораблями. Он внушал им, что "в мирное время нужно выучиться рисковать, чтобы в военное время уметь рисковать, т.е. получить уверенность и крепость нервов. В военное время позволяется рисковать не только каким-нибудь фальшкилем, но и целыми флотами, ибо без риску не может быть войны".

Встав на путь ломки старых традиций, Бутаков объявил решительную борьбу с внешним лоском и казенным формализмом в подготовке флота. "Считаю нужным при этом объяснить, - писал он в своем приказе № 59, - взгляд мой на предмет, издавна получивший в наших водах особенную важность: это виц-мундир и визитный рапорт. Мне кажется, что дельным людям нет никакого дела, в каком именно из узаконенных костюмов находится лицо, имеющее надобность переговорить с начальником о деле...

Относительно почестей при часто случающихся проездах моих мимо лодок считаю нужным присовокупить, что я далек от мысли, чтобы беспрерывные вызовы команды во фронт возвышали мое достоинство, тем более, что вызовы эти не могут не быть обременительными для нижних чинов. Не по этому я буду судить об исправности военного судна: что мне за дело, что люди бойко кричат: Ваше-ство! - тогда как мачты или гафеля смотрят в разнотычку, паруса плохо закреплены, постановка тента небрежная, за бортом висят концы, флаг или вымпел запутан, шлюпки дурно управляются или неопрятны, белье развешано кое-как, буксиры подаются медленно и т.п.!

Мне весело видеть, как "Осетр" пышет паром из всех ноздрей, идя для получения приказаний, и как командир этой лодки лейтенант Римский-Корсаков исполняет сигнал "приблизиться" так хорошо, что, несмотря на шум машин двух лодок, можно внятно и явственно переговорить с ним!

Но чему мне радоваться, когда какая-нибудь лодка идет в кабельтове от флагманского парохода с людьми во фронте, вместо того, чтобы бойко и уверенно резать вплоть, не отвлекаясь китайскими церемониями?

Поставьте, если можете, команду хоть вверх ногами, чтобы показать, как вы ужасно почитаете вашего начальника, но уважения ваш флаг от этого не приобретет"{89}.

Здесь же Григорий Иванович высказывал глубоко верную мысль, что управление кораблем есть не просто дело профессионального навыка, но и подлинное искусство, требующее тонкого чутья: "Помните, что наша служба основана на чуть-чуть: чуть-чуть в одну сторону - так окажут "молодец", а чуть-чуть в другую... - "слепец". Расстояние между этими крайностями всего каких-нибудь полфута, которые и нужно найти. Можно же найти их только постоянным внимательным изучением!"

Результаты боевой подготовки эскадры летом 1861 года были отличными. Канонерские лодки четко держались в строю, совершали: сложные эволюции. Эскадра сплавалась, превратилась в организованную силу.

О всей проделанной за этот год работе Бутаков подробно рассказал в "Обзоре плавания и действий практической эскадры винтовых лодок Балтийского флота в кампании 1861 года", опубликованном в официальном отделе седьмого номера журнала "Морской сборник" за 1862 год. Теперь, когда архив адмирала Бутакова доступен для изучения, стало возможным, сопоставив оригинал рукописи "Обзора" с опубликованным текстом, установить, что царская цензура значительно сократила

"Обзор". Уже один этот факт говорит о том, что руководящая верхушка морского министерства не одобряла действий начальника практической эскадры.

Из "Обзора" были выброшены те места, в которых Бутаков обосновывал необходимость борьбы с внешним лоском и казенным формализмом, призывал к воспитанию в командирах кораблей инициативы и самостоятельности. "...Мне случалась в настоящую кампанию надобность, - писал адмирал в одном из таких мест, - сказать несколько слов командиру лодки, мимо которой я прохожу, а изготовление его вице-мундира заставляло меня дожидаться в то время, когда я давно уже мог бы объясниться с ним и следовать далее, так что мне приходилось говорить командирам: "Мне были нужны Вы, а не ваш виц-мундир".

...В тех мыслях, что государство снабжает эскадры не для почестей начальникам ...я счел нужным вырвать с корнем тот фальшивый взгляд, на основании которого могли считать почести мне одним из важных предметов в нашем плавании... Относительно необходимости выучиться рисковать, то я должен сказать, что, по моим убеждениям, лучшее средство к уменьшению столкновений, - случавшихся довольно часто и разительно в нашем флоте, состоит в том, чтобы командиры не опасались последствий за них. Когда же начальник сам рекомендует бойко управляться и не бояться рисковать, тогда подчиненные упражняют свой глазомер, это великое достоинство, с меньшей нервозностью..."{90}.

К числу неопубликованных отрывков из "Обзора" принадлежат также "Общие соображения о цели и составе шхерной флотилии". Взгляды, высказанные Бутаковым в этой части "Обзора", выходят за пределы тактики и характеризуют его, как разностороннего деятеля русского флота. "Прошедшая война (Крымская война 1853-1856 годов. - Авт.) ясно показала, - писал в "Общих соображениях" Бутаков, - что правительство наше, упразднив в шхерах почти все крепости, кроме Свеаборгской, и держа шхерную флотилию в Або и Выборге, считало эти три пункта главными убежищами для коммерческого флота Финляндии. Как с этой целью и для обороны этих мест, - ибо в настоящее время нельзя не считать доказанной аксиому, что крепость, подобная Свеаборгской, не может быть защищена без канонерских лодок, - так и для того, чтобы по возможности не позволять хозяйничать в шхерах неприятелю, имеющему винтовую флотилию, - мне кажется необходимым России иметь три эскадры канонерских лодок: в Выборге, Гельсингфорсе и Або. Каждая из них должна действовать самостоятельно и состоять:

Выборгская из 20 или 30 лодок главнейше для защиты Транзунда; Гельсингфорсская - из 40 или 60 и Абоская также из 40-60..."{91}.

При этом на Абоскую эскадру Бутаков возлагал и задачу защиты торговых портов в Ботническом заливе.

Не пропустила царская цензура и интересные рассуждения Бутакова о том, какие качества должны иметь суда шхерной флотилии. По мнению Бутакова, корабли, предназначенные для плавания в шхерах, должны были иметь малое углубление, хорошую мореходность, маневренность и скорость хода, "как один из главных военных элементов", "емкость для артиллерии, снарядов и провизии, а главное для команды" и, наконец, защиту для командира и рулевых от штуцерного огня. Бутаков также считал необходимым, чтобы часть флотилии состояла из броненосных судов, которые могли бы "принимать на себя первый огонь неприятеля при атаке".

* * *

Мысли и предложения Бутакова, изложенные в его приказах и "Обзоре плавания", несмотря на их бесспорную целесообразность в повышении боеспособности флота, не находили поддержки в высших сферах морского министерства. Напротив, там суждения Бутакова расценивались лишь как критика узаконенных на флоте порядков, что вызывало резкое недовольство его деятельностью.

В летнюю кампанию 1862 года Григорий Иванович Бутаков снова командовал практической эскадрой винтовых канонерских лодок Балтийского флота. Эскадра состояла из 41 корабля.

На этот раз Григорий Иванович решил усложнить задачи боевой подготовки эскадры, занявшись изучением способов маневрирования для нанесения таранных ударов и уклонения от них. Это решение "беспокойного адмирала" было принято под влиянием событий, происходивших далеко от Финского залива.

В 1861 году в Северной Америке началась гражданская война между северными и южными штатами. В ходе этой войны произошло событие, оказавшее серьезное влияние на дальнейшее развитие военно-морского искусства.

8 марта 1862 года на Хэмптонском рейде произошел бой между эскадрой северян, состоявшей из трех паровых и одного парусного корветов и одного парусного фрегата, и броненосным кораблем южан "Мерримаком". Победил в этом бою "Мерримак".

"Мерримак" не был броненосным кораблем специальной постройки. Это был крупный фрегат, корпус которого обшили четырехдюймовой броней из прокатанных рельсов, а к подводной части форштевня приделали чугунный таран. Все эти усовершенствования сделали "Мерримак" очень неповоротливым.

Бой между "Мерримаком" и эскадрой северян проходил так.

Войдя на Хэмптонский рейд, бронированный корабль южан завязал оживленную артиллерийскую перестрелку с кораблями северян. Вскоре от взрыва крюйт-камеры взлетел на воздух паровой 50-пушечный фрегат северян и утонул от таранного удара в левый борт парусный 24-пушечный корвет. "Мерримак" серьезных повреждений не имел, так как ядра отлетали от его брони. Он потерял лишь таран, который остался в борту затонувшего корвета.

Бой показал, что деревянные суда не могут противостоять броненосным.

К вечеру 8 марта на Хэмптонский рейд пришел броненосец северян "Монитор". На следующий день между ним в "Мерримаком" произошел упорный бой, не давший однако никаких результатов, несмотря на то, что противники расстреливали друг друга почти в упор. Снаряды не смогли пробить броню.

Этот бой доказал явное превосходство броненосных кораблей над деревянными. Григорий Иванович Бутаков правильно определил итоги боя. В своем приказе № 4 от 30 мая 1862 года он писал: "Настало время железных флотилий... "Мерримак" ударил в бок не столько корвет, стоявший на якоре, сколько бюрократические морские администрации Северных Штатов и Англии, которые дремали под защитой деревянных стен своих кораблей и только в виде лакомства для балованных детей строили своим нациям несколько железных судов. Теперь... вопрос о деревянных судах решен окончательно в самых тупых и непредусмотрительных головах тех стран, у которых мы, по нашим обстоятельствам, должны перенимать систему оружия. Итак, - броня, башни и тараны!"{92}

Вскоре в статье "Несколько соображений относительно пароходов-таранов", опубликованной в пятом номере журнала "Морской сборник", Бутаков высказывает идею о создании "удвоенных таранов", о возможности добиться вращения кораблей почти в одной точке для облегчения маневра таранного удара.

Практика показала, что Бутаков несколько переоценил значение тарана как оружия в бою на море, однако в отличие от иностранных военно-морских теоретиков (Ф. Альмайера, К. Грилло, Тушара и других) он никогда не ставил таран выше артиллерийского или минного оружия. Именно об этом свидетельствует вся его последующая деятельность, особенно деятельность в должности командующего броненосной эскадрой Балтийского флота.

Одновременно с повседневной подготовкой к летней кампании Григорий Иванович много внимания уделял и другим

делам. В частности, он принимал деятельное участие в работе комиссии, обсуждавшей вопрос о необходимости переделки 17-пушечного деревянного фрегата "Севастополь" в броненосный. Этот план был разработан в Морском министерстве, желавшем по возможности скорее иметь в составе Балтийского флота броненосный корабль. Рассмотрение плана было возложено на специальную комиссию, в которую входил и Бутаков.

Заседания комиссии совпали по времени с началом летней кампании. Не имея возможности принимать личное участие в работе комиссии, Бутаков представил ей свое мнение письменно. Он писал, что дорогостоящие работы по переоборудованию фрегата себя не оправдывают, так как после бронирования осадка судна резко увеличится и оно не сможет маневрировать, что нет смысла создавать артиллерийские корабли с пушками "а палубах и прорезанными для них в бортах отверстиями - портами, целесообразнее устанавливать орудия в башнях. Бутаков рекомендовал употребить деньги, ассигнованные на переделку фрегата, на постройку нового, действительно броненосного башенного судка.

Однако комиссия не посчиталась с мнением и деловыми предложениями Бутакова и утвердила план, разработанный чиновниками морского министерства. Огромные деньги (около 760 тысяч рублей серебром) были затрачены, и 12 августа 1864 года одетый в броню фрегат "Севастополь" был спущен на воду.

Не получили поддержки не только эти предложения Бутакова. Прошла уже почти половина летней кампании 1862 года, а он все еще не получил одобренного высшим начальством своего отчета о плаваниях практической эскадры летом 1861 года. Обстоятельство это очень связывало Бутакова. Оставалось неясным, считает ли высшее начальство его действия правильными. Казалось, что о его важнейших для флота исследованиях и первом опыте в области совместного маневрирования паровых кораблей просто забыли.

Только в конце июня Григорий Иванович получил письмо от одного из высокопоставленных чиновников морского министерства, который сообщал, что генерал-адмирал ознакомился с его отчетом и некоторыми другими приказами. Оказалось, что высшего руководителя флота не заинтересовали новшества в тактике паровых кораблей, предложенные Бутаковым. Он обратил внимание лишь на то, что начальник практической эскадры в своих приказах высмеивает "бюрократические морские администрации Северных Штатов и Англии, которые дремали под защитой деревянных стен своих кораблей", и эти приказы доводит до нижних чинов, что Бутаков

резко выступает против парадности и формализма в служебных отношениях, что он требует от подчиненных не бояться риска, а это может привести суда к "преднамеренной порче и авариям".

Язвительный тон письма, рассчитанный на то, чтобы свести на нет двухлетний упорный труд Бутакова, сумевшего превратить десятки канонерских лодок в стройную эскадру, отличавшуюся согласованными действиями, говорил сам за себя. Это был уже знакомый стиль борьбы стоявших у власти врагов Бутакова, которым была не по душе его прямолинейность, честность и бескорыстное служение родине. Люди эти не понимали того, что "беспокойный адмирал" преследовал на службе не личные карьеристские цели, а стремился к усилению русского флота. Преклонявшиеся перед всем иноземным и презиравшие все русское чиновники морского министерства, возглавляемого генерал-адмиралом, не в состоянии были понять новаторских стремлений Григория Ивановича Бутакова.

Результаты боевой подготовки летом 1862 года превзошли все ожидания "беспокойного адмирала". "В нынешнее лето, - писал он в итоговом приказе по кампании, - мы не были уже более новичками и действовали не ощупью, а сознательно, с уверенностью; благодаря этому и успехи наши шли в геометрической пропорции. Из них я ставлю на первом плане то, что флотилия проложила себе в эту кампанию, без помощи лоцманов, так много неведомых путей сквозь гущу камней и островов в шхерах, а гг. командиры приучились считать надводные камни скорее бакенами, поставленными природой для обеспечения плавания, чем страшилищами, затрудняющими мореходство. Даже колесные пароходы наши нередко ходили теперь в таких узкостях, где в прошлом году мы считали бы едва возможным показаться с лодками"{93}.

С глубоким удовлетворением адмирал отмечал далее, что пароходные построения (эволюции{94}) исполнялись судами эскадры в 1862 году настолько хорошо, правильно и уверенно, что лучшего и ожидать было трудно.

В конце приказа Бутаков заявлял, что лично ему "флотилия доставила в кампанию 1862 года полное удовлетворение, доказав на деле положительными фактами правильность теории пароходных построений и действий таранами, а также то, как легко применять ее к делу, когда поняты основания этой теории"{95}.

План подготовки эскадры был выполнен. В сентябре 1862 года Григорий Иванович был уведомлен, что он командируется в Англию "для осмотра выставки и разных верфей".

* * *

По окончании летней кампании Григорий Иванович вернулся в Петербург. Здесь он продолжал работать над усовершенствованием вооружения отечественных кораблей. Внимательный к людям, он умел открывать и выдвигать новые дарования, новые изобретения в их авторов, дотоле неизвестных. 28 августа 1862 года Григорий Иванович представил управляющему морским министерством рапорт о кованой пушке, сконструированной русским механиком Свеаборгского порта Смитом. Характерно, что Бутаков перед тем, как рекомендовать каждое изобретение, глубоко изучал его во всех мельчайших деталях. Так было и в данном случае. В своем рапорте он подробно описал техническое устройство пушки Смита и процесс ее изготовления, сделав в конце следующий вывод: "Главное достоинство этого орудия... то, что, соединяя в себе легкость и крепость, оно может исполняться теми небольшими средствами, какие имеются в России; но для постройки орудия необходима высшая аккуратность и верность отделки каждого кольца, без чего он (очевидно, Смит. - Авт.) не признает это орудие годным"{96}.

В этом же рапорте Бутаков рекомендовал испытать и орудийный станок для броненосных кораблей, сконструированный подполковником Шведе.

4 сентября Бутакову сообщили, что управляющий морским министерством назначил комиссию под председательством начальника артиллерийского управления генерал-лейтенанта Н. А. Терентьева для рассмотрения предложений Смита и Шведе, а в середине сентября Бутаков сам был назначен председателем комиссии по проведению опытов по использованию миноносного тарана с броненосной лодки "Опыт".

Опыты эти сводились к взрывам при помощи гальванических батарей на глубине около двух с половиною метров пороховых зарядов весом от одного до полутора пудов. Заряды прикреплялись к концу 15-метрового тонкого бревна, служившего продолжением форштевня броненосной лодки "Опыт". Взрывы производились при различных скоростях хода судна. Во время производства опытов была взорвана пудовым зарядом стоявшая на якоре шхуна "Метеор", к которой "Опыт" подходил малым ходом.

Опыты дали положительные результаты. Они показали большие перспективы развития минного оружия. "Всеми этими опытами, - писал Бутаков, - Комиссия под моим председательством пришла к убеждению:

1. Что идея миноносных панцырных судов заготовляет нам возможность иметь самое сильное оружие из всех досель придуманных.

2. Что заряд в 1 пуд произведет страшное разрушение в неприятельском судне при совершенной безопасности от этого для минного судна.

3. Что заряд этот совершенно безопасно можно увеличить до 11/2 пудов, если мина в расстоянии от своего носа (т. е. от форштевня корабля. - Авт.) на 37 футов.

4. Что такой же заряд можно употреблять и на расстоянии значительно меньше 37 футов; но, проектируя миноносное судно, лучше удержать эту длину шпирона, крепость дна железных броненосных судов может потребовать зарядов более 11/2 пудов"{97}.

Эти испытания имели огромное значение для дальнейшего развития минного оружия в русском флоте. Они явились теоретической и практической предпосылкой появления шестовых мин и нового класса боевых кораблей, их использовавших, - минных катеров, которые с успехом действовали во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

* * *

Кампании 1860, 1861 и 1862 годов были одним из важнейших периодов в жизни и деятельности Бутакова. В этот период, командуя большим соединением винтовых кораблей, он на практике проверил и привел в стройную систему разработанные им правила эволюции паровых судов. Девятилетние упорные изыскания завершились успехам. Отличные результаты, достигнутые в подготовке практической эскадры в маневрировании соединением, подтвердили большую ценность этой работы Бутакова. Во время короткого пребывания за границей осенью 1860 года он воочию убедился, насколько иностранные флоты отстали в этом важном вопросе. Теперь предстояло обобщить полученный опыт и подготовить работу к изданию, чтобы сделать ее достоянием всех офицеров русского флота.

"Новые основания пароходной тактики"

Заграничная командировка, в которую был послан контр-адмирал Бутаков, была непродолжительной по времени, но весьма полезной для русского флота.

В это время в России развертывалось строительство паровых броненосных судов. Уже была спущена на воду канонерская лодка "Опыт", русские кораблестроители готовили расчеты по строительству больших броненосных кораблей, а ученые разрабатывали важнейшие проблемы устройства судовых паровых котлов. Морской ученый комитет изучал представленный И. Ф. Александровским проект подводной лодки. В это же время на русском флоте велись работы по дальнейшему развитию

артиллерии и минного оружия. Поэтому поездка за границу широко эрудированного во всех отраслях военно-морского дела русского адмирала могла принести большую пользу русским изобретателям, так мак она давала возможность ознакомиться с опытом иностранных конструкторов и в своей работе не повторить их ошибок.

9 октября 1862 года Григорий Иванович прибыл в Лондон. Здесь он познакомился со строительством военных кораблей с башенными орудийными установками, позволяющими вести артиллерийский огонь независимо от курса стреляющего корабля и его положения по отношению к кораблю противника. Познакомился Бутаков и с новыми системами артиллерийских орудий, изготавливавшихся на заводах Армстронга. Не ускользнуло от его внимания торгашеское отношение англичан к производству морского оружия. "Так как английское правительство, - писал Бутаков 23 ноября 1862 года в письме генерал-лейтенанту Терентьеву, - связано с Армстронгом обременительным контрактом и в случае отказа должно заплатить ему большую неустойку, то во всех состязаниях Армстронга с Витвортом оно оказывает первому покровительство, доходящее до пристрастия"{98}.

В начале 1863 года Григорий Иванович возвратился из заграничной командировки и вскоре был назначен военно-морским атташе в Англию и Францию, куда он и выехал.

Находясь за границей, Бутаков принял самое деятельное участие в контроле за строительством и в отправлении в Россию построенных для нее здесь броненосных судов. Дело это оказалось очень сложным.

В это время резко обострились взаимоотношения между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией и Австрией, с другой. Поводом к обострению явился так называемый "польский вопрос". 23 января 1863 года в Польше началось восстание против гнета русского царизма. Восставших поддержали Англия, Франция и Австрия, потребовавшие от русского правительства предоставления Польше политической самостоятельности. Но отнюдь не о судьбе польского народа заботились правительства западноевропейских держав. Они стремились к дальнейшему ослаблению России путем отделения от нее Польши, на территорию которой с вожделением поглядывали правители Австрии и Пруссии. Бисмарк так и заявил, что едва Россия освободит поляков, "мы начнем действовать, займем Польшу, и через три года там все будет германизировано". Правительства Англии, Франции и Австрии рассчитывали, что ослабленная Крымской войной Россия не сможет противостоять их натиску.

Однако расчеты эти оказались преждевременными: русская дипломатия сумела дать отпор западноевропейским политикам.

В то время, когда шла напряженная дипломатическая борьба, отношения между государствами были крайне натянутыми, война казалась неизбежной. В связи с этим русское морское министерство решило ускорить отправление в Россию из Англии броненосной батареи "Первенец", несмотря на то, что ее постройка еще не была завершена. Руководители министерства хорошо помнили, что, начав Крымскую войну, английское правительство подвергло секвестрации{99} строившиеся в Англии русские суда.

Бутакову удалось добиться отправки броненосной батареи в Россию. Но и тут не обошлось без инцидента. Когда "Первенец" проходил мимо Вулича, поднялся ветер, и русский корабль, сильно рыскнув, ударил английское госпитальное судно. С большим трудом Бутакову удалось уладить это недоразумение.

Осенью 1864 года Григорий Иванович переехал в Ниццу и, живя здесь, побывал в южных французских портах. Он ознакомился с новым типом французских военных судов. Это были блиндированные разборные лодки малого углубления и большой боевой силы, состоявшие каждая из семнадцати отдельных отсеков, легко перевозимых на транспортах и по железным дорогам. "Эти лодки можно построить, - доносил Бутаков управляющему морским министерством, бесчисленное множество в самый короткий срок, ибо самые ничтожные котельные заведения могут предпринять их постройку.

Французы могут послать их в Кельн для действий по Рейну или перевезти на любую реку в Европе, где будет театр войны. В Китае и Кохинхине у французов много разборных канонерских лодок, доставленных на транспортах и собранных на месте... Мы можем строить их по Волге или Каме и в данный момент перевезти на Дон и в Керчь или в Астрабад, или же доставить на Ладожское озеро или в Неву по каналам, на барках, и в Ригу по железной дороге..."{100}.

Познакомился Бутаков и с французской подводной лодкой-тараном "Ле-Плонжер" ("Нырок"), проходившей в то время испытания. Это было стальное судно сигарообразной формы, длиною 44 метра, водоизмещением в 460 тонн. В движение оно приводилось пневматической машиной мощностью в 68 л.с. Сжатый воздух для машины хранился в 23 баллонах под давлением 12 атмосфер. Как ни старались, но повысить давление воздуха не удалось, его хватало только на два часа работы машины, обеспечивавшей подводной лодке четырехузловый ход. В носовой части лодка имела шпирон, к концу которого была

прикреплена коробка с пороховым зарядом.

Ударив (корабль противника и оставив шпирон в его днище, "Нырок" должен был отходить задним ходом, выпуская проволоку, соединявшую пороховой заряд с гальванической батареей, находившейся внутри лодки. Взрыв производился после отхода "Нырка" на безопасное расстояние. Боевое значение "Нырка" было весьма невелико, особенно против кораблей со стальным корпусом. Если бы даже подводной лодке удалось пробить шпироном днище корабля противника, что было, также мало вероятно, удар шпирона о днище был бы услышан и лодка, обнаруженная к тому же и по пузырькам отработанного воздуха, подверглась бы немедленному преследованию и уничтожению.

В это же время в России в Морской ученый комитет поступил проект подводной лодки, разработанный талантливым изобретателем-самоучкой И. Ф. Александровским. Его лодка при длине около 35 метров и ширине четыре метра имела водоизмещение 365 тонн. Она должна была приводиться в движение двумя винтами, вращаемыми также пневматической машиной, воздух для которой хранился в батарее из двухсот баллонов под давлением до ста атмосфер. Такой запас сжатого воздуха обеспечивал подводной лодке Александровского большее время пребывания под водой, чем запас сжатого воздуха на "Нырке".

Русский изобретатель первый в мире правильно решил вопрос обеспечения всплытия подводной лодки. Если раньше всплытие подводной лодки обеспечивалось откачиванием водяного балласта различными способами, вплоть до откачивания ручными помпами, то в лодке Александровского балластная цистерна осушалась сжатым воздухом, подача которого регулировалась специальным манометром.

Вооружение подводной лодки Александровского было более совершенно, чем вооружение "Нырка". Оно состояло из двух соединенных гибким тросом мин, имевших положительную плавучесть. Мины удерживались на лодке специальными захватами, подводились под днище корабля, затем их освобождали от захватов, и они всплывали и располагались по обоим бортам атакуемого корабля. После этого подводная лодка должна была отойти на безопасное расстояние и подорвать мины посредством электрического тока от гальванических батарей. Таким образом, она могла атаковать не только деревянный, но и железный корабль противника.

Бутаков не знал о проекте Александровского. Ознакомившись с французской лодкой и правильно оценив ее тактические свойства и боевое значение, Бутаков указал и на основной

недостаток подводной лодки - малую скрытность движения под водой, и предложил в качестве средства борьбы с нею сети. "...Так как днем движения этого "Ныркa" должны быть видны с салинга по пузырькам выходящего воздуха, - писал он управляющему морским министерством, - то вероятно можно будет препятствовать его действию посредством больших неводов..."{101}. Много лет спустя эта идея Бутакова была претворена в жизнь: были созданы противолодочные сети.

В Дюнкерке Бутакоз был свидетелем опытов по применению электрического света для рыбной ловли и освещению грунта. Опыты его заинтересовали. Изучив возможности применения мощных электрических фонарей на кораблях, он пришел к выводу, что их можно использовать в качестве прожекторов. Через три года, когда Бутаков вступил в командование броненосной эскадрой Балтийского флота, он установил на кораблях такие фонари. Это были первые в истории корабельные прожекторы.

* * *

Несмотря на то, что обязанности военно-морского атташе требовали много времени на поездки, составление донесений, приемы и т. п., Григорий Иванович не прекращал работу над своим научным трудом об эволюциях паровых кораблей.

Опыт двух кампаний практической эскадры, результаты наблюдений над другими кораблями флота полностью подтверждали теоретические расчеты Бутакова, которые обосновывали правила эволюции паровых судов при совместных плаваниях. Эти правила, подкрепленные множеством таблиц и чертежей, и легли в основу фундаментального труда Бутакова "Новые основания пароходной тактики".

Этот труд, состоящий из восьми глав и трехсот чертежей, изданный в 1863 году, явился первым теоретически обоснованным исследованием вопроса об эволюциях паровых кораблей. Его автор имел полное право заявить, что "Новые основания пароходной тактики" представляют собой "...последовательный свод найденных законов о пароходных эволюциях, это есть в своем роде первый шаг, первое явление на том поприще, где не было до сих пор... почти ничего"{102}.

В отличие от иностранных военно-морских теоретиков, Григорий Иванович Бутаков значительно шире понимал содержание тактики. Если иностранцы сводили содержание тактики к вопросам эволюции, то уже одно название работы русского адмирала говорит о том, что эволюции кораблей им рассматривались лишь как основания тактики.

Сущность подхода Бутакова к вопросу об эволюциях заключалась в следующем. Паровой флот должен иметь совершенно новую, в корне отличную от парусного флота, тактику, опирающуюся на более высокие маневренные качества паровых кораблей, движение которых не зависит от направления и силы ветра. Значит, соединение паровых кораблей должно маневрировать в бою по новым правилам, отличным от правил маневрирования парусных судов. Все паровые корабли эскадры должны совершать перестроения одновременно и однообразно, чтобы быть не "стадом, наскоро согнанным, а стройной силою", способной одерживать победы в боях. Именно это обстоятельство позволит использовать оружие паровых судов с большей эффективностью.

Достигнуть этого можно лишь выработав законы эволюции, единые для всех классов и типов кораблей, входящих в состав эскадры, а также вооружив командиров кораблей знаниями того, что они должны делать, выполняя тот или иной маневр, как управлять рулем и машиной.

Единые для всех классов кораблей законы эволюции,

обеспечивающие тактическое маневрирование соединения в бою, и были изложены Бутаковым в труде, который он считал основанием тактики паровых кораблей.

В первой главе "Новых оснований пароходной тактики" Бутаков рассматривает вопрос о "вращениях паровых судов". Наблюдая за движением паровых кораблей во время поворота, он пришел к выводу, что любой винтовой корабль при руле, положенном на тот или иной борт, описывает кривую (циркуляцию) и приходит на прежний курс в точке, которая отстоит от точки начала поворота примерно на 1/50 часть диаметра циркуляции. Такое небольшое расстояние между точками конца полного поворота позволило ему принимать эту кривую за окружность и утверждать, что корабль, делая поворот на любое число градусов, движется по дуге окружности, радиус которой зависит от положения руля.

Бутаков также установил, что "подобно тому, как с прямого курса корабль непременно переходит при вращениях своих на дугу круга, так с дуги на прямой курс он не может перейти иначе, как по касательной к дуге этой"{103}. Эти две геометрические линии - окружность и касательную к ней - он положил в основу эволюции паровых судов. При этом Бутаков теоретически и практически доказал возможность описывания одинаковых окружностей кораблями с различными маневренными свойствами. Установленная им закономерность позволила, "...приняв известный круг за общий по величине своей всем судам эскадры и прямые курсы за касательные к частям этих кругов, легко составлять правильные пароходные эволюции с подробным указанием каждому исполнителю, в чем должна при известном маневре или эволюции состоять его роль, делающаяся через то легко исполнимою при самых сложных передвижениях..."{104}.

Опираясь на эту закономерность, Бутаков разработал правила различных перестроений, которые могут потребоваться в бою. Этому вопросу посвящены вторая и третья главы труда, в которых разбирается построение кораблей в строи кильватера, фронта и обстрела (пеленга), а также правила поворотов последовательных и "все вдруг". При этом характерно, что выполнение того или иного поворота Бутаковым исследуется не отвлеченно, а исходя из необходимости "...иметь возможность вращать в наименьшем пространстве линию эскадры нашей, в каком бы строе она ни находилась"{105}.

Ценность разработанных Бутаковым правил заключалась не только в том, что они обеспечивали точное и быстрое выполнение эскадрой необходимого маневра, но и в том, что маневр этот являлся не самоцелью, а предназначался для выполнения

конкретной задачи в бою. Имея в виду именно эту сторону вопроса, Бутаков в четвертой главе уделяет большое внимание сравнению продолжительности того или иного маневра в зависимости , в каких случаях выполнить тот или другой способ поворота. "Выполнение каждого маневра эскадры зависит, - писал Бутаков, - кроме чисто стратегических соображений, от соотносительной с другими маневрами скорости, с которою его можно совершить"{106}.

В этой главе Бутаков подробно останавливается на анализе бокового действия винта, показывая, почему винтовое судно при повороте в одну сторону описывает окружность большего диаметра, чем. при повороте в другую сторону, а при движении задним ходом - его корма уклоняется в сторону вращения лопастей гребного винта. По опыту кампании 1861 года он устанавливает, как будет двигаться корабль на заднем ходу в зависимости от направления и силы ветра и бокового действия винта.

"Новые основания пароходной тактики" не только труд об эволюциях кораблей, хотя последние являются основным его содержанием. В нем рассматривается также целый ряд тактических вопросов, и прежде всего вопрос о наиболее выгодных строях для плавания эскадры. Иностранные авторы пытались чисто механически применить к паровому флоту все строи парусного флота и сухопутных войск. Бутаков к решению этого вопроса подошел с точки зрения требований боя паровых кораблей, характеризующегося быстротечностью и эффективным использованием оружия.

Бутаков предложил три простых строя для эскадры паровых судов - строй кильватера, строй фронта и строй обстрела. Последний, по сути дела, является строем пеленга на курсовом угле 135°. Из сложных строев он считал необходимым оставить только следующие: строй двух или трех кильватерных колонн, строй двойного фронта, строй клина (прямого и обратного), строй пеленга{вправо и влево) и как исключение походный строй - строй "кучек", представлявший собой группы из трех кораблей, двигавшихся на некотором расстоянии одна от другой.

Вопросам построения эскадр в сложные строи, перестроения их из одного сложного строя в другой посвящена пятая глава. В этой главе Бутаков доказал, что предлагаемые им строи наиболее целесообразны для совместного плавания паровых кораблей, так как требуют от них простого маневра для занятия мест в строю и обеспечивают полное использование всех видов оружия. Жизнь подтвердила справедливость доказательств Бутакова. Предложенные им строи (за исключением строя "кучек")

сохранились до наших дней во всех флотах мира, как основные строи для плавания эскадр.

Пятая глава заканчивается рассмотрением весьма интересного маневра "фальшивого поворота", который в то время мог иметь некоторое тактическое значение. Сущность маневра заключалась в следующем. Предположим, что корабль, как это показано на чертеже, делает поворот вправо. Наблюдателю трудно будет издали сразу определить, в какую сторону поворачивает корабль, находящийся в точке 2, - на сближение (точки 3 и 4) или на удаление (точки 3' и 4'). Чем больше расстояние между кораблем и наблюдателем, тем труднее последнему определить сторону поворота, так как сделать это он может лишь по характеру пены, возникающей у борта корабля во время поворота, или по взаимному расположению фок- и грот-мачт и других приметных мест. На это требуется некоторое время, в течение которого корабль сможет приблизиться на какое-то расстояние к наблюдателю или удалиться от него.

Бутаков считал необходимым использовать "фальшивый поворот" для сближения с противником. При этом он рекомендовал совмещать маневр с маскировочными мероприятиями: изменением оснастки мачт, окраской стоячего такелажа в различные цвета и другими.

В качестве примера применения "фальшивого поворота" Бутаков приводит случай из своей практики. 22 июля 1854 года пароходо-фрегату "Владимир" было приказано вступить в бой с шедшим на северо-запад пароходом противника, находившимся на горизонте в районе Севастополя. Обнаружив, что за ним гонятся, неприятельский пароход повернул на запад. "Владимир" последовал за ним. Но скорость неприятельского парохода превосходила скорость "Владимира", и Бутакову стало ясно, что догнать его до наступления темноты он не сможет. Бутаков решил вынудить неприятельский пароход начать погоню за "Владимиром". С этой целью он применил "фальшивый поворот". В результате маневра расстояние между кораблями удалось несколько сократить, однако противник упорно уклонялся от боя, а "Владимир" не имел права далеко отходить от Севастополя. Погоня была прекращена.

Шестая глава "Новых оснований пароходной тактики" посвящена описанию способов маневрирования с целью увеличения или уменьшения интервалов между находящимися в строю кораблями. В ней подробно рассматривается, как должны маневрировать корабли для изменения интервалов между собой при плавании в строях кильватера, фронта или обстрела. В конце главы приведены "несколько простых правил и наставлений для

плавания в эскадре". Отдельные пункты этих правил не лишены некоторого практического интереса и сейчас. Так, например, Бутаков рекомендует править в кильватер не по переднему мателоту, а по головному кораблю в линии, что, по его мнению, способствует сохранению линии кильватера в случае выхода из нее какого-либо среднего корабля. В самой большой - седьмой - главе Бутаков касается тактики таранных ударов. В этой главе отразилось до некоторой степени увлечение военно-морскими теоретиками того времени тараном. Начинается глава разбором способов и средств, позволяющих удвоить возможность таранного удара, т.е. позволяющих наносить таранные удары любой оконечностью корабля. Для этого корабль-таран, по мнению Бутакова, должен совершать повороты не по окружности, а почти в одной точке, что следовало обеспечить установлением винтов и рулей как в корме, так и в носу корабля-тарана.

Большая часть главы отводится на подробное математическое исследование способов маневрирования корабля для нанесения таранного удара и уклонения от него. Расчеты и чертежи показывают, как надо маневрировать для того, чтобы ударить штевнем в борт вражеского судна или, наоборот, чтобы избежать таранного удара. Здесь же Бутаков дает ряд практических советов о том, какую часть неприятельского корабля следует пеленговать и как в зависимости от полученного пеленга маневрировать, чтобы наверняка нанести ему таранный удар.

Разработанная Бутаковым теория таранного удара была в дальнейшем применена им в ходе боевой подготовки броненосной эскадры Балтийского флота. Однако, несмотря на большое внимание, уделенное им тарану, Бутаков не переоценивал его боевого значения. Он не раз указывал, что хотя таран является и грозным оружием, но и пушки на корабле находятся не для балласта.

Опыт войн конца XIX - начала XX столетия не подтвердил роли тарана как главного оружия в бою. Но практическое значение бутаковской теории таранного удара заключалось в том, что она послужила основанием для разработки правил выхода в атаку с шестовыми и буксируемыми минами и уклонения от этих атак.

В восьмой главе труда Бутаков рассматривает эволюции, совершаемые кораблями, идущими в сложных строях.

"Новые основания пароходной тактики" были высоко оценены современниками Григория Ивановича Бутакова, признававшими, что этот труд обогатил военно-морскую литературу и практику. Представляя этот труд в Академию наук на соискание премии, председатель Морского ученого комитета писал: "...Сочинение

нашего адмирала резко отличается от них (трудов Буэ-Вильомеза, Бидль-Комба и Говарда Дугласа. - Авт.) своим характером, как самостоятельное, фундаментальное произведение, основанное на новом начале, новых математических исследованиях.

...Бутаков весьма удачно попал на идею и в настоящем своем сочинении развил ее, искусно приложил к предназначенной себе цели, так что вопрос о действиях паровых судов отдельно или в эскадре взят с корня, т.е. с круга, описываемого кораблем.

Предлагаемые нашим адмиралом правила, испытанные на практике, совершенно новы, вполне опровергают мнения относительно затруднительности или даже непреодолимости исполнения пароходных эволюции и доставляют возможность выполнить всякое перестроение правильно, скоро, без замешательства, с математической точностью. Таких определительных (определенных. - Авт.) правил для маневра каждого парового судна, во всяком случае, еще не было, а потому заслуга контр-адмирала Бутакова при настоящем развитии парового военного флота может почесться важною, современною заслугою"{107}.

Академия наук присудила Григорию Ивановичу Бутакову полную Демидовскую премию. "Новые основания пароходной тактики" вызвали большой интерес и за границей. Они были переведены на французский, английский, итальянский и испанский языки, причем во Франции они были опубликованы в 1864 году сначала в журнале, а затем изданы отдельной книжкой. "В момент своего опубликования "Тактика" русского адмирала Бутакова произвела в Морском мире подлинную сенсацию, - писал автор одной французской статьи под названием "Тактика русского адмирала Бутакова". - Она провозглашала такие новые принципы, выдвигала методы, столь отличные от употреблявшихся до сих пор, что не приходится удивляться тому вниманию, какое она к себе вызвала"{108}.

В связи с выходом в свет книги Бутакова французское морское министерство приостановило издание труда Лаваля "Тактика морских сражений".

В феврале 1865 года в Лондоне на заседании Королевского института соединенных служб, где присутствовал и сам Бутаков, одним из английских офицеров был сделан доклад та тему: "Новая морская тактика". В этом докладе уделялось большое внимание работе адмирала Бутакова о тактике парового флота. "В то время, как во Франции и в Англии, - сказал докладчик, - так внимательно следили за развитием этого вопроса, Россия, работами одного достойного офицера, вступила на путь исследований по этому же предмету и продолжала более четырех

лет опыты, по окончании которых адмирал Бутаков издал свои Начальные Основания Пароходной тактики... Этот офицер постарался с замечательной ясностью доказать, что быстрота и точность маневров эскадры вполне зависят от умения хорошо пользоваться законом движения судна при действии руля... Невольно поражаешься, читая его произведения, положительностью доводов. Автор может прибавить еще один, не менее важный довод, что в течение 4-х летних опытов на эскадре капитаны убедились, что с помощью его способа можно маневрировать быстро и как нельзя более правильно"{109}.

* * *

28 октября 1866 года Григорий Иванович Бутаков был произведен в вице-адмиралы, а в 1867 году, когда открылась Всемирная Парижская выставка, он, как наиболее авторитетный специалист, был избран председателем экспертной морской комиссий этой выставки.

Начальник первой русской броненосной эскадры

6 февраля 1867 года вице-адмирал Бутаков был назначен начальником эскадры броненосных судов. Это была первая броненосная эскадра в России. В нее вошли три 26-пушечные броненосные батареи, 24-пушечный броненосный фрегат "Петропавловск", броненосная двухбашенная лодка "Смерч" и десять броненосных однобашенных лодок. Все эти корабли вступили в строй в 1865-1866 годах. Кроме того, в состав эскадры в качестве адмиральских кораблей и для посыльной службы были зачислены два пароходо-фрегата, один пароход и две деревянные канонерские лодки.

Бутакову предстояло в течение летней кампании подготовить первую броненосную эскадру к решению боевых задач. Для этого требовалось разработать совершенно новую систему боевой подготовки. Если в эпоху парусного флота для приобретения навыков в управлении кораблями необходимо было как можно больше находиться в плавании, то с появлением парового флота такая система подготовки оказалась непригодной. Теперь нужно было еще до выхода в плавание подготовить личный состав к обслуживанию весьма сложных механизмов и устройств, а также к использованию оружия. Без этой предварительной подготовки личного состава корабли плавать не могли. Затем личный состав готовился - к управлению всеми механизмами в условиях стоянки корабля на якоре. За этим следовала уже подготовка одиночного корабля на ходу, сперва на рейде, потом в море.

Только теперь можно было начинать обучение совместному плаванию в составе отряда или эскадры.

Именно такую последовательную подготовку, с переходом от

простого к более сложному, и предложил Бутаков. Претворенная в жизнь, эта система боевой подготовки дала блестящий результат в первую же кампанию.

По окончании первого этапа одиночной подготовки кораблей на якоре эскадра в конце июня перешла из Кронштадта на Транзундский рейд. Учитывая, что времени для подготовки эскадры остается очень мало (кампания должна была закончиться в начале сентября), Бутаков разработал типовое недельное расписание занятий, которое объявил по эскадре в своем приказе. В этом же приказе он потребовал от командиров кораблей проявления самой широкой инициативы в организации учений и занятий. "В наше время войны будут внезапны, энергичны и недолговременны, а сражения необычайно кратки, - писал он в другом приказе. - Поэтому готовиться необходимо всегда, постоянно, неотлагательно, немедленно; готовиться к тому получасу, для которого мы, можно сказать, существуем и в который нам придется показать, что Россия содержит флот не без пользы"{110}.

На эскадре началась страдная пора. Каждый день, до обеда, броненосные лодки отрабатывали различные эволюции, маневрируя между стоявшими на якорях кораблями, личный состав упражнялся в стрельбе по щитам и проводил общие или частные учения.

С раннего утра до позднего вечера на рейде царило оживление. В разных направлениях сновали шлюпки, под парусами или на веслах. Воздух сотрясался от грохота орудийных залпов. Вокруг щитов поднимались столбы вспененной ядрами воды. Довольно часто и ночная тишина внезапно нарушалась резкими звуками сигнала боевой тревоги. Это по приказанию флагмана проводилось общее ночное учение эскадры.

И в эту кампанию даже больше, пожалуй, чем в прежние, Бутаков внес в подготовку эскадры дух соревнования. Всякое достижение давало отличившемуся моральное удовлетворение, укрепляло веру в свои способности и побуждало к достижению более высоких показателей.

Поощряя лучших, Григорий Иванович резко выступал против самонадеянности и успокоения. Всякое поощрение он учил расценивать как требование работать в будущем еще лучше. "...Я считаю, что особенная благодарность, изъявленная... эскадре, - писал он в приказе по поводу посещения эскадры генерал-адмиралом, - заслужена нами не в абсолютном смысле. Нас благодарили не за то, что мы есть, а за то, что мы стремимся, насколько от нас зависит, делаться тем, чем мы должны быть и чем вероятно будем - для чести русского флага"{111}. В другом

приказе по поводу успешных артиллерийских стрельб он предупреждал: "Но ради бога, не будем самонадеянны!.. Будем стремиться идти вперед, как идем, и да не почием на лаврах из расщепленных щитов!"{112}.

Бутаков стремился максимально приблизить условия боевой подготовки в мирное время к боевым. "...Попадать в щит, когда в вас никто не стреляет одно дело; попадать же в неприятеля под его ядрами - другое, - писал он в приказе № 27 от 4 августа 1867 года. - ...Не особенно скоро убеждается человек, что кругом его огромное пространство, где ядру пролететь мимо, и что поэтому не следует на него вовсе обращать внимания. Чтобы команды наши заблаговременно приучились слышать свист ядер, предлагаю посылать по очереди на один час , по гребному судну с офицером на каждый из двух буйков, поставленных по обе стороны ближайшего к эскадре щита, в некотором расстоянии от него... Сколько время мне позволит, я буду сам навещать эти буйки, что советую и гг. командирам"{113}.

Этот приказ Бутакова был немедленно претворен в жизнь. В ветреный холодный день 14 августа 1867 года на Транзундском рейде проводилось очередное артиллерийское учение. Видимость была хорошей, и щиты, по которым стреляли с кораблей, отлично были видны на далеком расстоянии. Оглушительно, с небольшими интервалами били по щитам орудия кораблей. Визжали ядра...

- Хвалю! Молодец, что не кланяетесь ядрам! - послышался знакомый голос позади лейтенанта Семечкина, который на четверке приближался к предназначенному для него буйку поблизости щита. Семечкин оглянулся - и, к своему изумлению, увидел в нагонявшей его шлюпке самого вице-адмирала.

- Ваше превосходительство! Зачем вы тут? Вернитесь, здесь опасно! крикнул лейтенант. Григорий Иванович сделал гребцам знак и, налегши на весла, они нагнали четверку и оказались с ней борт о борт.

- Я ведь обещал, - спокойно отозвался Григорий Иванович, - что буду навещать буйки.

Грянул выстрел, и ядро, вспенив воду, упало довольно близко от адмиральской шлюпки. Бутаков продолжал разговаривать с Семечкиным (это был один из его любимых, наиболее способных офицеров).

- Уверяю вас, все дело в привычке. Я вспоминаю, как защитники Севастополя весьма скоро перестали кланяться пролетавшим над головой ядрам, хотя вначале едва ли не большинство из них имело к тому позыв.

- Право, уезжайте, Григорий Иванович! - упрашивал

лейтенант. - Ну, можно ли вам так рисковать собой?

Но адмирал не слушал его он всматривался в белеющие вдали паруса двух шлюпок, обгонявших друг друга.

- Вот это я понимаю. Молодцы! Кто это, желал бы я знать? - воскликнул чрезвычайно довольный Бутаков.

Бутаков имел полное основание быть довольным. Не прошло и десяти дней со дня отдачи приказа о посылке шлюпок к буйкам в районе щитов во время стрельб, а успехи были уже достигнуты большие. "Я убедился сегодня, - писал он в приказе, - что для будущих паровых шлюпок флота нашего не встретится недостатка в охотниках подсунуть мину под неприятельский корабль"{114}.

Вице-адмирал не ошибся. Спустя десять лет русские минные катера под руководством его ученика Степана Осиповича Макарова одержали ряд побед над сильным турецким флотом на Черном море.

Бутаков воспитывал в командирах кораблей броненосной эскадры смелость, настойчивость, хладнокровие, умение рассчитать свои действия. С этой целью он часто проводил соревнования в управлении судами. Но теперь эскадра состояла из броненосных кораблей со сложной техникой, имевших большее водоизмещение, чем суда практической эскадры, и столкновение их при маневрировании могло вызвать тяжелые повреждения, на исправление которых пришлось бы затратить тысячи рублей. Поэтому Бутаков объявил следующие условия соревнования: "За кормою флагманского корабля будут находиться три горизонтальные шеста или рейка. Коснувшемуся первого из них, т.е. самого высунутого, будет делаться сигнал "изъявляю свое удовольствие". Кто пройдет тремя футами ближе к корме, тот коснется второго рейка, и ему будет изъявлено особенное удовольствие мое. Тот же корабль, который по недостатку еще глазомера, но по избытку желания не отстать от других, коснется третьего рейка, находящегося в трех футах от второго, к сожалению моему, получит замечание словесное или сигналом"{115}.

Таким образом, и тут все дело сводилось к знаменитому бутаковскому "чуть-чуть", которое требовало не слепой, безудержной отваги, а действий, основанных на точном расчете.

Особенно Бутаков ценил в людях самообладание и находчивость. "Попасться в беду всегда легко, а в нашей службе в особенности, - говорил Григорий Иванович. - Выпутаться же из беды трудно, если не сохранить над собою полную власть в тяжелых обстоятельствах"{116}. Вот почему, когда броненосная батарея "Первенец" при следовании Барезундским фарватером получила подводную пробоину, Бутаков не только не сделал за

это выговор командиру батареи капитану 2 ранга Копытову, но, наоборот, отметил в приказе хладнокровный расчет, с которым он посадил батарею в илистую отмель, чтобы таким образом закрыть пробоину в днище корабля, через которую в него поступала вода. Более того, желая предупредить возможные неприятности для командира со стороны высшего командования, Бутаков послал управляющему морским министерством телеграмму следующего содержания: "Течь на батарее "Первенец" ничтожна. Останется при эскадре. Командир молодцом выпутался из беды; офицеры и команда исполняли долг с примерным рвением и порядком. Я... в особенности доволен тем духом, который направил "Первенец" не в док в Кронштадт, а к эскадре для продолжения плавания. В военное время это значило бы получить подкрепление, вместо ослабления наших сил. Этим можно гордиться!"{117}

Чуткое отношение начальника эскадры к подчиненным действовало на них воодушевляюще. Они знали, что в случае аварий или ошибок по службе они услышат от своего адмирала не злобные окрики, а строгую и справедливую оценку и помощь в затруднительной обстановке.

Громадное значение Бутаков придавал морской подготовке и, в частности, шлюпочным гонкам. "...Это едва ли не лучший из находящихся в наших руках способов, чтобы молодым людям узнать себя, начать закаливать свои нервы, изощрять свой глазомер и готовить себя ко всем непредвиденным случайностям нашей службы... Состязания шлюпок, вместе с тем, прекрасное средство нам всем узнавать, кто из нас из какого металла"{118}, - писал он в приказе от 1 сентября 1867 года.

В воспитании любви к шлюпке Бутаков видел еще и другое, более важное воспитание любви к своему кораблю, к Военно-морскому флагу своего отечества. "Вспомним также, какое живое участие принимали гребцы шлюпок в том, чтоб паруса отлично стояли, чтоб приказания мгновенно исполнялись, - писал он в том же приказе. - Нельзя и в этом не видеть зародыша того духа, который растет от шлюпки до корабля, от любви к шлюпке до привязанности к своему кораблю и всему до него относящемуся"{119}.

Бутаков добился ассигнования 1500 рублей ежегодно на покупку призов для состязающихся. Он разработал и напечатал специальные "Правила для шлюпочных гонок". Особенно интересны были введенные им гонки шлюпок под парусами без пользования рулем. Он придумывал множество вариантов шлюпочных состязаний, например, гонки под парусами вокруг адмиральского фрегата, плавание в шхерах вокруг определенных островов и т.п. По окончании каждой гонки Бутаков отдавал

приказ, в котором разбирал ошибки в управлении и поощрял отличившихся. Однажды он даже велел салютовать со своего фрегата шестью орудийными залпами шестерке мичмана Федотова за то, что она великолепно управлялась при гонке без руля. В особом приказе была отмечена храбрость матроса Суворова, распутавшего во время шлюпочных гонок без рулей запутавшиеся топсель-шкоты - снасть, которой растягиваются нижние углы паруса, поднимаемого под рейковым парусом{120} и называемого топселем. Держась на весу одной рукой за мачту и пытаясь распутать шкот, зацепившийся за реек, Суворов размахивал шкотом, но из этого ничего не получалось. Тогда он, подтянувшись на рейке, добрался до его нока, за который запутались шкоты, распутал их и после этого вернулся в шлюпку. Все это Суворов делал на полном ходу, когда шлюпка шла с сильным креном, а он, держась за реек, висел над морем. При малейшем неловком движении он мог упасть и разбиться о борт шлюпки или о воду. Все это матрос Суворов сделал для того, чтобы его шлюпка не сошла с дистанции и успешно закончила гонки. "Побольше бы нам Суворовых, - писал по этому поводу в приказе Бутаков. - Хотя он не прослужил еще срока к производству в унтер-офицеры, я буду просить, чтобы его разрешено было произвести"{121}.

Напряженная учеба в кампании 1867 года дала блестящие результаты. Большие броненосные корабли совершали перестроения легко и четко. Командиры броненосных лодок научились удерживать свои корабли в строю, несмотря на то, что они обладали рыскливостью и совершенно теряли ход при поворотах.

Но более всего Бутаков был доволен тем, что на эскадре "проявляется, вместо мертвой обрядности морского дела, душа, дух, часто сказывающийся на мелочах, но существование которого - самый отрадный факт, вынесенный мной из настоящей кампании нашей"{122}.

Да, это был действительно отрадный факт. Ученик Лазарева, сподвижник Нахимова и Корнилова, Бутаков возродил на паровом броненосном флоте лучшие традиции русского парусного флота - любовь к морю, товарищество. О силе этих традиций свидетельствует высказывание его талантливого ученика и последователя С. О. Макарова, относящееся к 1878 году. "В эти два года,писал Макаров в своем дневнике, - что я командир, мне удалось спасти три судна. Сколько раз мне удавалось своевременно помочь разным судам, нет счету. Какое наслаждение работать в этих затруднительных обстоятельствах! Вся прелесть тут заключается именно в том, чтобы всегда быть

всем полезным..."{123}.

Кампания 1868 года, так же как и предыдущая, началась в конце июня. Боевая подготовка в этом году была значительно усложнена. Прежде всего Бутаков решил начать изучение приемов маневрирования для нанесения таранного удара и для уклонения от него. С этой целью на Транзундский рейд прибыли специально оборудованные для "таранных учений" канонерские лодки "Прилив" и "Гул". С них были сняты мачты, а на верхних палубах во всю длину судов, но шире их, положена подвижная рама, в которую должен был ударять подвижной деревянный таран. Это устройство служило для ослабления силы удара. Как таран, так и рама обшивались с наружной стороны фашинами. На этих двух канонерских лодках ежедневно тренировались командиры кораблей и рулевые.

Помимо "таранных учений", большое внимание Бутаков уделял артиллерийским стрельбам кораблей эскадры. В отличие от иностранных флотов, и особенно английского, где роль артиллерии паровых кораблей недооценивалась, в русском флоте ей придавалось решающее значение. Если, например, англичане считали, что артиллерийский огонь в морском бою должен вестись на малых дистанциях и при небольших скоростях хода, то в русском флоте совершенно четко представляли, что бой паровых броненосных судов будет быстротечным и артиллерийская стрельба в связи с этим будет вестись на больших скоростях хода при меняющихся дистанциях между противниками. Поэтому в приказе № 61 от 11 августа 1868 года Бутаков писал: "Будем же гоняться не за тем, чтобы в отчетных ведомостях о пальбе у нас стояли высокие проценты попавших ядер, а употребим все усилия, чтобы пальба подходила возможно более к тем условиям, которые предстоят в действительном бою, т.е. будем стрелять с неопределенных заранее расстояний и в движущиеся предметы"{124}.

В соответствии с этой установкой и была организована артиллерийская подготовка кораблей эскадры. Стрельбы проводились главным образом по треугольным щитам, буксируемым кораблями на встречных курсах. Изменены были также условия подготовительных стрельб по неподвижным щитам. Пользоваться буйками, показывающими расстояние до шита, было запрещено.

С невиданным упорством артиллеристы осваивали стрельбу в новых, более сложных условиях. Не прошло и месяца, как Бутаков с удовлетворением констатировал, что отмена всяких буйков при стрельбе по щитам нисколько не ухудшила меткости стрельбы. Наоборот, стреляя на ходу по неподвижным щитам, комендоры

эскадры добились более высоких результатов.

Несколько хуже получалась стрельба по буксируемым щитам. Дальномеров, более или менее точно измеряющих быстро меняющиеся расстояния от корабля до щита, еще не существовало. Навыков в стрельбе в таких условиях личный состав почти не имел. Поэтому попаданий было немного. Однако, несмотря на трудности и неудачи, артиллеристы настойчиво стремились овладеть новым методом стрельбы. Бутаков понимал причины неудач и был уверен, что все трудности будут преодолены. "Что касается стрельбы в буксируемые шиты, - писал он в своем приказе, - то пробы наши указали, как их нужно строить в будущее время, и хотя в них попадали немного, но мне гораздо приятнее видеть на них маленькую царапину, чем ядро в яблоке неподвижного шита: одно - дело, другое - игрушка, игра в пушечки, которые уже не по нашему возрасту"{125}.

Стрельба в спокойных условиях, да еще по неподвижной цели - "это все еще не то, что может встретиться в бою среди открытого моря. Там нужны другие приемы, с которыми необходимо знакомиться заранее..."{126}

И Бутаков искал новые приемы, искал их неустанно, привлекая к поискам своих подчиненных. Так, в 1870 году, когда благодаря успехам русских ученых металлургов и конструкторов на кораблях были установлены стальные нарезные орудия большого калибра, что способствовало увеличению дальности и меткости стрельбы, а также увеличению веса залпа, Бутаков ввел в боевую подготовку артиллерийскую стрельбу на качке.

Усовершенствование минно-торпедного оружия навело Бутакова на мысль об усилении обороны броненосных кораблей от атак миноносцев путем установки скорострельных артиллерийских орудий небольшого калибра, имевших большие углы возвышения и снижения и большой сектор обстрела. Такая артиллерия могла бы открывать огонь по атакующим миноносцам с момента их обнаружения и вести его вплоть до приближения их к борту. В виде опыта на командирском мостике флагманского фрегата "Петропавловск" были установлены на шлюпочных станках две медные четырехфунтовые пушки, которые затем были перенесены с командирского мостика на специально сделанные для них мостики. Опытные стрельбы из этих пушек дали положительные результаты. К концу 1873 года Обуховский завод освоил изготовление металлических станков для четырехфунтовых пушек, что позволило Бутакову разработать проект противоминной обороны "Петропавловска". По этому проекту пушки, предназначенные для отражения атак миноносцев, устанавливались на выдающихся за борт корабля

площадках, обеспечивающих угол обстрела по горизонту в 137°. И уже в кампанию 1874 года фрегат "Петропавловск" был первым в мире кораблем, вооруженным противоминной артиллерией, состоящей из десяти четырехфунтовых пушек, установленных на специальных станках. Батареи этих орудий получили название "летучих батарей". Позже, когда "Петропавловск" плавал в Средиземном море, его "летучая батарея" легкостью, удобством и целесообразностью устройства привлекала к себе внимание иностранных моряков.

Но все это было позже. А летом 1868 года на Транзундском рейде проводилась напряженная боевая подготовка броненосной эскадры. Бутаков стремился как можно лучше подготовить эскадру к боевым действиям, внушая подчиненным офицерам и матросам, что личный состав флота существует для того, чтобы в случае военных действий "было кому хорошо действовать пушками, машинами, рулями, чтобы было кому распорядиться батареями пушек, бойко управиться каждым кораблем"{127}.

В свободное от занятий и учений время на эскадре устраивались различные состязания. Наибольшую популярность получили соревнования по плаванию. Так, в погожий день 28 июня 1868 года в таких состязаниях приняли участие 140 человек. Участники должны были проплыть 200 метров от борта монитора "Ураган" до монитора "Броненосец". Только десять пловцов сошли с дистанции и были взяты на шлюпки. Лучший пловец прошел дистанцию за четыре с половиной минуты, а последний - за семь с половиной минут. Заплыв делался в две смены. Первые десять человек каждой смены были премированы.

Правильная организация на эскадре морской подготовки молодых матросов способствовала воспитанию в них смелости и находчивости. Показателен в этом отношении следующий случай. На эскадре проводилась артиллерийская стрельба. По приказанию офицера матросы Михайлов и Максимов остались у щита для его исправления. Они не знали, что с минуты на минуту должна начаться учебная артиллерийская стрельба, а офицер забыл предупредить стрелявших, что у щита остались люди, которых за полотнищем щита не было видно. Таким образом матросы неожиданно оказались под огнем 60-фунтовых орудий броненосца. Обращенный к ним борт то и дело вспыхивал яркими огнями. Гремели выстрелы, ядра шлепались все ближе и ближе... Казалось, гибель неизбежна.

Но матросы не растерялись. Во время каждого залпа они ложились на плот щита, а в промежутках между выстрелами вскакивали и начинали размахивать бескозырками, надеясь, что их заметят. Но с кораблей их не видели. Тогда, схватив топоры,

они начали рубить дректовы, - тросы, связывавшие щиты с небольшими якорями (дреками), которые удерживали их на месте.

Как только один дректов был обрублен, щит развернулся по ветру и артиллеристы прервали стрельбу, увидев, что со шитом творится что-то неладное. Михайлов и Максимов обрубили второй дректов. Щит понесло. Матросы на щите были замечены. "Настоящие военные люди, хотя на службе всего с 1868 года! - писал в приказе о матросах адмирал Бутаков. - Они выдержали отлично экзамен в наилучшей академии, и если будут хорошо вести себя, такие обстрелянные молодцы пойдут далеко"{128}. Он приказал выдать обоим денежные подарки "не за то, что по ним стреляли - это для них хорошая школа, - но в отличие, за то, что они не потерялись посреди свиста ядер, направленных прямо на них"{129}.

Был награжден также сигнальщик батареи "Не Тронь Меня", первым заметивший матросов.

По окончании кампании 1868 года на Транзундский рейд прибыла назначенная генерал-адмиралом комиссия для проверки результатов двухлетней боевой подготовки броненосной эскадры. Комиссия под председательством адмирала Е. В. Путятина, подробно ознакомившись с состоянием эскадры, дала блестящий отзыв о деятельности Бутакова. "Упражнения в эволюциях в 1868 г. были доведены до той степени, - писала комиссия в своем отчете, - которая дала возможность эскадренным плаваниям за последнюю кампанию дать полный характер военного крейсерства: при этом, следуя от одного порта к другому, эскадра занималась выполнением наиболее трудных эволюционных задач... Начальник броненосной эскадры вице-адмирал Бутаков 1 глубоко понял назначение и будущую роль вверенных ему судов и не упустил с расчетом, и необыкновенным умением воспользоваться всеми находящимися в его руках средствами и каждой минутой времени для приведения как судов броненосной эскадры, так и команд на них находящихся, к возможному совершенству"{130}.

* * *

Наступил 1869 год. Летом этого года броненосная эскадра продолжала под руководством Григория Ивановича Бутакова боевую подготовку.

Как и всегда, по приходе на Транзундский рейд броненосная эскадра расположилась четырехугольником, с адмиральским кораблем в центре. Неподалеку стал на якорь пароход "Владимир", служивший пловучей мастерской, а в бухте у острова Сонион-Сари - пловучая баня. Занятия производились по плану,

который строго соблюдался. Первый месяц кампании отдельные корабли совершали так называемые "крейсерства", которые заключались в том, что корабли огибали по очереди все стоявшие на якорях суда, оставляя одно по левому борту, другое - по правому. Такие упражнения, выполнявшиеся на полном ходу и прозванные "восьмеркой", особенно нравились командирам кораблей, так как они представляли возможность показать ловкость и верность глаза.

Из года в год вице-адмирал Бутаков усложнял задачи боевой подготовки, добиваясь совершенства в маневрировании. И он добился того, что отряды броненосных кораблей с необычайной легкостью совершали самые сложные эволюции.

Так, утром 7 августа 1870 года, снявшись с якоря, броненосные лодки построились в строй кильватера в следующем порядке: "Тифон"{№ 1), "Перун" (№ 2), "Ураган" (№ 3), "Колдун" (№ 4), "Стрелец" (№ 5), "Вещун" (№ 6), и пошли на юг. Вскоре на флагманском корабле взвился сигнал: "Повернуть всем вдруг влево на восемь румбов". Со спуском сигнала все шесть броненосных лодок начали склоняться влево, описывая совершенно одинаковую циркуляцию, и через несколько минут отряд уже шел курсом 90° строем фронта, идеально держа равнение и дистанцию между мателотами{131}.

Убедившись в том, что маневр осуществлен правильно, Бутаков приказал поднять следующий сигнал, требовавший более сложного перестроения: "Зайти правым флангом вперед на восемь румбов и вступить в кильватер адмиралу". Едва сигнал был спущен, "Тифон", развив самый полный ход, начал маневр захождения на курс 0°. Остальные корабли, в порядке номеров, уменьшая скорость согласно таблицам маневрирования, начали вступать ему в кильватер. Через некоторое время, построившись в кильватерную колонну и выровняв скорость хода, броненосные лодки шли курсом 0°.

Затем последовал новый сигнал: "Построиться в строй фронта влево, головной на месте". Со спуском его "Тифон" уменьшил ход до самого малого. Остальные корабли начали выходить влево от него, причем "Вещуну", как концевому, пришлось развить самый полный ход. И вот отряд в строю фронта влево продолжает движение на север, приближаясь к месту якорной стоянки. Но в это время на мачте флагманского корабля взвивается сигнал: "Повернуть всем вдруг влево на 16 румбов". Словно один корабль, весь отряд одновременно начинает поворот на обратный курс.

Бутаков со своего корабля молча любовался этими, строго согласованными движениями.

Важнейший этап подготовки эскадры был пройден. Много

трудностей было преодолено, прежде чем броненосная эскадра стала "стройною силою". Нелегко, например, было преодолеть инерцию броненосных лодок и броненосных батарей. Особенно этим недостатком отличались тяжелые, неуклюжие броненосные батареи, считавшиеся прежде из-за своей рыскливости "невозможными в строю". Управлять ими было очень трудно. Иногда эти "особенности" плавучих батарей приводили к печальным случаям. Так, вечером 3 августа 1869 года у острова Гогланд в Финском заливе произошло столкновение между броненосной батареей "Кремль" и деревянным фрегатом "Олег", в результате которого фрегат потонул. Обстоятельства столкновения были таковы. Эскадра, совершавшая учебное маневрирование, шла строем фронта. Затем по сигналу флагмана корабли сделали поворот "все вдруг" вправо на восемь румбов, благополучно закончив который, начали очередной поворот - вправо на 16 румбов. Броненосная батарея "Кремль", двигавшаяся до начала маневра из-за своей рыскливости по инерции несколько влево, не успела повернуться вместе с другими вправо и вышла из строя. В это время остальные корабли продолжали поворачиваться вправо. Сперва "Кремль" обошла броненосная батарея "Первенец"., а затем стал обходить и следующий в строю фрегат "Олег". Попытки командира "Кремля" дать батарее задний ход и пропустить фрегат ни к чему не правели. Продолжавший катиться влево "Кремль" врезался своим шпироном{132} в борт "Олега". Пробоина была огромной, и вскоре фрегат затонул.

Григорий Иванович был далек от того, чтобы обвинять кого-нибудь в происшедшей аварии. В своем приказе он отметил, что только благодаря хладнокровию и распорядительности офицеров и организованности матросов удалось спасти почти всю команду "Олега". Одобрительно отозвался Бутаков и о действиях командира "Кремля" капитана 2 ранга Корнилова, сделавшего все, что было в его силах, для спасения команды "Олега" и не виноватого в случившейся аварии.

Очень поучительной оказалась и авария с броненосной лодкой "Русалка", которая, ударившись о подводный камень, получила пробоину, но не затонула благодаря энергичным, вовремя принятым мерам.

Через некоторое время после этого случая к Бутакову явился офицер "Русалки" - мичман Степан Макаров. Он попросил адмирала ознакомиться с его работой, называвшейся "Броненосная лодка "Русалка" (исследование плавучести лодки и средства, предлагаемые для ее усиления)". Рукопись поразила адмирала оригинальностью высказанных в ней мыслей. Автор предлагал удивительно простые веши: изготовлять "пластыри" из

паруса для заделки пробоин не в момент аварии, а заблаговременно, при этом предложил новую конструкцию пластыря. Далее мичман Макаров указывал на то, что при аварии "Русалки" приходилось откачивать воду посредством имевшейся на корабле 9-дюймовой помпы. Между тем, мощные помпы машинного отделения могли бы без труда откачать воду, поступившую через пробоину, если бы только удалось соединить их с поврежденным отсеком. Такую связь он предлагал установить посредством специальной системы изобретенных им "магистральных труб".

Григорий Иванович дал высокую оценку работе Макарова, рекомендовал для опубликования в "Морском сборнике" и доложил о ней в Морском ученом комитете. На основании этого доклада Морской ученый комитет одобрил предложение мичмана Макарова об изготовлении пластырей его конструкции, а его водоотливную систему решил испытать на строящемся броненосце "Крейсер". Летом 1870 года "пластырь Макарова" был с успехом применен при заделывании пробоины на пароходе "Ильмень".

Бутаков всегда горячо поддерживал изобретательскую деятельность своих подчиненных. Руководимая им броненосная эскадра была своего рода центром, где сосредоточивались исследовательские работы в самых разнообразных отраслях военно-морского дела. Одни офицеры эскадры успешно занимались усовершенствованием минного оружия, другие - развивали технику сигналопроизвод-ства, третьи - артиллерию, четвертые - разрабатывали способы борьбы за живучесть корабля.

Григорий Иванович, как ни один из современных ему русских адмиралов, умел вовремя заметить ценные начинания своих подчиненных, воодушевить их на творческие искания, помочь изобретателю советом, делом, своим авторитетом. В "Морском сборнике" опубликовано много приказов адмирала Бутакова, в которых он объявлял по эскадре об изобретениях тех или иных офицеров. Так, в итоговом приказе по кампании 1870 года адмирал писал: "В этом году испытан и найден удовлетворяющим потребностям механический штурвал поручика Нозикова, могущего гордиться тем, что он первым положил в русском флоте руль на борт на винтовом судне, идущем полным ходом (а это чрезвычайно важно в боевом отношении)"{133}.

Изобретение поручика Нозикова было очень ценное. До него перекладка руля производилась посредством штуртросов - металлических тросов, связывавших руль со штурвалом. Это был очень тяжелый труд и на большом корабле его выполняли несколько матросов. Теперь рулем мог управлять один человек,

так как рулевой аппарат Нозикова поворачивал руль через систему зубчатых колес, связывавших его с гребным валом.

Капитан-лейтенант Акимов предложил применять для учебной артиллерийской стрельбы так называемые "учебные стволы". В канал орудия малого калибра вставлялся ствол винтовки, а в канал орудия большого калибра - ствол мелкокалиберной пушки. Это давало возможность вести учебный артиллерийский огонь по мишеням либо обычными пулями, либо снарядами мелкого калибра, что, не ухудшая условий стрельбы, сильно удешевляло ее. "Идею капитан-лейтенанта Акимова о том, чтобы при всех пушечных учениях комендоры стреляли в подвижный щит из штуцера, утвержденного в оси канала орудия, - писал об этом изобретении в приказе по эскадре Бутаков, - рекомендую гг. командирам к подражанию. Это очень просто, практично и должно повести к хорошим результатам".

Период командования броненосной эскадрой (1867-1868 годы) явился периодом расцвета творческой деятельности Бутакова. В эти годы им была создана тактика парового броненосного флота России. Григорий Иванович в то время был единственным русским адмиралом, способным осуществить трудное дело подготовки кадров для отечественного флота. В это дело он вложил всю свою энергию, знания и большой практический опыт.

Его приказы, характерные большой выразительностью и яркостью речи, считались образцом, заслуживающим подражания. Многие из них не потеряли своего значения и в наши дни.

Приказы Григория Ивановича Бутакова суммируют в себе новые принципы, положенные им в основу подготовка кадров парового флота России. Привитые целому поколению морских офицеров, эти принципы составили новую эпоху русского флота. Они оказали исключительное влияние на его дальнейшее развитие. Как известно, из этой школы вышел замечательный русский флотоводец и ученый адмирал Степан Осипович Макаров.

Патриотизм, горячая любовь к родине - красной нитью проходит через все приказы Бутакова. Как истинный патриот, он не преклонялся перед иностранными авторитетами. В своих приказах в целях воспитания в личном составе чувства любви к родине и гордости за нее он часто напоминал о выдающихся победах русского флота, о его лучших традициях.

Бутакову было чуждо всякое формальное отношение к службе. Страстный борец с формализмом, с "парадностью", с внешним блеском, он неустанно требовал от подчиненных вдумчивого отношения к делу. В своем приказе по шхерной

флотилии Бутаков очень резко высказывался насчет всякой парадности. К этому вопросу Григорий Иванович возвращался не раз. "Повторяю, - писал он в приказе по броненосной эскадре 2 августа 1868 года, - ни одно действие не должно быть попугайством, не должно иметь и вида исполнения только формальности. Дело в сущности: дело в том, чтобы цель достигалась"{134}.

Достижение цели - отличной подготовки эскадры к бою - Бутаков не представлял без упорной и непрерывной работы офицеров с личным составом. Главным в этой работе, по его мнению, был личный показ. Поэтому он учил, что "каждый морской офицер должен быть лучшим матросом, лучшим боцманом своего судна, чтобы иметь нравственное право требовать от подчиненных своим примером всего того, что им приходится исполнять. Подобным образом будущим управителям судовыми машинами необходимо быть лучшими машинистами и лучшими кочегарами своего судна"{135}.

Это требование Григорий Иванович проводил в жизнь с необычайной суровостью. Не раз он переводил на низшие должности офицеров, замеченных в небрежном, поверхностном отношении к службе. И только после того, как Бутаков убеждался, что наказанный таким образом офицер резко улучшил свое поведение и повысил свои знания, он возвращал его на прежнюю должность. Будучи сам неутомимым работником, глубоко любящим свое дело, Бутаков воспитывал в своих подчиненных чувство целеустремленности в труде. "Не следует только разбрасывать свои силы, - говорил он, - не нужно бросаться в жизни от предмета к предмету, или предаваться унынию при неудачах. Человеку суждена трудовая доля, и избрав раз направление своей деятельности, нужно держаться его всеми помыслами своими"{136}. Григорий Иванович Бутаков терпеть не мог белоручек. Трудолюбие - вот что было в его глазах главным достоинством человека.

Наряду с трудолюбием Бутаков требовал от всех прямолинейности, принципиальной честности и непримиримости к недостаткам. Часто он прощал довольно крупные ошибки тем, кто честно в них признавался. И не только прощал, но и всеми силами помогал устранять их. Но плохо приходилось тому офицеру, который пытался скрыть допущенную им ошибку, а вину переложить на других. Действия такого офицера подвергались самой жестокой критике, во всеуслышание, перед лицом всех офицеров эскадры (которые для этого собирались на флагманском корабле), а потом отдавался приказ с соответствующими выводами.

К мерам наказания, а тем более суровым, Григорий Иванович прибегал крайне редко. Он стремился вызвать в подчиненных желание отличиться и выдвинуться в лучшем смысле этого слова. Это достигалось всемерной поддержкой всякого хорошего начинания, поощрением сноровки и смелости. Никогда, пожалуй, на Балтийско м флоте не отдавалось такое количество приказов с поощрениями офицеров и матросов как в период командования Бутакова броненосной эскадрой. При этом Бутаков смело выдвигал тех, кто отличился своими знаниями и способностями. Примером этого может служить досрочное присвоение звания лейтенанта С. О. Макарову за его работу о непотопляемости кораблей. Показателен в этом отношении следующий приказ Бутакова. "Молодецкий пример бесстрашия и самоотвержения, показанный матросом 2 статьи Никитою Муравлевым при спасении утопающего своего сослуживца на батарее "Не Тронь Меня", и отзыв командира, что хотя он на службе только с января 1865 года, но по своей расторопности, сметливости и поведению может быть унтер-офицером, - побуждает меня... произвести его в квартирмейстеры. Поздравляю эскадру с таким унтер-офицером, о награждении которого медалью представление послано по начальству"{137}.

Вместе с этим Бутаков настойчиво воспитывал у подчиненных высокое чувство ответственности за свое дело, побуждал их смело принимать самостоятельные решения в любых условиях обстановки, чему сам всегда служил наиболее ярким примером. Однако смелость он признавал только такую, которая была основана на точном расчете. Безудержную, лихость Бутаков строго осуждал. В ней он склонен был видеть не отвагу и доблесть, а скорее неумение и даже просто трусость.

Таким образом, сущность бутаковских принципов подготовки флота можно определить так: величайший патриотизм, отсутствие низкопоклонства перед заграницей, борьба с формальным отношением к делу, с показным блеском, принципиальная честность и прямолинейность.

Принципы Бутакова не только не были одобрены руководством морского министерства, но, как и всякое прогрессивное явление в русской жизни, считались вредными. Зато передовое офицерство русского флота горячо поддерживало Бутакова.

* * *

После испытания в 1862 году шестовых мин (на канонерской лодке "Опыт") Бутаков начал уделять минному оружию исключительно большое внимание.

Еще осенью 1867 года по представлению Бутакова в

Кронштадте была сформирована "временная школа морских минеров", которую возглавил лейтенант В. А. Терентьев. За зиму эта школа подготовила 52 комендора-минера. Все они были расписаны по боевым кораблям Балтийского флота.

В кампании 1868 года минному делу на броненосной эскадре было уделено еще большее внимание. Канонерская лодка "Картечь" была специально оборудована для производства опытов с минами. Для этого в носовой части лодки был установлен специальный "минный аппарат". Он состоял из минной каморы с двумя клинкетами (задвижками), прорезанной в носовом дейдвуде{138} лодки. Посредством лебедки мина выдвигалась из каморы на железной трубе длиною около 18 метров. Целью опытов являлось изучение способов подведения гальванических мин под днище стоящих на якоре и движущихся судов и составление правил стрельбы минами. Кроме выстреливавшихся мин, в эту кампанию были также испытаны одна донная мина в три с половиною пуда и 19 плавучих мин для заграждений.

Несомненный интерес представляет приспособление по вылавливанию мин, испытывавшееся в то время на эскадре. Оно состояло из троса с прикрепленным к нему маленьким шлюпочным якорем (дреком), который выстреливался из пушки на расстояние до 52 саженей от корабля. Затем корабль буксировал дрек, а если лапы последнего захватывали минреп{139}, то мину тащили на мелкое место, где уничтожали.

Одновременно с опытами лейтенант Терентьев проводил с офицерским составом канонерской лодки "Картечь" теоретические занятия. По сути дела это была первая попытка создания минных офицерских классов. О серьезности занятий говорят вопросы, над разрешением которых работали офицеры: сравнительные преимущества пиротехнических и гальванических шестовых мин, способы увеличения чувствительности взрывателей, наиболее быстрый способ постановки мин, способы вылавливания и обезвреживания минных заграждений и другие.

Комиссия адмирала Г. Путятина, проверявшая осенью 1868 года результаты боевой подготовки броненосной эскадры в минувшей кампании, в своем отчете отметила, что на броненосной эскадре положено начало разработке весьма важного вопроса о применении подводных мин к миноносным судам, что проведенные опыты свидетельствуют о возможности изготовлять мины непосредственно, на кораблях и эффективно применять их, для чего необходимо лишь обучить минному делу офицеров и матросов. "...Комиссия полагает, ввиду чрезвычайной важности минного вопроса в настоящее время, безотлагательно необходимым основательно разработать вопрос о применении у

нас подводных мин к миноносным судам... Миноносные суда в будущих войнах будут иметь такое значение, которое в недавнем прошедшем имели паровые суда в отношении к парусным, а броненосные к деревянным"{140}, - таковы были выводы комиссии по результатам опытов, проведенных на эскадре под непосредственным руководством Григория Ивановича Бутакова.

Опыты по применению кораблями минного оружия Бутаков продолжал и в кампанию 1869 года. Эти опыты способствовали внедрению в русском флоте шестовых мин, т.е. показали, что мины являются и активным, наступательным оружием.

Несмотря на серьезные успехи в развитии минного оружия, подготовка специалистов-минеров в русском флоте была поставлена слабо. Если созданная трудами Бутакова минная лаборатория эскадры еще готовила рядовых специалистов, то офицерам готовиться было негде. Фактически единственной школой для подготовки офицеров-минеров была технико-гальваническая школа военного ведомства, да и в ней программа обучения была составлена в основном для пехотинцев-саперов. О морских минах преподаватели сообщали очень немногое. Видя, что без подготовки морских офицеров-минеров дальнейшее развитие минного дела может затормозиться, Бутаков решил создать минную школу на броненосной эскадре. "В будущую кампанию, - писал он по этому поводу в своем приказе от 2 сентября 1869 года, - с каждого корабля, имеющего паровую шлюпку, будет избран один офицер к изучению управления минами. Желающим попасть, в число их рекомендую записаться в минную школу на предстоящую зиму"{141}. Через год эта школа уже дала флоту ряд отличных специалистов.

В 1870 году и в последующих кампаниях на броненосной эскадре систематически проводились учения паровых шлюпок и катеров по выходу в атаку с шестовыми минами.

Весною 1873 года на некоторых кораблях броненосной эскадры по инициативе Бутакова были установлены электрические прожектора. Это позволило проводить не только учебные ночные минные атаки кораблей паровыми шлюпками, но также и поиск последних прожекторами и отражение их атак.

Как во все, что делалось на эскадре, так и в эти учения Бутаков вносил дух соревнования. Вот как проходило одно из таких учений на Транзундском рейде, проведанное ветреной холодной ночью.

...Из пакетов, которые вскрыли у островов лейтенанты Макаров и Невинский, они узнали, что их паровые шлюпки, должны в 23 часа подойти незамеченными к "неприятельским судам" и "атаковать" их шестовыми минами. В свою очередь,

командирам судов было дано задание не подпустить к судам паровые шлюпки, осветив их прожекторами.

Все шло как нельзя лучше. В назначенное время шлюпки близко подошли к избранному ими объекту атаки - броненосному фрегату "Петропавловску". Подошли они с подветренной стороны, со стороны кормы, которая находилась в глубокой тени. Команды шлюпок были уже уверены в успехе атаки. Поэтому лейтенант Невинский увеличил скорость хода своего катера и вырвался вперед. Но вдруг на юте "Петропавловска" началось движение, вспыхнул огонь, и при свете его ясно обрисовалась фигура адмирала Бутакова. Он на что-то указывал, видимо отдавая приказания. Еще мгновение - и яркий луч прожектора осветил паровую шлюпку Новинского, тщетно пытавшуюся ускользнуть от света. Спустя четверть часа разоблаченные "подрыватели" поднимались по трапу "Петропавловска", сопровождаемые ироническими шутками товарищей.

Пока луч прожектора гонялся за шлюпкой Невинского, шлюпка Макарова, оставшаяся в тени, незаметно подошла к борту и "атаковала" шестовой миной "Петропавловск". Эта шлюпка была объявлена победительницей.

1874 год явился переломным в организации минного дела в русском флоте. В начале этого года была учреждена должность заведующего минной частью на флоте, а 1 октября 1874 года состоялось одновременное открытие Минных офицерских классов и Минной школы для матросов. Вице-адмирал Бутаков чувствовал себя удовлетворенным. Его труды не пропали даром. Минное дело твердо стало на путь развития.

* * *

Броненосная эскадра вице-адмирала Г. И. Бутакова вызывала за границей живейший интерес. На Транзундский рейд приезжали представители различных иностранных флотов. Так, 19 августа 1867 года на рейд прибыл отряд американских кораблей (один винтовой фрегат, два корвета и один пароход), которым командовал адмирал Фаррагут. Этот отряд был встречен отрядом русских однобашенных лодок. Осмотрев броненосную батарею "Не Тронь Меня", Фаррагут заявил, что русский флот в короткий срок достиг такой большой силы, что ему некого опасаться.

Иностранные державы посылали в Россию своих адмиралов и офицеров не только с туристскими целями, но и для обучения приемам и методам боевой подготовки, знакомства с новейшими усовершенствованиями морской техники. Именно с этой целью в 1868 году на Транзундский рейд прибыл германский адмирал Яхман с пятью офицерами.

Особенное впечатление на иностранных офицеров

производили таранные упражнения. "Все капитаны эскадры вице-адмирала Бутакова, - писали французские морские офицеры, - принимают участие в этих упражнениях, и список очередей составляется по жребию. Эти упражнения, настоящие турниры, происходят в замкнутом пространстве, внутри судов эскадры, расположенных в виде карре, с адмиральским кораблем в центре (или в углу). Затем два судна-тарана выступают вместе и, разойдясь, снова сходятся, чтобы столкнуться под возможно большим углом. Большей частью им приходится несколько раз сходиться, раньше чем удастся (как следует) приблизиться друг к другу... В конце кампании все чертежи были изданы в виде элегантного альбома, который раздавался морским офицерам для изучения"{142}.

Об интересе французов к деятельности вице-адмирала Бутакова и его эскадры свидетельствует также и то, что они перевели на французский язык его инструкции и приказы, написанные им во время практического плавания. По поводу эволюций, разработанных Бутаковым, во французских журналах велась самая оживленная полемика.

Имя адмирала Бутакова было хорошо известно не только в России, но и за границей. О том уважении, которым он пользовался среди морских специалистов и изобретателей, свидетельствует следующий эпизод. В Швеции в 1875 году изобретатель Энгстрем демонстрировал перед собравшимися на полигоне офицерами сконструированную им скорострельную пушку. Когда все уже было готово к открытию огня, он обратился к присутствовавшему здесь русскому офицеру с неожиданным вопросом:

- Скажите, пожалуйста, много ли салютных выстрелов полагается вашему адмиралу Бутакову?

- Тринадцать, - ответил офицер.

И Энгстрем приказал сделать ровно 13 выстрелов.

- Это салют в честь адмирала Бутакова, - сказал изобретатель. - Я рад, что мне представился случай показать свое уважение к заслугам столь известного адмирала!

* * *

Последняя четверть XIX века явилась чрезвычайно важным, знаменательным этапом в развитии общества. На смену капитализму, основанному на свободной конкуренции, пришел капитализм монополистический, "капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей"{143}. Происходят изменения и в самой системе капиталистических государств. После франко-прусской войны завершилось объединение Германии, и в 1871 году в Европе появился новый хищник, новое капиталистическое

государство - Германия, в полный голос заявившее о своем стремлении к захвату колоний, к переделу мира. С образованием Германской империи у старой колониальной державы Англии, ростовщика всего света Франции и у царской России появился опасный сосед. Обстоятельство это порождало гонку вооружений. Европейские страны готовились к неизбежной новой войне, которая могла в любой момент нарушить установившийся в Европе после 1871 года "вооруженный мир".

Несмотря на успешное строительство русского броненосногофлота на Балтике, Россия в течение двух десятилетий после Крымской войны 1853-1856 годов не имела флота на Черном море. Седанская катастрофа 1870 года и последовавшее за ней падение второй империи во Франции дали возможность русскому правительству аннулировать унизительные статьи Парижского трактата 30 марта 1856 года. 31 октября 1870 года Россия отказалась признавать статьи этого трактата, ограничивающие ее суверенные права на Черном море, а спустя несколько месяцев, в январе 1871 года, Лондонская конференция согласилась с этим отказом России.

Внешнеполитические события конца 60-х годов XIX столетия - усиленная подготовка Пруссии к войне и разгром Франции осенью 1870 года - показали необходимость решительного переустройства вооруженных сил России. "Тогда поняли и у нас, - писал русский военный министр Д. А. Милютин, - как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись... на задний план; заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе"{144}.

В течение октября 1870 года главный штаб проделал большую работу по подготовке устава о всесословной воинской повинности и по реорганизации вооруженных сил России.

Проект положения о всеобщей воинской повинности, разработанный Милютиным, в основном предусматривал: включение всех лиц в возрасте от 21 до 41 года в состав регулярной армии или флота, в иррегулярные и в запасные войска и в ополчение, зачисление на действительную службу и в ополчение путем жеребьевки, а не посредством рекрутского набора, установление льготного освобождения от воинской повинности в связи с семейным положением, введение льгот по образованию, установление общего срока службы - в армии 10 лет, на флоте 7 лет, при этом, если наличная численность армии позволяла, допускалось увольнение во "временный отпуск" и до

истечения этого срока.

В 1871-1873 годах проект военной реформы рассматривался в специально созданных для этого комиссиях и в Государственном Совете и, наконец, 1 января 1874 года был утвержден.

Военная реформа в России была враждебно встречена Германией, Австрией, Англией и другими западноевропейскими государствами, боявшимися усиления военной мощи России. Отрицательно отнеслись к реформе и консервативные круги русского общества. Но широкие массы населения России встретили реформу с большим удовлетворением, так как она значительно облегчала бремя военной службы для податных сословий.

Уже в первые годы реформа дала большие результаты. Количество призываемых ежегодно возрастало, кроме того, создание резерва увеличивало контингент войск, могущих быть в случае войны призванными на фронт. В самом деле, если в 1873 году запас составлял 710 тысяч человек, то к 1886 году он вырос до 1524 тысяч человек, несмотря на потери в войне 1877-1878 годов. Таким образом, в результате проведения реформы создавались условия для превращения вооруженных сил России в массовую армию буржуазного типа.

В дальнейшем в положения о прохождении воинской службы были внесены некоторые изменения. Значительно сокращались, например, льготы по образованию, освобождались от воинской службы сроком на пять лет лица, владевшие торгово-промышленными предприятиями; представители имущих классов пользовались и другими льготами. Все это сводило на нет всеобщую воинскую повинность. "В сущности, - писал В. И. Ленин, - у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений"{145}.

Бутаков встретил военную реформу 1874 года весьма сдержанно. Он считал недостаточным семилетний срок действительной службы матроса на флоте. Бутаков не понимал, что после реформы служить на флот придут квалифицированные люди с производства и что при семилетнем сроке службы будет создаваться запас специалистов флота, которыми в случае войны можно будет быстро укомплектовать корабли флота, в том числе и вступающие в строй.

* * *

В 1870 году Балтийский флот насчитывал в своем составе четыре броненосных фрегата, каждый из них водоизмещением по 3492 тонны и с двумя-тремя орудиями калибром 280 мм, три броненосных батареи, имевшие водоизмещение по 3340 тонн и по

6-12 орудий калибром 203 мм, и, наконец, 13 башенных канонерских лодок, водоизмещением 1566-1881 тонна каждая, с двумя-четырьмя орудиями 229-мм калибра на каждой лодке. Считая, что задача обороны Кронштадта и подступов к столице выполнена, морское министерство приступило к строительству мореходных броненосцев, броненосных и неброненосных крейсеров. Еще в 1869 году по проекту вице-адмирал а А. А. Попова{146} на Галерном острове в Петербурге был заложен первый мореходный броненосец "Петр Великий" водоизмещением 9665 тонн, со скоростью хода 14,3 узла, вооруженный четырьмя 305-мм орудиями, расположенными в двух башнях. Это был сильнейший броненосец того времени.

Одновременно с проектированием и строительством "Петра Великого" А. А. Попов работал над проектом океанского крейсера. Такой крейсер, по замыслу кораблестроителя, должен был иметь большую скорость ход, дальность плавания, мощную артиллерию и достаточно-толстую броню. В 1869 году Попов совместно с корабельными инженерами Н. Е. Кутейниковым и И. С. Дмитриевым представили проект океанского крейсера. По этому проекту в Петербурге были построены два корабля водоизмещением по 4600 тонн каждый - "Генерал-адмирал" и "Герцог Эдинбургский". Первый из них вступил в строй в 1875 году, а второй - двумя годами позже. "Генерал-адмирал" был вооружен четырьмя 203-мм и двумя 152-мм нарезными орудиями и имел скорость хода 13,6 узла. "Герцог Эдинбургский" был вооружен десятью 152-мм орудиями и имел скорость хода 15,2 узла. Оба корабля имели невиданную до тех пор на крейсерах броню - шестидюймовый пояс шириной в 7 футов по ватерлинии.

Эти корабли были сильнейшими крейсерами того времени. Они намного превосходили по своему вооружению и мореходности английские крейсера, на которых, кстати сказать, были установлены устаревшие гладкоствольные орудия, заряжавшиеся с дула. Вполне понятно, что спуск этих крейсеров на воду привлек внимание иностранных государств. В английском парламенте, например, было официально заявлено, что "русским первым удалось осуществить идею броненосных крейсеров с броневым поясом по ватерлинии".

После Лондонской конференции 1871 года у России появилась возможность возродить Черноморский флот. Однако в силу экономической отсталости средств на строительство флота она не имела. Поэтому для прикрытия наименее защищенных районов черноморского побережья - Днепровско-Бугского лимана и Керченского пролива - было решено построить броненосные суда, небольшого размера, с малой осадкой, толстой бронёй и

сильной артиллерией, которые совместно с береговыми: укреплениями могли бы противодействовать нападению противника с моря.

Такие суда были построены в 1871-1876 годах по проекту вице-адмирала А. А. Попова. Это были круглые броненосцы береговой обороны "Новгород" и "Вице-адмирал Попов". Каждый из них имел водоизмещение 2671-3550 тони, диаметр 30,8-36,6 метра, осадку 3,8-4,1 метра, скорость хода 7-8 узлов, два 280-305-миллиметровые орудия, броню 229-356 миллиметров. Однако этот тип кораблей - "поповок" - на флоте не удержался из-за их неустойчивости на курсе, вращения после выстрела и других технических недостатков.

Таким образом, накануне русско-турецкой войны 1877-1878 годов Россия на Черном море флота не имела. Невелик был и корабельный состав Балтийского флота. "К сожалению, - писал в своих "Воспоминаниях" И. А. Шестаков (впоследствии управляющий морским министерством), - было над чем вздыхать всей России!.. 25-летнее управление флотом генерал-адмирала... привело к совершенному расстройству наших морских сил"{147}.

Деятельность морского министерства, возглавлявшегося генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем, начала в этот период подвергаться все более и более резкой критике.

В феврале 1877 года в присутствии высших чинов флота и под председательством генерал-адмирала собрался Морской Технический комитет. Перед ним стояла задача решить, каким должен быть тип современного броненосца, т.е., другими словами, определить боевые качества корабля этого класса: его вооружение, броню, скорость хода, дальность плавания, форму корпуса, в том числе предельную осадку для Черного и Балтийского морей и т.д.

Вопрос о тактико-технических данных броненосных судов возник потому, что броненосец "Петр Великий" и броненосные крейсера "Генерал-адмирал" и "Герцог Эдинбургский" хотя и имели прекрасные тактико-технические данные, но в боевых условиях проветрены не были, поэтому сделать окончательные выводы об их достоинствах и недостатках не представлялось возможным. Испытание же первой "поповки" показало, что корабли этого типа не могут развивать большой скорости хода{максимум пять узлов), что из-за прекрасной остойчивости они предрасположены к стремительной качке, что затрудняет артиллерийскую стрельбу при плохой погоде. Да и обходилось строительство "поповок" очень дорого.

Заседания Морского Технического комитета вмели

чрезвычайно важное значение для дальнейшего строительства флота, так как на них были вскрыты причины плохой организации этого важнейшего для России дела. Именно об этом говорит обнаруженный недавно в архиве протокол заседаний и приложенная к нему "Записка адмирала Г. И. Бутакова о броненосном флоте"{148}.

В этой "Записке" Бутаков подверг резкой критике существовавшую в морском министерстве систему фаворитизма. Он указал на то, что вице-адмирал А. А. Попов бесспорно выдающийся кораблестроитель, но он не дает возможности другим специалистам работать на пользу флота. "...Все корабельные инженеры, - писал Бутаков, - отодвинуты в своей специальности на далекий задний план, и только юноши, которые слепо подчинялись его (вице-адмирала А. А. Полова. - Авт.) страшной требовательности, выдвинуты на первый план. Так что, если подобный порядок вещей продолжится, то у нас останутся только слепые исполнители в вопросе науки кораблестроения, вместо самостоятельных мыслителей науки этой. Блестящие проекты, пропагандируемые безустанно, можно сказать, на всех перекрестках, и боящиеся света свободной технической критики науки, прикрываясь высоким именем августейшего генерал-адмирала, не суть то, что нужно государству, морские силы которого далеко ниже других"{149}.

Оценивая состояние русского флота в тот период, Бутаков делал вывод, что Россия не имеет ни броненосного флота, ни крейсерского. Подробно разобрав недостатки находившихся в строю кораблей, он высказал ту мысль, что флот России должен состоять в основном из крейсеров, как наиболее удобных кораблей для действий на морских путях противника. При этом, оценив тактические свойства иностранных крейсеров, в первую очередь английских, Бутаков пришел к заключению, что скорость хода русских крейсеров должна быть не менее 14 узлов, вооружение состоять из четырех 10-дюймовых и восьми 9-дюймовых пушек. Крейсерских судов, по мнению Бутакова, нужно было иметь на Балтийском флоте не менее шестнадцати.

По окончании постройки недостающих до этого числа крейсеров, Бутаков предлагал начать строительство броненосцев со скоростью хода в 12,5 узла, вооруженных четырьмя 16-дюймовыми пушками и защищенных 18-дюймовой броней. Чтобы эти броненосцы могли успешно действовать в районе Днепровско-Бугского лимана (на Черном море), их осадка не должна была превышать 22,5 фута.

Проанализировав ход строительства броненосных кораблей в Англии, Франции и Италии, Бутаков пришел к интересному

выводу: "В наше время изобретения следуют так быстро одно за другим, что типы военных судов устаревают иногда прежде окончательной достройки их"{150}. Из этого он заключал, что пока один тип судов строится и испытывается, чертежи кораблей новых конструкций должны обсуждаться среди компетентных людей.

Большое внимание в своей записке Григорий Иванович уделил вопросу подготовки личного состава для броненосного флота и в первую очередь рядовых специалистов и унтер-офицеров.

Безотрадная картина состояния русского флота, нарисованная Бутаковым в "Записке о броненосном флоте", вполне соответствовала действительности.

* * *

Русско-турецкая война 1877-1878 годов явилась результатом вновь обострившихся международных противоречий в "восточном вопросе".

Стремясь к усилению своего влияния на Балканах, русское правительство поддержало вспыхнувшее в 1875 году восстание в Боснии в Герцеговине, направленное против турецкого ига. Оно неоднократно предлагало Турции урегулировать мирным путем взаимоотношения с восставшими, однако Турция, подстрекаемая Англией, фактически господствовавшей в Оттоманской империи, отклоняла все русские предложения, и это явилось поводом к войне.

Основные военные действия должны были развернуться на Балканском полуострове, где были сосредоточены основные силы турецкой и русской армий. Для обеспечения переправы русских войск на правый берег Дуная и для постановок минных заграждений с целью прикрытия этой переправы от турецких боевых кораблей в апреле - мае 1877 года русским командованием была сформирована Дунайская флотилия. В ее состав вошли четыре паровых минных катера, два буксирных парохода, приспособленные для постановки мин и переданные Румынией на время войны, одна канонерская лодка, два вооруженных парохода и один паровой катер. В июне флотилия пополнилась еще 10 паровыми катерами. Командный состав флотилии был укомплектован в основном офицерами с эскадры Бутакова, которые в ходе военных действий проявили себя не только храбрецами, но и прекрасными специалистами нового в то время минного оружия, внесшими солидный вклад в его дальнейшее развитие.

Несмотря на то, что флотилия турок на Дунае была более сильной, активные боевые действия начали русские. За период с

17 апреля по 28 сентября 1877 года русские с паровых катеров и гребных шлюпок выставили в устье реки Прут, на реке Серет и на Дунае (в том числе и в разных гирлах его) более 300 гальваноударных мин для прекращения движения турецкой флотилии по Дунаю и его притокам. Часто мины приходилось ставить под артиллерийским и ружейным огнем противника. Эта важная работа была выполнена под руководством офицеров-минеров, окончивших в свое время минную школу, созданную вице-адмиралом Бутаковым на броненосной эскадре.

В июле 1877 года из-за понижения уровня воды в Дунае мины, поставленные в районе прибрежных селений Фламунда и Корабия, оголились и уже не представляли опасности для турецких судов. Чтобы скрыть мины под водой, необходимо было укоротить их минрепы. Это задание было выполнено под огнем врага командой минеров под руководством лейтенантов Астромова и Невинского бывших офицеров с эскадры вице-адмирала Бутакова.

Активные минные постановки, выполненные русскими моряками на Дунае, оказали огромное влияние на весь ход военных действий в этом районе. Турецкие суда оказались закрытыми на своих стоянках - в Рущуке и Никополе. Русская флотилия господствовала на Дунае.

Но русские не только ставили минные заграждения. Их минные катера производили атаки кораблей противника шестовыми минами. Так, 14 мая отряд в составе четырех минных катеров направился в Мачинский рукав Дуная к месту стоянки турок. У города Мачин были обнаружены монитор "Сейфи", броненосная канонерская лодка "Фетхуль-Ислам" и один вооруженный колесный пароход. Два катера под огнем противника подорвали шестовыми минами монитор "Сейфи", и он быстро затонул.

Опыт боевых действий на Дунае подтвердил правильность взглядов вице-адмирала Бутакова на минное оружие, как на оружие не только оборонительное, но и наступательное. Этот опыт позволил также определить методы активного использования мин в речных условиях.

Значительно труднее было бороться с турецким флотом на Черном море, где Россия фактически ничего не могла ему противопоставить. Выход из положения нашел ученик и наиболее талантливый последователь Григория Ивановича Бутакова лейтенант Степан Осипович Макаров. Еще до начала войны, в ноябре 1876 года, он выдвинул довольно смелый проект: оборудовать быстроходные пароходы Российского Общества пароходства и торговли для перевозки паровых катеров,

вооруженных шестовыми минами. Пароходы должны были доставлять катера к турецким портам, и спускать их там на воду для атаки турецких кораблей. После атаки пароходам надлежало возвращаться в ближайший русский порт, взяв на борт катера. Нападение, а не пассивная оборона! Таков был смысл проекта Макарова.

Несмотря на исключительную важность проекта, Макаров почти два месяца вел упорную борьбу с бюрократами из морского министерства. Наконец, проект утвердили. В качестве корабля-матки был оборудован пароход "Вел. кн. Константин", командиром которого 31 декабря 1876 года назначили Макарова. Пароход был вооружен двумя трехфунтовыми, двумя четырехфунтовыми пушками и одной шестидюймовой мортирой. На борт его при помощи особых шлюпбалок можно было поднять четыре паровых минных катера. Пароход имел скорость хода до 10 узлов, скорость хода катеров - 6 узлов. Вооружение минных катеров состояло из шестовых, а затем из сконструированных Макаровым буксируемых мин. Только после настойчивых просьб Макарова примерно через четыре месяца после начала войны на вооружение катеров были переданы торпеды, лежавшие на складах Николаевского порта.

29 апреля 1877 года "Вел. кн. Константин", крейсируя в районе Батума, обнаружил на Батумском рейде турецкие корабли. С наступлением темноты минные катера были спущены на воду и безуспешно атаковали турецкий сторожевой корабль. В ночь на 29 мая "Вел. юн. Константин" подошел к Сулину, и катера атаковали турецкие броненосцы, стоявшие на рейде. На этот раз один из катеров взорвал и вывел из строя турецкий броненосец "Иджлалие". Успешной была и атака турецкого броненосца "Ассари Шефкет", произведенная в ночь на 12 августа на Сухумском рейде. А в ночь на 16 декабря 1877 года минные катера атаковали торпедами турецкие корабли на Батумском рейде. Это была первая в истории атака кораблей торпедой. Там же в ночь на 14 января 1878 г. катера с "Вел. кн. Константина" взорвали турецкий пароход "Иктибах".

Боевые действия минных катеров Макарова сковали действия турецкого флота. Инициатива на Черном море оставалась в руках русских моряков. Степан Осипович был произведен в капитан-лейтенанты, награжден золотым оружием и георгиевским орденом 4 степени.

В ходе русско-японской войны ученик и последователь адмирала Бутакова Степан Осипович Макаров внес солидный вклад в развитие русской военно-морской тактической мысли. Он первый использовал торпеду, как активное наступательное

оружие, положив начало новому классу боевых кораблей - торпедным катерам. Макаров первым также применил новый тактический прием использования минного оружия - совместную атаку кораблей противника несколькими катерами в темное время суток.

* * *

Зимой 1877/78 года русские войска подошли к Константинополю. Успешные действия русских войск создавали угрозу новой войны - на этот раз с Англией и Австрией, решительно возражавших против усиления русского влияния на Балканах. 19 февраля 1878 года в Сан-Стефано царским правительством был заключен мирный договор с Турцией. Но Англия и Австрия потребовали коренного изменения этого договора. Они были решительно против того, чтобы Болгария стала независимой от Турции, получила значительную часть эгейского побережья и сухопутную границу близ Константинополя. Большой авторитет России среди болгарского населения обеспечивал ей возможность оказывать серьезное влияние на режим в проливах, вопрос о которых прямого решения в Сан-Стефанском договоре не получил.

Царское правительство, упорно стремившееся к обладанию проливами и Константинополем, не желало и слышать об уступках. По приказу Александра II были приняты меры по минированию Босфора. В ответ на это Англия провела частичную мобилизацию резервов и ввела свою эскадру в Мраморное море, а Турция стала собирать вокруг Константинополя значительные силы. Казалось, новая, еще более жестокая война неизбежна.

К боевым действиям стал готовиться не только Черноморский, но и Балтийский флот. Еще в начале русско-турецкой войны на Балтийском флоте были произведены некоторые перемещения офицерского состава. В частности, Григорий Иванович Бутаков был назначен начальником отряда броненосной эскадры, командование которой взял на себя генерал-адмирал. Это непонятное на первый взгляд понижение Григория Ивановича явилось результатом его резкого выступления на совещании в Морском Техническом комитете против порочной системы кораблестроения.

Еще в первые дни войны отряд Бутакова установил минные заграждения на подступах к Выборгу, Динамюнде и Свеаборгу. Основным руководством при производстве этих работ служили привила постановки мин на фарватерах, разработанные самим Бутаковым.

В марте 1878 года под председательством Бутакова, как старшего флагмана, состоялись секретные совещания адмиралов

и генералов флота по вопросу "об употреблении русских морских сил в случае войны с Англией". На первом совещании, 16 марта, по предложению Бутакова было принято решение держать группы минных катеров в Кронштадте, Свеаборге, Роченсальме, Бьеркэ и Нарве. Кроме того, было решено послать в Свеаборг фрегаты "Петропавловск", "Севастополь", "Князь Пожарский" и "Светлана", создать на побережье Финского залива систему оптических телеграфов, организовать наблюдательные пункты на Дагерорте, Гангуте, Порккала-Удде, Гогланде и Стирсуддене и связать их электрическим телеграфом с Петербургом, выставить минные банки в разных местах Финского залива.

На заседании 20 марта Бутаков выступил с планом обороны Кронштадта и Петербурга. Он предложил собравшимся обсудить важный вопрос: может ли неприятель, имея большое число канонерских лодок и мелких пароходов и не употребляя даже контрмин, форсировать линии северных заграждений у Кронштадта? Сам Бутаков отвечал на этот вопрос утвердительно. Он исходил из расчета, что Англия может направить в Финский залив около 200 таких судов, не считая паровых барказов и катеров с кораблей. Мнение Бутакова вызвало множество возражений. Одни участники совещания усомнились в возможности столь дерзких действий противника, другие утверждали, что при прорыве заграждений неприятель будет встречен ружейным огнем гарнизона Кронштадта и его фортов. Третьи уверяли, что с падением уровня воды в заливе противник окажется в ловушке.

Однако Бутаков сумел доказать собравшимся, "что и гарнизон со своим ружейным огнем совершенно не будет прикрыт от тыльного огня{картечниц и малых орудий), и что, отогнав прислугу от орудий, у которых она совершенно открыта, неприятелю не понадобится большого десанта, чтобы овладеть несколькими малыми фортами; предположив, что неприятель имеет наши планы, ему не будет особенно трудно прорваться под медленным огнем больших 11-дюймовых орудий; что, завладев несколькими фортами, он не будет в ловушке, потому что может спокойно вылавливать мины или уничтожить их контрминами; что канонерские лодки будут разрушать Кронштадт с тыла своими большими орудиями, а потом пойдут и в Петербург; что против всего этого нужно и можно принять меры, но что мониторы могут плавать только по узким 9-футовым фарватерам, дающим им весьма ограниченный круг действий"{151}.

Приведенные аргументы убедили участников совещания в необходимости усиления обороны подходов к Кронштадту, а следовательно, и к столице. На заседании было принято

следующее решение: "1) Выдвинуть на южном фарватере вторую линию минных заграждений между Толбухиным маяком и Лондонской мелью, оставляя первую на прежнем месте, и защищать новую линию башенными фрегатами и кораблем "Петр Великий", а при случае и двухбашенными лодками; также устроив на южном берегу мортирную батарею, если за вооружением этих судов найдутся для этого мортиры. 2) Желательно вооружить башенные фрегаты и "Петр Великий" 9 или 8-дюймовыми мортирами с тем, чтобы это не мешало действию судовых пушек. 3) Во внутренних линиях минных заграждений южного фарватера следует оставить проход для наших судов шириной в 50 саж.".

16 апреля 1878 года Григорий Иванович Бутаков был произведен в полные адмиралы и вскоре после этого назначен на должность начальника береговой и морской обороны Свеаборга.

В связи с ожидавшимися военными действиями дел в крепости было много. В спешном порядке шла работа по усилению обороны Свеаборга и Выборга, укреплению позиции Гельсингфорса, устройству оптического телеграфа, заготовке донных мин для минных заграждений и т.д. С открытием навигации темпы работ ускорились. На островах Сандгаме и Друмсе строились батареи, на островах Свеаборгской крепости и в Выборге исправлялись крепостные верки, намечались биваки и позиции. В обе крепости на военных кораблях были доставлены береговые орудия крупных калибров и запас снарядов к ним.

Адмирал Бутаков прибыл в Гельсингфорс с небольшой эскадрой, состоявшей преимущественно из старых судов Балтийского флота ("Петропавловск", "Севастополь" и другие). На флагманском корабле "Петропавловск" находится штаб обороны во главе с начальником штаба полковником А. Н. Витмером{152}, человеком честным, энергичным и решительным. В своих воспоминаниях об этом периоде службы он тепло пишет о своей совместной работе с Бутаковым, которого называет "рыцарем без страха и упрека". "Положение было крайне серьезное, - рассказывает Витмер, - война висела в воздухе. Вот-вот она будет объявлена. А через два дня английский флот мог появиться уже под свеаборгскими брустверами.

Каждый день был дорог. Надо было встретить этот флот и позаботиться о том, чтобы встреча была не опереточная. А состояние Свеаборга к нашему приезду было, действительно, опереточное. У всех сидел в головах престиж его неприступности, как я уже говорил - чисто фиктивной"{153}.

Витмер понимал, что старинные гранитные стены Свеаборга не смогут устоять против огня современных орудий и их следует укрепить брустверами из песка. На свеаборгских укреплениях

стояли орудия большого калибра для действий против неприятельского флота, которые не имели противодесантной обороны. Между тем высшее армейское начальство не верило в возможность высадки десанта противником, так как считало эту крепость неприступной. "Небрежность дошла поэтому до того, - писал Витмер, - что к нашему (с адмиралом Бутаковым) приезду не было готово при укреплении ни одного порохового погреба, и весь порох, в количестве 60 000 пудов, находится в неказематированном здании, позади укрепленных островов..."{154}.

При первом же совместном объезде крепости Григорий Иванович честно заявил своему начальнику штаба, что он мало разбирается в сухопутном деле, а особенно в крепостном, и попросил помочь ему изучить это дело. Бутаков разрешил полковнику Витмеру в экстренных случаях принимать необходимые меры по своему усмотрению, немедленно сообщая о них ему. В случае, если дело было сложным, Бутаков просил разъяснений, повторял, вдумывался в существо вопроса. В конце концов он "вполне уяснил себе дело и говорил о нем уже не как профан, а как человек, дело понимающий и даже могущий дать хороший совет. Благодаря такому честному и прямо-таки мудрому отношению к делу, Григорий Иванович в конце первого же месяца овладел обстановкой настолько, что если бы случайность бомбардировки вывела из строя его помощника, он не остался бы беспомощным и мог распорядиться совершенно самостоятельно. Но никогда ни одного распоряжения без моего совета, за все время обороны, он не делал... Поступал, одним словом, как человек большого ума и безусловной честности, оставляя в стороне мелкое самолюбие и преследуя интересы только дела, - одного дела"{155}.

Полковник Витмер пользовался полной поддержкой Григория Ивановича, который верил своему начальнику штаба, как человеку, знавшему свое дело. Однажды Витмер обнаружил, что двери во вновь построенных пороховых погребах были сооружены так, что снаряд противника, разорвавшийся внутри укрепления, мог легко пробить их и взорвать хранившийся в погребах боезапас. "Я сразу же, - писал Витмер, - оценил по достоинству господина Бенара (начальника инженеров, как назывался тогда начальник строительства. - Авт.) и его отношение к подрядчику (который, как оказалось впоследствии был подставным лицом, а настоящим подрядчиком был сам Бенар). Поняв неблагородную подкладку его действий, я решился не жалеть его. Когда на третий же день после приезда, обходя вместе с адмиралом укрепления, мы в первый раз попали на остров Куксгольм, я,

указывая на строящийся погреб, без церемонии спросил Бенара:

"Что это, полковник?"

Он удивленно отвечал: "Пороховой погреб".

"И вы не шутите, полковник?"

С обиженным видом он отвечал, что в данном случае считает шутки неуместными.

"Но если вы не шутите, как же вы могли построить пороховой погреб так, что он подвержен даже прицельному огню неприятеля?"

"Откуда?" - спросил он с тревогой.

"Да вот, не угодно ли посмотреть!"

И я указал ему кусок моря, откуда можно было свободно стрелять прицельным огнем по строящемуся пороховому погребу. Он как-то совсем съежился, а адмирал, спокойный и серьезный, только покачал головой, и боевой авторитет Бенара был окончательно подорван"{156}.

В дальнейшем оказалось, что недоверие начальника штаба к Бенару было обоснованным: через три года было вскрыто воровство и злоупотребления свеаборгских инженеров, и все они были преданы суду.

Взаимоотношения Григория Ивановича со своими подчиненными с первых дней службы в Свеаборге установились хорошие. В отличие от известных в то время адмиралов С. С. Лесовского и А. А. Попова, позволявших себе грубую брань по адресу подчиненных, Григорий Иванович был спокойным, ровным, но требовательным начальником.

Витмер приводит случай с молодым лейтенантом Терентьевым, который забыл выполнить крайне важное приказание Бутакова о поездке до восхода солнца на острова для топографической съемки местности. Присутствовавшие ожидали вспышки гнева адмирала. Но Бутаков с глубокой укоризной сказал лишь одно слово: "Нехорошо". Лейтенант Терентьев поспешил немедленно исправить свою ошибку; впоследствии он признавался, что предпочел бы лучше высидеть неделю под арестом, чем услышать от адмирала одно это слово.

Представляя по начальству содержательные доклады и записки, составленные его ближайшими помощниками, Григорий Иванович никогда не присваивал себе авторство этих документов (как это и было принято в то время, так как подписывал он их сам). Больше того, он стремился отметить заслуги составителя содержательного документа. В этом вопросе Бутаков был особенно принципиальным и последовательным. Однажды, например, услышав от высшего начальника неодобрительный отзыв о полковнике Витмере, Бутаков в рапорте по поводу работы

своего начальника штаба похвалил его. "...Надо обладать необычайной честностью, благородством и силой духа, - отмечает Витмер, - чтобы, особенно при наших порядках, вслед за руганью сильного человека, своего непосредственного начальника, от каприза которого зависела вся его дальнейшая карьера, отозваться о... человеке так, как это сделал Григорий Иванович"{157}.

Человек испытанной храбрости, Бутаков долго не мог согласиться со своим начальником штаба, доказывавшим, что начальник обороны Свеаборга и его штаб в случае боя должны находиться на командном пункте, расположенном на горе у обсерватории, и оттуда наблюдать за происходящим и отдавать необходимые распоряжения и приказы частям. "Адмирал, воспитанный в традиции, что флотоводец должен вести свой флот с адмиральским кораблем во главе (традиции, по-моему, вредной, - замечает Витмер, - что доказала гибель Макарова), - никак не мог помириться с мыслью, что главный начальник не должен кидаться вперед, а наблюдать и руководить боем"{158}.

Только после долгих споров удалось переубедить Бутакова.

Уделяя много времени работам по укреплению Свеаборгской крепости, Бутаков неустанно следил за ходом боевой подготовки свеаборгской эскадры, в которую входили два броненосных фрегата, три парохода и несколько мелких судов. Личный состав эскадры овладевал искусством совместного плавания кораблей, проводил учебные артиллерийские стрельбы, учения по отражению ночных минных атак.

Придавая большое значение использованию минного оружия, Бутаков принимал все меры к тому, чтобы найти средство обезопасить свои корабли от мин противника. И такое средство было найдено. Приказом № 11 за 1878 год Бутаков ввел на вооружение эскадры первый в мире шлюпочный трал. Тралящая часть этого трала состояла из дюймового пенькового троса длиною около 43 метров, на концах, и в середине которого были прикреплены грузы, примерно по три килограмма каждый. Грузы подвешивались на тонких, коротких пеньковых тросах - штертах с поплавками. Штерты имели в длину от полутора до шести метров в зависимости от глубины, на которую опускался трал. При помощи трала, буксируемого двумя шлюпками, обнаруженную им мину можно было доставить на мелкое место и уничтожить. На случай, если мину по каким-либо причинам буксировать на мелководье не удастся, к тралу подвешивались специальные подрывные патроны весом до четырех килограммов для уничтожения мины на месте ее обнаружения.

Успешные работы по подготовке крепости к обороне

подходили к концу, когда стало известно, что царское правительство согласилось на пересмотр Сан-Стефанского договора. 1 июля 1878 года на Берлинском конгрессе был подписан новый мирный трактат с Турцией, условия которого были менее выгодны для России. Претензии царского правительства на проливы отвергались, предусмотренная Сан-Стефанским договором Великая Болгария раскалывалась на три части, и т.д.

С заключением Берлинского трактата опасность войны с Англией миновала. В связи с этим все военные приготовления были прекращены, штабы обороны крепостей расформированы. Бутаков со своей эскадрой вернулся в Кронштадт.

Последние годы жизни

Кампания 1878 года была последней для Григория Ивановича Бутакова. По возвращении в Кронштадт он был отстранен от руководства плавающими соединениями и кораблями, отстранен от дела, которому отдал все свои знания, всю жизнь. Высокопоставленные чиновники из морского министерства стремились избавиться от "беспокойного адмирала", которого они так и не смогли переделать "на петербургский лад".

Адмирал Бутаков поселился на своей финляндской даче и отдал все свободное от занятий время воспитанию детей. На дачу поступала обширная корреспонденция. Адмиралу писали его многочисленные сослуживцы, друзья. "Мы узнали, - писал из Севастополя бывший адъютант Бутакова капитан 2 ранга в отставке Николай Дмитриевич Скарятин, - что будто бы в нынешнем году Григорий Иванович останется на берегу и не пойдет в плавание. Неужели это правда? Да когда же, наконец, кончится эта подпольная интрига, более двадцати лет в корне подтачивающая наш флот, устраняя от него лучшие силы и опыт! Ведь скоро в этом флоте не останется ни одной личности, на которую мог бы опереться будущий преобразователь, по окончании теперешнего растлевающего начала. Право, мы живем в такое время, что не мешало бы Петрухе (Петру I. Авт.) восстать из гроба хоть на один день, чтобы разогнать дубиной всю эту сволочь, извините за выражение, изуродовавшую одно из лучших его созданий!"{159}

Однако оторвать Григория Ивановича от флота было невозможно. Бутаков, находившийся по сути дела в изгнании, продолжал разрабатывать вопросы совершенствования боевой техники и тактического мастерства русских моряков. В 1879-1880 годах он разработал и организовал новый вид тактической подготовки офицеров флота - военно-морскую игру. Такие игры способствовали не только уяснению тактических приемов

морского боя, но и теоретическому разрешению многих вопросов морского дела. Они проводились обычно еженедельно зимой в Петербурге под руководством Бутакова в собрании Технического общества.

При проведении игр Бутаков обратил внимание на то, что прокладка пути корабля по существовавшим тогда методам и оценка сделанных "выстрелов" требовала много времени и, замедляя игру, делала ее скучной и утомительной. Поэтому он изобрел так называемые "лекала", представлявшие собой сделанные из картона половинки картушки компаса, на которых отмечалось направление руля и движение центра корабля. Эти нехитрые приспособления значительно ускоряли решение элементарных расчетов, связанных с прокладкой, и ускоряли ход военно-морской игры, делали ее более интересной.

Более двух лет адмирал Бутаков оставался не у дел. Но вот в начале 1881 года ему предложили ответственный пост главного командира Петербургского порта.

Что же заставило царских сановников из морского министерства вспомнить о Григории Ивановиче Бутакове?

* * *

В конце 70-х - начале 80-х годов XIX столетия произошли значительные изменения во внутренней и внешней политике царской России.

Внешне-политическое положение России ухудшилось вследствие враждебной позиции, занятой по отношению к ней Германией и Англией. В угоду прусским помещикам, потребовавшим ограждения германского рывка от русской конкуренции, Бисмарк в январе 1879 года почти полностью запретил ввоз в Германию русского скота, мотивировав это запрещение появлением чумы в Ветлянке (Астраханская губерния), а затем повысил хлебные пошлины. Все эти меры отразились на экономике России. Следующим враждебным актом явилось заключением в 1879 году австро-германского союзного договора, направленного против России.

Не менее серьезная опасность угрожала России и со стороны Англии. Берлинский конгресс 1878 года довольно ясно показал, что Англия не собирается держать закрытыми проливы Босфор и Дарданеллы для военных судов. Это практически означало, что если Англия пошлет свои боевые корабли в Черное море, то под угрозой окажется все русское побережье Черного моря, а вместе с ним и внешняя торговля России. Чтобы избавиться от такой опасности, России надо было создать на Черном море сильный военный флот.

Именно создать, так как в конце 70-х годов полноценного

флота в России не было. Имелись отдельные корабли, по своим качествам превосходившие иностранные суда, но их было недостаточно для обеспечения государственных интересов России на море.

Строительство же новых военных кораблей велось неразумно и бесконтрольно. Огромные средства тратились впустую. "...Машина корабля "Петр Великий", - писала 24 декабря 1880 года газета "Голос", - стоила уже миллиона, буквально выброшенного за борт, и будет стоить еще гораздо более... Если б, кроме "доверия" и "независимости" агенты и кораблестроительные дилетанты морского министерства были еще связаны и ответственностью, то без сомнения и "Петр. Великий" имел бы очень хорошую и один только раз оплаченную машину, и яхта "Ливадия" не сидела бы в Феррольской бухте, и вместо "поповок" у нас в Черном море был бы действительно приличествующий России флот".

Внутреннее положение России в 1879-1881 годах характеризовалось истощением государственной казны, рядом скандальных процессов, свидетельствовавших о разложении в среде высшего чиновничества, буржуазии и отчасти офицерства. В стране назревала революционная ситуация, связанная с растущим рабочим движением .и движением народников. Ряд террористических актов народовольцев завершился убийством 1 марта 1881 года Александра II.

Все это вызывало тревогу и растерянность в правительственных кругах. Производились частые смены руководства в министерствах, в том числе и в морском. Именно в этот момент высокопоставленные чиновники из морского министерства и вспомнили об адмирале Бутакове, известном своей кристальной честностью и принципиальностью. Несомненно, назначение адмирала Бутакова на пост главного командира Петербургского порта было некоторой уступкой требованию передовых общественных кругов.

Вскоре после вступления в новую должность Григорий Иванович подал управляющему морским министерством докладную записку, в которой подробно изложил свою точку зрения на перспективы русского военного кораблестроения.

Исходя из того, что Россия должна быть первоклассной морской державой, Бутаков указывал в этой записке, что задачей морского министерства "должно быть создание такого флота, который равнялся бы соединенным флотам Германии, Швеции и Дании в Балтийском море, турецкому в Черном, а на Дальнем Востоке возникающим флотам Китая и Японии"{160}.

За основной тип боевых судов для Балтийского флота

Бутаков предлагал принять броненосный корабль "Петр Великий", как корабль, не уступающий ни в чем новейшим судам германского флота. "По морским качествам, - писал адмирал, - суда этого типа могут совершенно свободно действовать не только в Балтийском море, но и на всем прибрежье Европы и в Средиземном море"{161}. Бутаков считал необходимым усилить Балтийский флот одиннадцатью кораблями типа "Петр Великий" с 12-дюймовыми дальнобойными орудиями на каждом, а Черноморский флот, - восемью кораблями этого типа ("чтобы придать Черноморскому флоту перевес над турецким, и в особенности, если к числу линейных броненосцев придать десяток-другой миноносок улучшенного типа "Батум"{162}). В этой же записке Бутаков дал неправильную оценку Тихоокеанского театра. Он не видел необходимости иметь на Дальнем Востоке военно-морской флот, "с одной стороны, ввиду слабого населения приморской области и отсутствия в ней всяких промышленных средств; с другой, потому, что необходимые для военных в том крае действий морские силы могут быть отделяемы, в виде временных эскадр, от Балтийского флота"{163}. События, развернувшиеся на Тихом океане в конце XIX-начале XX столетия,{164} убедительно показали ошибочность взглядов Бутакова на значение Тихоокеанского театра.

В докладной записке Бутаков решительно возражал против постройки за границей кораблей для отечественного военно-морского флота. Он призывал к деловому, разумному подходу к решению этого важнейшего вопроса. "Корпуса броненосцев и даже больших крейсеров, - писал он, - должны безусловно быть построены на наших отечественных верфях, но это не должно служить препятствием к приобретению из заграницы всех тех материалов, которых мы не можем легко и своевременно получить от отечественных заводов"{165}.

На новом посту адмирал Бутаков оставался неизменно верен своим принципам. В подчиненных он поощрял самостоятельность, творческую инициативу в труде. Так, в одном из приказов адмирал призывал каждого мастера, техника и инженера порта помнить, что он, Бутаков, при обсуждении технических вопросов является "только техником в большей или меньшей степени, а не начальником, а они - техниками, а не подчиненными". Поэтому, - писал Бутаков, - я прошу их не стесняться теми (взглядами. - Авт.), которые я выражаю, и отстаивать свои воззрения, как равный с равным, до окончательного моего решения". Он призывал их, "чтобы они встали на высоту своего научного призвания и не считали бы необходимостью уступчивость и деликатность в отношении к

начальнику, когда дело идет о технических вопросах их специальности, в которых они даже и обязаны быть наиболее сведущими"{166}.

Подобные взгляды адмирала Бутакова настолько противоречили традициям старорежимного чиновного строя с его раболепием и угодничеством, что не могли не вызвать недовольства высшего начальства. Недовольство еще более усилилось, когда Бутаков оказал упорное противодействие незаконным поступкам некоторых ловких дельцов, пользовавшихся могущественной поддержкой генерал-адмирала и морского министерства в своих махинациях.

Вскоре по назначении Бутакова главным командиром Петербургского порта морское министерство предложило ему заключить с Балтийским заводом контракт на постройку броненосного фрегата "Владимир Мономах" и двух машин в 7000 индикаторных сил каждая, - всего на сумму 4 215 тысяч рублей. Бутаков, познакомившись с соображениями конторы Петербургского порта, указывающей, что цена эта чрезмерно высока и может быть без ущерба для дела снижена более чем на миллион, вполне согласился с мнением конторы и доложил о нем морскому министерству. Однако министерство, не приняв во внимание доводы Бутакова, потребовало ускорить заключение контракта. Более того, генерал-адмирал в присутствии управляющего министерством сделал Бутакову строгое замечание. Но Бутаков не подчинился приказанию. Он не только категорически отказался подписать контракт с заводом, но и выразил свое возмущение тем, что завод уже приступил к постройке без контракта, не получив от него наряда на производство работ.

Бутаков категорически возражал также против того, что "Владимир Мономах" строился не из отечественных материалов, а из заграничных, завезенных директором завода Кази на основании словесного разрешения управляющего морским министерством, но без ведома и согласия главного командира Петербургского порта.

На предложение Бутакова "представить более подробное сметное исчисление завода на означенные постройки, которое должно заключать в себе количество железа, стали, лесов, прочих материалов, рабочей силы и стоимость... чтобы по этим данным представилась возможность точно определить, насколько выпрашиваемые заводом цены отвечают действительной стоимости этих заказов", Кази, пользовавшийся полной поддержкой управляющего морским министерством, резко отвечал: "Завод не может сообщить требуемых портом сведений, и

я не считаю, что порт в праве их требовать, потому что это значило бы подвергнуть контролю главного командира соображения внутреннего управления заводам, на что я не согласен, и обязанным себя не считаю"{167}.

"Гордая и непримиримая" позиция Кази, якобы защищавшего престиж завода от посягательств главного командира порта, объяснялась очень просто. "Из печатных отчетов завода видно, - писала газета "Голос" 30 июня 1881 года, что долг завода Морскому министерству... в 3 года возрос на 5 с лишним миллионов!. что г. Кази получает от 10% до 25% с работ завода и в 1879 году получил дополнительное вознаграждение с прибылей предыдущих двух годов - 53 016 руб. Поэтому вполне понятно, что с заказа в 41/4 миллиона он не желает сбросить миллион с четвертью, как того требуют доказательства конторы над портом".

Разоблачение было поистине скандальным.

Несмотря на то, что за спиной Кази и К° стояли такие влиятельные лица, как управляющий морским министерством Пещуров и сам генерал-адмирал, Бутаков продолжал упорно отстаивать свою точку зрения. Знал ли он, что своими действиями затрагивает великого князя Константина Николаевича? Шестаков в своих воспоминаниях уверяет, что Бутаков об этом знал и действовал так потому, что стремился показать необходимость смены скомпрометировавшего себя беспринципного руководства.

Действия Бутакова находили самую широкую поддержку среди моряков. К этому времени уже многим стало ясно, что бездарное руководство морским министерством весьма печально отразилось на состоянии русского флота. Видимо, это стало понятно и высшим сановникам государства. 13 июля 1881 года великий князь Константин Николаевич был освобожден от обязанностей генерал-адмирала. На этот пост был назначен его племянник, другой великий князь - Алексей, мало чем отличавшийся от своего незадачливого дяди. Управление морским министерством было возложено на И. А. Шестакова.

Шестаков отлично сознавал, что в истории с Кази Бутаков абсолютно прав, а потому, как он пишет об этом в своих воспоминаниях, советовал новому генерал-адмиралу "ликвидировать все дела с Балтийским заводом, иначе он (Алексей) вступит в управление с колодкой на ногах"{168}. Но Алексей дал понять Шестакову, что разоблачение грязных дел Кази может повредить репутации Константина, поэтому он "желает выгородить имя дяди из сомнительного дела". И Шестаков, чтобы угодить "августейшим особам", решил пожертвовать старым другом.

Отношения между управляющим морским министерством и адмиралом Бутаковым резко ухудшились. Усилия адмирала, направленные на то, чтобы спасти миллион государственных денег из лап ловких казнокрадов, не встретили поддержки ни у Шестакова, ни у нового генерал-адмирала.

Вскоре Бутаков неожиданно для себя был снят с занимаемого поста и назначен в Государственный совет, куда определяли обычно престарелых сановников, уже непригодных для работы в государственном аппарате.

Уход Григория Ивановича с флота вызвал глубочайшее сожаление русских моряков, высоко ценивших его труды на пользу отечественных военно-морских сил. "В течение 45 лет все силы Григория Ивановича были посвящены флоту, отмечалось 11 апреля 1882 года в шестом номере журнала "Морское обозрение". - Эпиграф - сигнал, взятый из созданного Григорием Ивановичем сигнального свода, часто поднимавшийся на броненосной эскадре - мы полагаем, что не ошибемся, если скажем, что в жизни автора этого сигнала не было момента, когда подобный сигнал мог бы быть поднят ему самому". Речь шла об известном сигнале Бутакова - "Отстать легко, догнать трудно!"

Сам Григорий Иванович тяжело переживал новое назначение, называя его "сдачей в архив". Переживания отразились на его здоровье. В ночь на 31 мая 1882 года Григорий Иванович скончался от апоплексического удара.

Заключение

Значение деятельности адмирала Григория Ивановича Бутакова для русского военно-морского флота чрезвычайно велико. Оно выходит за пределы простого продолжения традиций передовых русских флотоводцев - адмиралов Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина и других. Получив отличную морскую выучку и тактическую подготовку у адмирала М. П. Лазарева, а затем у его учеников и сподвижников адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова - лучших представителей военно-морского искусства эпохи парусного флота, Григорий Иванович Бутаков стал выдающимся деятелем новой эпохи в истории военно-морского искусства - эпохи парового броненосного флота. В тот переломный, критический период, когда парусный флот уже устарел, а царская Россия в силу своей политической и экономической отсталости потерпела поражение в Крымской войне 1853-1856 годов и осталась практически совсем без флота, адмирал Бутаков отдал все свои силы созданию в стране первого броненосного флота.

Став во главе первой русской броненосной эскадры, адмирал Г. И. Бутаков проявил себя смелым новатором, военно-морским

деятелем с широким теоретическим кругозором. Он был в то время единственным в мире адмиралом, решительно отказавшимся от механического переноса тактических приемов ведения боя, применявшихся парусным флотом, на флот паровой. Глубоко проанализировав боевые действия паровых кораблей в Крымскую войну и определив их новые тактические свойства и боевые возможности, Бутаков разработал начало тактики парового флота России.

Большой заслугой Бутакова является также создание новых принципов подготовки парового флота и воспитание им талантливых русских моряков-ученых, наиболее выдающимся представителем которых был С. О. Макаров. Бутаковские принципы оказали решающее влияние на дальнейшее развитие русской военно-морской тактической мысли.

Ученик Бутакова капитан-лейтенант Л. П. Семечкин в своих теоретических трудах разработал ряд проблем, которые не потеряли ценности до наших дней. Он первый доказал ошибочность взгляда на таран, как на главное оружие в бою, первый дал более широкое определение сущности тактики, вложив в нее не только практическое, но и теоретическое содержание, он поставил вопрос о важности маневра во время боя паровых флотов. Семечкин первый разработал вопрос о взаимосвязи наступления с обороной, указав, что оборона должна быть активной, а наступление должно сочетаться с элементами обороны. Семечкин конкретно поставил вопрос о единстве вооруженных сил страны, подверг справедливой и резкой критике взгляды иностранных военно-морских теоретиков. В своих работах Семечкин на несколько десятков лет опередил иностранную военно-морскую теоретическую мысль.

Большой вклад в развитие тактики русского флота внес другой талантливый ученик и последователь адмирала Г. И. Бутакова - вице-адмирал С. О. Макаров.

Капитальный труд "Рассуждения по вопросам морской тактики" выдвинул Макарова в ряды выдающихся военно-морских теоретиков начала XX столетия. В этой работе сделано глубокое теоретическое обобщение опыта использования в боевых условиях броненосных судов и всех видов существовавшего тогда морского оружия, дано определение сущности морской тактики.

Морскую тактику Макаров определял как "науку о морском бое". Таким определением он близко подошел к правильному пониманию сущности тактики как теории и практики организации и ведения боя.

Макаров сделал в этом труде ряд практических выводов о боевом использовании орудий всех калибров и, в частности, о выборе дистанций и курсовых углов артиллерийской стрельбы в зависимости от различных причин, влияющих на ее меткость.

Считая торпеду активным наступательным оружием, Макаров предложил залповую стрельбу торпедами на дальние дистанции. Научно решив вопросы торпедного вооружения кораблей и торпедной стрельбы (в том числе вопросы стрельбы на малых глубинах, рассеивания торпед и определения углов встречи торпед с целью), Макаров заложил основы теории торпедной стрельбы.

Исключительный интерес представляют рассуждения Макарова о бое как одиночных кораблей, так и эскадр. Маневрирование он считал главным условием успеха в бою. По его мнению, боевой порядок эскадры должен состоять из нескольких отрядов (тактических групп), составленных из кораблей одного боевого предназначения и обладающих одинаковой скоростью хода. В противоположность большинству иностранных военно-морских теоретиков, считавших, что эскадренный строй может быть сохранен только до начала боя, а затем начинается "общая свалка", - Макаров утверждал, что именно сохранение строя в бою обеспечивает адмиралу управление эскадрой, а тем самым и успех боя.

Основным принципом ведения боя Макаров считал сосредоточение превосходящих сил против какой-либо части боевого порядка противника. Для достижения этой дели он рекомендовал выполнять в зависимости от сложившейся обстановки маневр охвата, окружения или отрезания части сил противника для последующего уничтожения его по частям.

Особое значение Макаров придавал миноносцам, считая, что они могут участвовать как в наступательном бою, так и в отражении атак противника.

Утверждением, что подводные лодки смогут принимать участие в бою в открытом море, Макаров опередил своих

современников на несколько десятков лет.

Макарову были свойственны и ошибки. Он, например, отрицал единство законов войны на суше и на море, утверждал, что флот должен состоять из малых, небронированных кораблей, предлагал создать единый класс кораблей для решения всех задач боя на море. Ошибочность этих положений показало дальнейшее развитие военно-морской науки и практики.

Однако, несмотря на ошибки в решении отдельных вопросов, все, что сделано Макаровым в области развития русской военно-морской тактической мысли, ставит его в ряды выдающихся военно-морских теоретиков.

В своих практических и теоретических работах С. О. Макаров развил дальше основные положения, выдвинутые Бутаковым. Знаменитое макаровское положение "Помни войну!" явилось продолжением бутаковского требования готовить себя к "решающему получасу, ради которого существует флот".

Для последующих поколений русских моряков адмирал Григорий Иванович Бутаков был и остался примером, достойным подражания. Это был в полном смысле слова адмирал-ученый, в котором соединялись храбрость и организаторский талант, научное дерзание и дар широкого научного обобщения.

Труды Бутакова по вопросам военно-морской тактики оказали большое влияние на развитие иностранного военно-морского искусства. "Новые основания пароходной тактики" получили широкое распространение за границей. Основные положения этой глубоко научной работы некоторые военно-морские теоретики широко использовали в своих трудах.

Пристальное внимание иностранных адмиралов привлекала и практическая деятельность броненосной эскадры, которой командовал Бутаков. Многие французские, немецкие, американские и другие адмиралы приезжали в Россию для подробного изучения методов боевой подготовки броненосных кораблей, разработанных Бутаковым, и затем широко применяли эти методы на своих флотах.

Несмотря на величайшие заслуги Бутакова перед родиной, правящие круги царской России сделали все возможное, чтобы предать память о нем забвению. Ни генерал-адмирал, ни стоявшие во главе военно-морских сил России чиновники в морских мундирах не могли простить Бутакову его прогрессивных взглядов, его непримиримой борьбы с формализмом, казнокрадством и другими пороками, процветавшими в государственных учреждениях. Дворянские и буржуазные военно-морские теоретики, преклонявшиеся перед всем иностранным, стремились всячески умалить значение трудов Бутакова и его

роль в создании тактики русского парового броненосного флота. Чаще всего они просто умалчивали о них.

Только в Советской стране, в эпоху расцвета науки, труды Григория Ивановича Бутакова были оценены по достоинству.

Григорий Иванович Бутаков предстает перед советскими моряками как выдающийся теоретик русского броненосного флота. Многие выдвинутые им положения не потеряли своего значения и сегодня. Основы современного тактического маневрирования и эволюции кораблей, бесспорно, базируются на "Новых основаниях пароходной тактики" Бутакова.

Взгляды Бутакова на быстротечность боя в море и на необходимость постоянной готовности к нему приобрели в современных условиях исключительно важное значение.

Методы боевой подготовки личного состава броненосного флота, разработанные Бутаковым, имеют большое значение и для современного флота.

Образ Григория Ивановича Бутакова дорог советским людям потому, что этот выдающийся русский адмирал был истинным патриотом своей родины. Всю жизнь он учил своих подчиненных смелому, дерзновенному новаторству и инициативе, вдумчивой, кропотливой, непрерывной работе над совершенствованием своих знаний, настойчивости в достижении поставленной цели, принципиальной честности, прямолинейности, трудолюбию и непримиримому отношению к недостаткам. Вся жизнь и деятельность Григория Ивановича прекрасное свидетельство того, что только высокая требовательность к самому себе и к окружающим, справедливое отношение и забота о подчиненных являются единственно правильным путем, обеспечивающим начальнику авторитет и любовь подчиненных.

Образ адмирала Григория Ивановича Бутакова, замечательного сына русского народа, всегда будет являться для советских военных моряков примером верного служения Отчизне.

Основные даты жизни и деятельности адмирала Г.И.Бутакова{169}

1820, 27 сентября - Рождение Г.И. Бутакова в г. Риге.

1831, 6 мая - Поступил в Морской корпус кадетом.

1836, 9 января - Окончил Морской корпус гардемарином.

1836, летом - Плавание по Балтийскому морю на фрегате "Венус".

1837, летом - Плавание по Балтийскому морю на фрегате "Александр Невский".

1837. 23 декабря - Производство в мичмана и назначение в 31-й флотский экипаж Черноморского флота.

1838. 18 апреля - Назначение флаг-офицером при вице-

адмирале М.П. Лазареве на линейном корабле "Силистрия".

1838, апрель-май - Участие в крейсерстве у абхазских берегов.

1838, 12-14 мая - Участие в высадке десанта при занятии местечка у устья реки Туапсе.

1838, 15 мая - Назначение на тендер "Луч".

1838, 21 сентября-1840, 21 августа -Заграничное плавание по Архипелагу на шхуне "Ласточка".

1841-1842 - Крейсерство у восточного берега Черного моря на фрегате "Флора", транспорте "Кубань" и тендере "Струя".

1842, ноябрь - Усовершенствование Г.И. Бутаковым брашпиля и изобретение им нового способа сигнализации в тумане.

1843, 11 апреля - Производство в лейтенанты.

1843, 26 июня - 1844, 6 ноября Заграничное плавание на шхуне "Вестник" старшим офицером в Архипелаг, к о. Мальта, Неаполь, Чивитта-Веккии и Ливорно.

1845 - Крейсерство на фрегатах "Флора" и "Сизополь" у абхазских берегов.

1846, 6 декабря - Назначение командиром тендера "Поспешный".

1850, 23 апреля - Досрочное производство в капитан-лейтенанты за отличную службу.

1846, 6 апреля - 1850, 10 сентября - Производство описи берегов Черного моря.

1851 - Выход в свет "Лоции Черного моря", составленной Г.И. Бутаковым и И.А. Шестаковым.

1851, 17 марта - Командировка в Англию для приема и перевода в Черное море буксирного парохода "Дунай".

1851, ноябрь - Изобретение Г.И. Бутаковым компаса с наклонной стрелкой.

1851, 22 ноября - Возвращение из Англии в Николаев с буксирным пароходом "Дунай".

1852 - Командование на Черном море бригом "Аргонавт", а затем буксирным пароходом "Дунай".

1852, 3 декабря - Назначение командиром пароходо-фрегата "Владимир".

1853, февраль - 21 мая Участие Г. И. Бутакова в русском посольстве, посетившем Константинополь.

1853, 5 ноября - Бой пароходо-фрегата "Владимир" с турецко-египетским пароходом "Перваз-Бахри" - первый в истории бой между двумя паровыми кораблями.

1853, 18 декабря - Производство за отличие в бою в капитаны 2 ранга.

1854, начало года - Составление по поручению В. А.

Корнилова краткого описания эволюций.

1854, сентябрь-6 октября Обстрел "Владимиром" англо-французских траншей и батарей "пятиглазки", располагавшейся на горе против Киленбалочной бухты.

1854, 24 октября - Командование пароходо-фрегатами "Владимир", "Херсонес" и другими во время Инкерманского сражения.

1854, 24 ноября - Бой пароходо-фрегатов "Владимира" и "Херсонеса" под. общим командованием Г.И. Бутакова с англо-французскими пароходами у Песчаной и Стрелецкой бухт.

1855, 30 марта - Производство за отличие в капитаны 1 ранга.

1855, 26-27 мая - Обстрел пароходо-фрегатами под командованием Г.И. Бутакова неприятельских батарей под Севастополем,

1855, в ночь на 6 июня - Отражение личным составом пароходо-фрегата "Владимир" штурма французской бригадой укреплений Севастополя.

1855, в ночь на 28 августа - Организация Г.И. Бутаковым перевозки на Северную сторону раненых, войск и грузов.

1855, 29 августа - 13 сентября - Исполнение должности начальника рейдового отдела оборонительных линий северных укреплений Севастополя.

1856, 26 августа - Производство в контр-адмиралы и назначение на пост заведывающего морской частью в Николаеве (Главным командиром Черноморского флота) и военным губернатором Николаева и Севастополя.

1860, 1 февраля - Назначение начальником практической эскадры винтовых кораблей Балтийского флота.

1862, сентябрь - Производство опытов по использованию миноносного тарана броненосной лодки "Опыт".

1862, 9 октября - Командировка в Англию для изучения новых артиллерийских орудий на заводе Армстронга.

1863, 16 апреля - Назначение военно-морским агентом (атташе) в Англию и Францию.

1863Выход в свет "Новых оснований пароходной тактики".

1866, 28 октября - Производство в вице-адмиралы.

1867, 6 февраля - Избрание президентом международной комиссии экспертов морского отдела Всемирной выставки в Париже.

1867, 17 июня - 1877, 1 июня - Назначение начальником практической эскадры броненосных кораблей Балтийского флота.

1870, 1 января-1 марта - Командировка за границу.

1877, 1 июня-1 сентября - Назначение начальником отряда

броненосной эскадры Балтийского флота.

1878, 16-27 марта - Разработка плана обороны Кронштадта и Петербурга на случай войны с Англией.

1878, 16 апреля - Производство в полные адмиралы.

1878, 5 мая - 21 августа Назначение начальником морской и береговой обороны Свеаборга.

1878, сентябрь - 1880. - Не у дел.

1881, 1 января. - Назначение Главным командиром Петербургского порта.

1882, 30 марта - Назначение в Государственный совет.

1882, 31 мая - Смерть Г.И. Бутакова.

Примечания

{1} Пароходо-фрегат - фрегат, снабженный наряду с нормальным парусным вооружением паровым двигателем.

{2} С.О. Макаров. Рассуждения по вопросам морской тактики. Военмориздат, 1943, стр. 377.

{3} П.И. Белавенец. Значение флота в истории России, второе издание, Петроград, стр. 181.

{4} С.М.Соловьев. Записки, изд. "Прометей", СПБ, б.г., стр. 113.

{5} "Колокол", 1860, л. 83, передовая статья.

{6} ЦГАВМФ, ф. 807, д.110, л. 30.

{7} Там же, л. 31.

{8} "Морской сборник" № 7-8, 1918, стр. 118.

{9} Цит. по журналу "Вопросы истории" № 11, 1950, стр. 106-107.

{10} В.И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 521.

{11} Генерал-майор Н. Н. Раевский был назначен в конце апреля 1838 года командующим войсками Кавказской линии и Черноморья. Его десантный отряд состоял из восьми батальонов пехоты, 4-го черноморского казачьего полка, двух рот сапер, четырех полевых орудий и 24 мортир.

{12} Бриг - двухмачтовый парусный военный корабль, вооруженный 16-28 пушками. Использовался для крейсерства и посыльной службы.

{13} Тендер - одномачтовый военный катер водоизмещением 50-60 тонн, вооруженный 10-12 пушками небольшого калибра.

{14} "Единорог" - русское орудие конца XVIII и начала XIX в., промежуточное между пушкой и гаубицей. На флоте из него стреляли бомбами и брандскугелями. Это орудие просуществовало почти до введения на вооружение нарезной артиллерии.

{15} Во время шторма 30-31 мая 1838 г. терпели бедствие все корабли не только у Туапсе, но и у Сочи. Погибло в те дни

много военных и торговых судов.

{16} "Кегорновая" или "кугорновая" мортира (по имени ее изобретателя инженера Кугорна) - восьмифунтовая (10,7 см) мортира. Угол возвышения в ней можно было менять с помощью прикрепленного к дульному утолщению сектора с отверстиями.

{17} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 110, л. 3.

{18} Брашпиль - лебедка для подъема якорной цепи и якоря, установленная в носовой части судна. Брашпиль имеет горизонтальную ось в отличие от шпиля, имеющего вертикальную ось. В настоящее время на кораблях применяются, как правило, паровые или электрические брашпили.

{19} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 110, л. 48 об.

{20} Командир тендера ***. Несколько слов о тендерах и управлении ими. "Морской сборник" № 9, 1849, стр. 575-590.

{21} "Морской сборник" № 9, 1849, стр. 581.

{22} Там же, стр. 578-579.

{23} "Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства", ч. V, СПБ, 1847, стр. 368.

{24} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 40, л. 2.

{25} В. А. Корнилов занимал в это время пост начальника штаба Черноморского флота и был фактически главным командиром флота ввиду глубокой старости адмирала М. Б. Берха, занимавшего эту должность.

{26} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 40, л. 9. Публикуется впервые.

{27} Там же, л. 16.

{28} Один румб соответствует 111/4°.

{29} А. Жандр. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В. А. Корнилова, СПБ, 1859, стр. 32.

{30} Впоследствии "Босфор" был переименован в "Синоп".

{31} А. Жандр. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А. Корнилова, стр. 74.

{32} Там же, стр. 75.

{33} ЦГАВМФ, ф. Бутакова № 4, оп. 1, д. 16, лл. 273-274.

{34} Е. Березин и К. де-Ливрон. Адмирал Г.И. Бутаков, СПБ, 1884, изд. 2-е, стр.10.

{35} Форлюк - первый с носа люк на палубе.

{36} Е. Березин и К. де-Ливрон. Адмирал Г. И. Бутаков, стр. 14, 15.

{37} Воспоминания князя Барятинского "Русский Архив", 1905, т. I, стр. 93-94.

{38} "Морской сборник" № 11, 1853, стр. 108.

{39} Симферопольский исторический архив, ф. Воронцовых-Дашковых, № 11, рукопись на 24 листах (продолжение рукописи того же фонда № 10). Цит. по книге Е.В. Тарле. Крымская война,

т. 2. стр. 16.

{40} Из ф. Строгановых (ГАФКЭ). Цит. по книге Е.В. Тарле. Крымская война, 4. 2, стр. 22-23

{41} Е. Березин и К. де-Ливрон. Адмирал Г. И. Бутаков, стр. 22-23.

{42} "Морской сборник" № 11, 1854, стр. 346-347.

{43} А. Жандр. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В. А. Корнилова, стр. 264, примеч.

{44} Архив Севастопольского музея обороны, 5070 и 5071, VI. Бумаги Бутакова. Письмо к матери (подлинник), 1854, окт. 18. Цит. по книге Е.В. Тарле, Крымская война, ч. 2, стр. 79.

{45} Адмирал Нахимов (документы и материалы), Военмориздат, 1945, стр. 137-139.

{46} Капитан 1 ранга Парфенов. "Защита Севастополя "с воды" в 1854-1855 гг. "Морской сборник" № 5, 1904, стр. 28-29.

{47} Г.И. Бутаков. Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде. "Морской сборник" № 10, 1855, стр. 370.

{48} Цит. по статье капитана 1 ранга Парфенова. "Морской сборник" № 5, 1904, стр. 14.

{49} Там же.

{50} Барбет - неподвижная броневая вертикальная защита вращающихся орудийных установок.

{51} "Русская старина", т. XXXIX, стр. 208.

{52} Апроши (в современной фортификации ходы сообщения) продолговатые рвы с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к атакованному фронту крепости и для укрытого от выстрелов неприятеля сообщения с параллелями (траншеями) и осадными батареями.

{53} Контр-эскарп - обращенная к противнику сторона наружного рва укреплений; она является преградой штурмующим, затрудняя им спуск в ров при наступлении и выход изо рва в случае отступления.

{54} О. Константинов. Штурм Малахова кургана 27.VIII.1855 г., "Русская старина", ноябрь, 1875, стр. 76.

{55} Отечественные записки", г. CXXXI, отд. I, стр. 539.

{56} Кингстоны - клапаны в подводной части, служащие для пуска воды внутрь корабля.

{57} Г.И. Бутаков. Из артиллерийских записок на Севастопольском рейде, стр. 369-360.

{58} Там же, стр. 363.

{59} Там же, стр. 367.

{60} В.И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 95.

{61} К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 28-29.

{62} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 42, лл. 9-10.

{63} Там же, лл. 6-7.

{64} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 111, письмо Бутакова без даты.

{65} Там же.

{66} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 117, л. 24.

{67} Там же, д. 58, д. 93.

{68} Там же, д. 42, л. 96.

{69} "Морской сборник" № 7, 1861, стр. 21.

{70} ЦГАБМФ, ф. 807, д. 58, л. 88.

{71} "Морской сборник" № 10, 1861, смесь, стр. 151-159.

{72} Адмиралтейскими поселянами числились крестьяне, приписанные к какому-либо адмиралтейству. По существу, это были государственные крепостные крестьяне.

{73} Старый механик. Из воспоминаний о Г.И. Бутакове, "Морской сборник" № 5, 1913, неоф., стр. 2-3.

{74} Там же, стр. 3.

{75} Там же, стр. 4-5.

{76} "Морской сборник" № 12, 1860, стр. 90.

{77} Салинг-рама - устанавливается на топе стеньги (рангоутного дерева, служащего продолжением мачты) для крепления снастей - веревок, служащих для постановки и уборки парусов и управления ими.

{78} Циркуляция - кривая, описываемая судном при руле, положенном на какой-либо угол.

{79} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 56, л. 73.

{80} Там же, лл. 74-75.

{81} Координат - уклонение корабля или соединения кораблей в сторону от курса. При выполнении этого маневра вправо (влево) корабль поворачивает вправо (влево) на некоторое число румбов и, пройдя положенное расстояние, поворачивает влево (вправо) на тот же угол и таким образом ложится на курс, параллельный прежнему.

{82} Гр. Бутаков. Новые основания пароходной тактики. 1863, введение, стр. VII-VIII.

{83} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 61, лл. 1-7.

{84} К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 29.

{85} К податному сословию относились мещане, крестьяне и ремесленники - лица, плативщие подати, т. е. прямые я личные налоги (например, подушный налог).

{86} ЦГАВМФ, ф.807, д. 60, лл. 49-53.

{87} Обзор плаваний практической эскадры винтовых лодок Балтийского флота, "Морской сборник" № 7, 1862, оф. отд., стр. 16.

{88} Там же, стр. 15-16.

{89} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 60, лл. 51-53.

{90} Там же, д. 59, л. 38.

{91} Там же, л. 53.

{92} Там же, д. 60, лл. 60-61.

{93} Е. Березин и К. де-Ливрон. Адмирал Г.И. Бутаков, стр. 58.

{94} Эволюция - маневр, производимый находящимися в строю кораблями для изменения курса соединения, изменения расстояния между кораблями и т. д. Эволюция производится путем поворотов, применения способа кратчайших расстояний или захождений.

{95} К.Г. Житков. Светлой памяти Г.И. Бутакова, СПБ., 1912, стр. 38.

{96} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 58, л. 265.

{97} Там же, л. 314.

{98} Там же, лл. 278-279.

{99} Секвестр - запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование каким-либо имуществом другого государства, находящегося в пределах данного государства.

{100} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 61, л. 478.

{101} Там же, л. 148.

{102} Гр. Бутаков. Новые основания пароходной тактики, стр. 82.

{103} Диаметр циркуляции - расстояние между положениями судна на двух противоположных курсах при установившейся циркуляции.

{104} Гр. Бутаков. Новые основания пароходной тактики, стр. 3-4.

{105} Там же, стр. 43.

{106} Там же, стр. 44.

{107} Там же, стр. 118.

{108} "Морской сборник" № 8, 1864, часть оф., стр. 207-224.

{109} "La Revue Maritime et Coloniale", Paris, 1870, Janvier. p. 18.

{110} "Морской сборник" № 4, 1866, часть неоф., стр. 138, 140-141.

{111} "Морской сборник" № 10, 1867, морская хроника, стр. 12.

{112} Там же, стр. 15.

{113} К.Г. Житков. Светлой памяти Г. И. Бутакова, стр. 67-68.

{114} "Морской сборник" № 10, 1867, морская хроника, стр. 14.

{115} Там же, стр. 17.

{116} Там же, стр. 13.

{117} Там же.

{118} Там же, стр. 21.

{119} Там же.

{120} Парус рейковый - косой парус, пришнурованный к рейку - тонкому круглому дереву, предназначенному на шлюпке для этой цели.

{121} К.Г.Житков. Светлой памяти Г. И. Бутакова, стр. 67.

{122} "Морской сборник" № 10, 1867, морская хроника, стр. 12

{123} ЦГАВМФ, архив Макарова, д. 69, кн. 1, л. 162.

{124} Сборник приказов и инструкций адмиралов. Составил капитан 1 ранга С.А. Скрягин, 1898, стр. 142.

{125} К.Г Житков. Светлой памяти Г. И. Бутакова, стр. 67-68.

{126} Там же.

{127} Там же, стр. 64.

{128} Приказ по броненосной эскадре № 68 от 20 августа 1868 г. Цит. по книге Е. Березина и К. де-Ливрона, Адмирал Г. И. Бутаков, стр. 73.

{129} Там же.

{130} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 59, лл. 77 об, 85-88. Отчет комиссии под председательством адмирала Е.В. Путятина, приведенный в сокращенном виде.

{131} Мателот - соседний в строю корабль.

{132} Шпирон - то же, что и таран, т.е. выдающаяся вперед часть форштевня, служащая для нанесения неприятельскому кораблю таранного удара.

{133} "Морской сборник" № 5, 1871, часть офиц., стр. 47.

{134} Там же, стр. 48.

{135} Приказ № 55 от 2 августа 1868 г. Сборник приказов и инструкций адмиралов, стр. 141.

{136} Приказ № 24 от 28 июня 1868 г. Там же, стр. 132.

{137} Приказ № 50 от 15 июля !869 г., Там же, стр. 150.

{138} "Морской сборник" № 10, 1867, морская хроника, стр. 14.

{139} Носовой дейдвуд - узкое пространство в носовой оконечности деревянного судна, забранное брусьями.

{140} Минреп - стальной трос, соединяющий мину с ее якорем.

{141} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 59, л. 85.

{142} Сборник приказов и инструкций адмиралов, стр. 157. 137 (1) "La Revue Maritime et Coloniale", Paris, 1869, V. 27, p. 348.

{143} В.И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 368.

{144} П.А. Заиончковский. Подготовка военной реформы

1874 г. "Исторические записки Академии Наук СССР", т. 27, 1948, стр. 171.

{145} В.И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 390.

{146} Попов, Андрей Александрович (1821-1898) адмирал, мореплаватель и кораблестроитель. В 1838 г. произведен в мичмана, плавал на Черном море, с 1844 г. - там же лейтенантом, с 1853 г. - капитан-лейтенантом. Участник обороны Севастополя. В 1854 г. произведен в капитаны 2 ранга, в 1856 г. - в капитаны 1 ранга. В 1854 г. построил в Архангельске шесть винтовых клиперов. В 1858-1860 гг., командуя отрядом из двух корветов и клипера, плавал у берегов Японии и русского Приморья. В 1861 г. произведен в контр-адмиралы. В 1862 г. командовал эскадрой Тихого океана. В 1863-1864 гг. эскадра совершила плавание к Сан-Франциско с целью прекращения совместно с другой русской эскадрой - адмирала Лесовского - морских сообщений английского флота, после возвращения в Россию, Попов целиком посвятил себя кораблестроению. Им построен монитор "Крейсер", броненосец "Петр Великий". В 1868-1869 гг. спроектировал океанские крейсера "Генерал-адмирал" и "Герцог Эдинбургский". В 1873-1874 гг. спроектировал и построил круглые броненосцы береговой обороны ("поповки") "Вице-адмирал Попов" и "Новгород" и яхту "Ливадия". В 1872 г. - произведен в вице-адмиралы, в 1891 г. - в полные адмиралы.

{147} И.А. Шестаков. Полвека обыкновенной жизни (оригинал рукописи), т. VI, стр. 714 (Рукописный отдел библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

{148} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 63, лл.32-57.

{149} Там же, лл. 36-37.

{150} Там же, л. 45.

{151} Там же, д. 85, л. 19.

{152} Там же.

{153} Витмер, Александр Николаевич (1839- ?) - профессор по кафедре военной истории и тактики академии Генерального штаба, писатель. В 1863 г. был поручиком лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, с 1864 г. - в академии Генерального штаба. Автор мемуаров и статей о крепостях и флоте. Перу Витмера принадлежат следующие работы: "1812 год в "Войне и мире", "Задачи русского флота", "Французские военные учреждения конца XVIII века", "Влияние французских военных учреждений конца XVIII в. на ход революционных войн" (диссертация) и другие, в том числе две пьесы, шедшие на сцене. Должность начальника штаба береговой и морской обороны Финляндии и Свеаборга была последней. В 1878 г. Витмер вышел в отставку в чине генерал-майора и посвятил себя литературной

деятельности.

{154} А. Витмер. Что видел, слышал, кого знал (Из "Воспоминаний о службе с Г.И. Бутаковым"). "Морской сборник" № 5, 1914, часть неоф., стр. 26.

{155} Там же, стр. 26-27.

{156} Там же, стр. 42-43.

{157} Там же, стр. 28.

{158} "Морской сборник" № 6, 1914, часть неоф., стр. 7.

{159} Там же, стр. 57-58.

{160} Письмо Скарятина Г. Бутакову от 29 марта 1879 г. ЦГАВМФ, ф. 807, д.88.

{161} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 98, лл. 25-26 об.

{162} Там же, л. 33 об.

{163} Там же, л. 34 об.

{164} Там же, лл. 29 об. - 30.

{165} Там же, лл. 36 об. - 37.

{166} К.Г. Житков. Светлой памяти Г.И. Бутакова, стр. 92-93. Курсив в оригинале.

{167} ЦГАВМФ, ф. 807, д. 442, л. 115.

{168} И.А. Шестаков. Полвека обыкновенной жизни, т. VII, стр. 83.

{169} Все даты приводятся по старому стилю.